

ОЛЕГ ВОЛКОВ

Боевой фантастик

БУНТ
НА СВАЛКЕ

Для Федерации Мирема эта планета является обычной колонией. И отношение к ней соответствующее. Поэтому её и называют Свалкой. А главное, что на Свалку можно отправлять человеческие отбросы, потому что там есть Глотка, тюрьма, откуда не возвращаются. Но для жителей Дайзен-2 эта планета родная и когда в Глотке вспыхнул бунт заключённых, грозящий жителям планеты неисчислимыми бедами, население не стало ждать помощи от метрополии, а решило само встать на защиту родного дома и громко заявить о своём желании быть хозяевами у себя дома и быть свободными, в том числе и от Федерации Мирема.

Олег Волков

Бунт на свалке

Часть I. Подавление

Глава 1. Ссора с женой

Тихий, приятный вечер. На землю опустились сумерки, а на небе высыпали яркие звезды. Дневной зной давно спал. Воздух прохладен и свеж.

Белая авто с открытым верхом легко поднялась на очередной пологий холм. С плоской вершины жилой пояс Пингао — Дохлес на протянутую вдоль берега океана широкую полосу огней. Цепочки фонарей освещают пустые улицы, фасады ухоженных домов и низкие живые изгороди.

Кассен Откен убрал ногу с педали газа, машина тут же сбавила ход. На миг возникло желание остановиться, выйти из машины и последний раз полюбоваться жилым поясом, где довелось прожить последние пятнадцать лет. Самые счастливые пятнадцать лет в его жизни. Как знать: может ему больше не суждено вернуться сюда, прогуляться по берегу океана и выпить кружку великолепного пива в кабачке старого Сомы. Но легковая машина, двигаясь по инерции, спустилась с холма. Цепочки уличный фонарей скрылись за стеной тропического леса.

Хорошо знакомая дорога привела к дому. Кажется, будто двухэтажный домик с просторной лужайкой и аккуратно постриженными кустами давно пуст и никто не ждет позднего путника. В широких окнах темнота. Ни скрипа, ни шороха. Не горит даже лампочка на крыльце у входа. Но на самом деле его ждут.

Автоматика узнала хозяина и гостеприимно подняла ворота. Откен аккуратно загнал машину в гараж. Ворота, шелестя складными створками, опустились на землю. В гараже стало темно.

Вот он и дома. Но... Совершенно не хочется выбираться из машины и подниматься наверх. Четыре дня специально задерживался на работе, находил ненужные дела, все тянул и тянул кота за хвост, но... Рано или поздно она все равно узнает. Так пусть лучше от него, нежели от какого-нибудь случайного болвана. Откен тяжело вздохнул и поднялся из кресла. Рука привычно захлопнула дверь.

Можно включить свет. Всего одна стандартная фраза и в гараже, в коридоре и в комнатах зажгутся десятки ламп, но зачем. Он и так великолепно ориентируется в собственном доме. Едва касаясь пальцами стен, Откен прошел в гостиную.

— Добрый вечер, дорогой, — раздался в темноте ласковый голос супруги.

— Здравствуй, дорогая, — тихо ответил Откен.

В полумраке гостиной угадывается широкий диван и глубокое кресло с толстыми подлокотниками. Через открытое окно доносится шум прибоя. В воздухе витает приятный запах океана и едва уловимых аромат женских духов.

— Зажги свечи, — попросила Тана.

На низеньком столике возле дивана пальцы нашарили зажигалку. Откен зажег витые свечи. Маленькие огоньки высветили сидящую в глубоком кресле Тану. Боже! Как же она хороша! Коротенькое платье с глубоким вырезом обтягивает стройную фигуру. Сквозь тонкую ткань просвечивает нижнее белье. Откен невольно улыбнулся. Частичная нагота — самое убойное сочетание. Заводит и возбуждает сильнее полной обнаженности или вычурности дорогого платья. Минимум косметики, простое полупрозрачное платьице, Тана великолепна.

— Открой вино, — Тана улыбнулась.

Супруга очень любит устраивать романтические вечера при свечах. Легкий ужин, немного свежих фруктов, пара ломтиков ветчины и бутылочка вина, обязательно дорогое, с восхитительным букетом вкуса и запаха. Еще днем, когда Тана попросила отвезти дочку к теще, он сразу догадался, что ждет его по возвращению. Печально, Откен присел на диван, любимая женщина даже не догадывается, что таким образом сама подтолкнула его к очень и очень неприятному разговору. Тянуть дальше смысла нет, когда еще подвернется столь удобный случай.

Серая пыль тонкой пленочкой блестит на темных боках бутылки. Откен протянул руку. Наверняка оно пролежало не один десяток лет в погребе магазина элитных вин. Серая пыль очень выразительно подчеркивает благородство дорогого напитка. Залитая сургучом пробка на удивление легко выскочила из узкого горлышка. Густой, насыщенный аромат хорошо выдержанного вина поплыл по гостиной. Откен налил полный бокал вина.

— Может теперь расскажешь, что тебя мучает последние четыре дня? — ненавязчиво поинтересовалась супруга.

В голосе Таны чувствуется неподдельная забота и нежность. От нее невозможно что-либо скрыть. Она чудесная женщина и великолепная мать.

— Это... Это хорошо, что Рума у бабушки... — неуверенно протянул Откен.

Вроде, столь долго готовился к этому разговору, заготовил целую кучу фраз, но, как обычно бывает, нужные слова в раз вылетели из головы.

— Дело, в общем, в том... Ну, как бы это, по точней... Меня повысили, — Откен отвернулся.

После окончания Шондорского юридического университета Откен сразу же устроился на работу в тюрьму Антал. За двадцать лет прошел путь от простого надзирателя до помощника начальника тюрьмы по вопросам безопасности или зама по безопасности.

— Так это же хорошо! — Тана подвинула ближе пустой бокал.

Откен тут же наполнил второй бокал до краев. От волнения и растерянности совершенно забыл налить супруге.

— Неужели этого старого пня Обола наконец-то выперли на пенсию?

— Нет, меня переводят в другую тюрьму.

От скрытого вранья, от бесполезной попытки избежать неизбежного, першит в горле. Откен пригубил вино, но тут же поставил бокал обратно на стол.

— Ну... — Тана призадумалась. — Придется переезжать на новое место, дом, школа для Румы, но от перемены мест еще никто не умирал. И как же называется твоя новая тюрьма?

Откен чуть не прикусил губу. Вот он — первый вопрос.

— Официально Глот. Но зеки зовут ее Глотка.

Двумя судорожными глотками Откен осушил бокал до дна и тут же снова наполнил его до самых краев.

— Э-э-э... И где она находится? — спросила Тана.

Второй, самый главный вопрос. Откен выглянул в распахнутое окно. В темноте, за светлой полосой песчаного пляжа, мерцает океан. Зеленые волны лениво отражаются свет Итаги, повелительницы ночи. Сейчас бы выброситься из окна! Чтоб не мучиться! Только, Откен тяжело вздохнул, бесполезно: второй этаж, внизу мягкий песок. Максимально возможный ущерб — отбитые ноги и ушибленная гордость.

— На Свалке, — Откен с трудом выдавил из себя пару слов.

— На какой свалке? — удивилась Тана.

Неужели столь убийственное название ничего ей не говорит? Но нет, Тана выпрямилась в кресле. На лице от напряжения выступили скулы. Догадалась.

Во всей Федерации Мирема только одна единственная Свалка пишется с большой буквы. Пусть его не найти в официальных документах, но оно часто мелькает в бульварных изданиях и слетает с языка бойких журналистов.

Тана в упор посмотрела на Откена.

— Откажись! — потребовала супруга.

— Не могу, — Откен виновато развел руками. — Отказ начисто разрушит мою карьеру. Мне даже шлагбаум на въезде стеречь не доверят, не то, что в прежней должности оставят.

— Черт с ней, с карьерой! Поработаешь продавцом, грузчиком, дворником. Переучишься, получишь новую специальность и начнешь заново. Проживем как-нибудь.

— Это уже не важно, — вяло возразил Откен. — Я подписал все документы.

Полный стакан выскользнул из ее рук. Тана передвинулась на край кресла и громко скомандовала:

— Свет включить!

Домашний компьютер тут же зажег в гостиной большую люстру. Аура романтического свидания при свечах с треском рассыпалась на мелкие кусочки.

Откен посмотрел на супругу. Боже! Как же она хороша! Даже когда в ее глазах пылает гнев.

— На сколько контракт?

— Стандартный — двадцать лет.

Глаза Таны вытянулись в узкие щелочки, а на щеках выступил румянец.

— Я с тобой — не полечу! — ледяным тоном, как отрезала, заявила супруга. — Рума останется со мной!

Великий Создатель. Откен уставился в пустой бокал. Ну где же гром и молния, цунами или хотя бы землетрясение?! Именно такой реакции обожаемой супруги он больше всего ждал и боялся. Прятал глаза, тянул резину, но... Шило все равно высунуло острое жало из пустого мешка и ткнуло в самое больное место. Откен вылил в бокал остатки вина. Последняя капля на миг задержалась на горлышке, но тут же обреченно упала в бокал.

— Когда улетаешь? — спросила Тана.

— Через две с половиной недели.

— Отлично. Как раз успеем развестись.

— Послушай, — Откен так и не донес бокал до губ. — Мы не родили второго ребенка. Если ты выступишь инициатором развода, то потеряешь право на воспроизводство.

— Ну и что! — с вызовом ответила Тана. — Одна — не останусь. А тебе твое будет как собаке пятая нога! Можешь завести хоть целый гарем и клепать по отпрыску каждый день!

Как же она права. В груди вспыхнул и тут же погас маленький огонек злости.

Мирем давно и плотно заселен. Каждый житель метрополии может родить одного и только одного ребенка. Право на воспроизводство нельзя ни продать, ни передать по наследству, ни проиграть в карты. Его можно только реализовать. Обычная практика: при заключении брака супруги обязуются родить двоих детей, чтобы не один, а два раза воспроизвести себя.

Тана поднялась из глубоко кресла и демонстративно одернула платье. Боже! Как же она прекрасна! В тридцать восемь она сохранила великолепную фигуру первой красавицы в классе. В свое время пришлось не мало постараться, и даже свернуть пару носов, прежде чем

Тана приняла предложение выйти за него замуж.

— Я пошла спать. — на миг Тана остановилась возле спальни. — Одна! Диван в твоём полном распоряжении.

Дверь с грохотом захлопнулась за её спиной.

Вот так, Откен залпом осушил бокал с вином, походя, пятнадцать лет счастливой семейной жизни коту под хвост. Отныне и навсегда дорога в супружескую спальню для него заказана. Тана вынесла самое суровое наказание — отлучила от тела. Даже на последок.

Откен попытался вытряхнуть из пустой бутылки хотя бы капельку вина. Облом. Откен с треском поставил бутылку на стол.

Какое горькое облегчение, когда самое страшное осталось позади. Конечно, знал: так оно и будет. Со всеми так. Без исключения. Но все равно до последнего надеялся на чудо. Прошли те времена, когда жены следовали за мужьями в ссылку в глухомань. Как хорошо, что Рума, шестилетняя дочь, не видела, как раз и навсегда разошлись её родители.

Да и зачем ей отправляться за ним в ссылку? Откен вновь взял пустую бутылку, но тут же поставил её на место. Такая женщина, как Тана, не останется одна даже с ребенком на руках и без права на воспроизводство. Зачем ей ждать двадцать лет? Да пропади оно все пропадом!

Откен, прямо в ботинках, бухнулся на диван и уставился в потолок. В одиночку прикончил бутылку отлично вина, но алкоголь не принес желанного облечения.

— Свет выключить!

Гостиная вновь погрузилась в темноту. Откен закрыл глаза. Пусть дорогое вино не принесло облегчения, зато оказалось отличным снотворным. Быстро, не замечая ничего вокруг, Откен уснул. Лишь забытые на столе свечи прогорели до самого рассвета. Но под утро, выбросив на прощанье тонкую струйку дыма, погасли и они.

Глава 2. Транспортник

Грузовой транспортный корабль с безликим номером 419 приближается к планете Дайзен-2. Вообще-то у космического грузовика есть имя — «Метрополия». Оно даже выведено большими буквами на кольце жилого модуля. Но по всем официальным документам Министерства колоний транспортник проходит под все тем же безликим номером 419. Чиновникам министерства абсолютно наплевать, что нарисовано на внешней обшивке подведомственных транспортников. Хоть название «Метрополия», хоть самое пошрое граффити из самой дешевой пивной Пасмы, столицы Федерации Мирема.

В рубке управления чистота и порядок. Тихая музыка работающих приборов успокаивает нервы. Не нужно вертеть головой и пялиться на многочисленные датчики, индикаторы и показатели. Если, не дай бог, что пойдет не так, то бортовой компьютер сам обратит внимание капитана легкой трелью. Только в особо тяжелом случае, при попадании крупного метеорита или аварии главного реактора, противно взвояет сирена. А пока Анк Шустов, капитан «Метрополии», с комфортом сидит в широком кресле и читает очередной детектив из серии «Мир криминала» о похождениях частного сыщика со смешной фамилией Тонингон.

На большом обзорном экране планета Дайзен-2 растет прямо на глазах. Унылый мир темных оттенков красного. Дурной климат, переломанный рельеф и насыщенная углекислотой атмосфера. Маленькая колония с населением около двух миллионов человек затерялась среди гор и пересохших озер. Самый настоящий ад для преступников. Третью сотню лет метрополия исправно сливает на Дайзен-2 отбросы законопослушного общества. Как печально выразился витус Пилаг, первый губернатор колонии: «Дайзен-2 превратился в свалку человеческих душ». Сам того не желая, он дал колонии второе гораздо более известное имя — Свалка.

Но Шустова совершенно не волнуют условия жизни на Свалке. Ему посчастливилось родиться на Миреме. Работа межзвездного перевозчика оплачивается очень даже хорошо. Настолько хорошо, что можно потерпеть зловещий вид красной планеты по ту сторону обзорного экрана. Другое дело, когда он выработает стаж и уйдет на заслуженных отдых, то обязательно поселится в 19 световых годах от Свалки в тихом уголке старичка Мирема. Лучше всего там, где много простора, зелени, а красный песок всего лишь устилает садовые дорожки.

Маленький ридер удобно держать в руке и легким нажатием пальца переворачивать страницы. На дежурстве все равно делать нечего, вот и остается читать, читать и еще раз читать. Не даром экипажи космических кораблей слывут самыми начитанными. Но чем закончится очередное гениальное расследование утуса Тонингона так и не удалось узнать.

Прямоугольный часы над обзорным экраном показали 16 часов. Тут же запищал зуммер вызова. Диспетчер «Снежинки», большой орбитальной станции на орбите Свалки, очень хочет поговорить. Анк с большим сожалением оторвал взгляд от ридера.

— Связь разрешаю, — произнес Анк.

Бурным потоком, словно сломив плотину, в рубку управления ворвался знакомый немного хрипловатый голос:

— А-а-а! Так это ты?! Старый хрен! Я тут, понимаешь, заступил на дежурство, а «Снежинка» докладывает: какая-то хрень летит в нашу сторону!

Анк улыбнулся и уже без сожаления отложил ридер в сторону. На Ансуда, болтливого диспетчера «Снежинки», грех обижаться. Их своеобразная дружба длится больше десяти лет, буквально с самого первого рейса на Свалку. Что может быть приятней, чем сменить обстановку и разнообразить круг одних и тех же лиц старым и неумным на соленые шутки другом.

— Я те дам хрень! — шутливо пригрозил Анк. — Если ты до сих пор не понял, к твоему орбитальному корыту приближается самый лучший транспортник Федерации Мирема, с самым гордым названием «Метрополия»!

— А-а-а! Вспомнил! — динамик выплеснул порцию задорного смеха. — Ты — тот самый капитан, которому по большой и очень глупой ошибке выдали капитанский патент! Я прав?

— Да, это я, — спокойно, не поддаваясь на провокацию, ответил Анк.

— И неужели красавица Арсика до сих пор пускает тебя в свою койку? — поинтересовался Ансуд.

— Да куда она денется! — с вызовом ответил Анк. — Как только «Метрополия» отчаливает от старика Мирема, она моя и только моя! И мне плевать, что в Наймоне ее ждет какой-то там муж.

Путь от Мирема до Свалки не близкий. Ни один параграф полетного устава не в силах отметить сексуальные потребности. От через чур долгого воздержания крыша съезжает не только у мужчин, но и у женщин. Чтобы не пачкать кровь химией, транспортники комплектуют смешанными экипажами. Но и это еще не все. Чтобы не создавать проблем на личной почве, мужчины и женщины официально заключают так называемый космический брак. Иначе говоря — кто с кем спит и кто кому не имеет права отказать.

Иногда космические браки перерастают в официальные, заключаемые под торжественную музыку и слезы радости матерей. Но не всегда. Гораздо чаще мужчины предпочитают оставлять на Миреме официальную жену, а длительные межзвездные путешествия проводить с женой космической. Обратная ситуация, когда отважная покорительница космоса делит постель с космическим мужем, а дома ее ждет законный супруг, встречается гораздо реже. И тем более смешной и нелепой выглядит случай, когда космическая жена холостого капитана «Метрополии» официально замужем за другим.

— Везет тебе безбожно, — со вздохом заметил Ансуд. — Любит она тебя, что ли?

— Любит. Любит. Еще как любит. Каждую неделю по три раза, — заверил Анк.

— Тогда, чем на этот раз нас порадуют твои бездонные трюмы?

— Ну... как обычно, Ансуд, как обычно: десять контейнеров с первосортным свежим мясом. Во! Пальчики оближешь, — пообещал Анк.

— Ну-у-у... — разочарованно протянул Ансуд. — У нас этим добром вся Глотка забита, под самую глотку! — скаламбурил диспетчер.

— Э-э-э, не-е-е... Не спеши... — улыбнулся Анк. — Я же сказал — первый сорт.

Анк выждал эффектную паузу и выпалил на одном дыхании:

— Да я вам нового Погонщика везу!

— Да ну! Быть не может!? — ахнул Ансуд.

Весть о новом начальнике Глотки настолько заинтриговала Ансуда, что он включил видеопоток. На переднем экране, заслонив унылую Свалку, появился болтливый диспетчер.

За прошедший год Ансуд совершенно не изменился: как был, так и остался вечным подростком с гривой пышных волос, наскоро прилизанных расческой. Куртка диспетчера все

так же расстегнута не по уставу, мятый ворот рубашки все так же выглядывает наружу.

— Точно новый? — недоверчиво переспросил Ансуд.

— Точняк! — заверил Анк. — Клянусь самым дорогим, что у меня есть — попкой Арсики. Да не видать мне ее в горизонтальном положении!

— Кто такой? Как зовут? Какой из себя? Пофигист, пьяница? Как... — диспетчер «Снежинки» выплеснул море вопросов.

— Э-э-э! Притормози! — Анк поднял правую руку. — Все, что мне известно, так это его имя — Кассен Откен. И то, что перед отправкой к вам его с треском выгнала жена.

— Ну, этим нас не удивишь. Других к нам и не отправляют, — Ансуд едва не подавился смехом. — Ты вот что: как пристыкуетесь, давай в бар заглянем. Такое дело, понимаешь, обмыть надо.

— Что именно обмыть? — спросил Анк. — Прибытие «Метрополии» или нового Погонщика?

— И то и другое достойно быть помянуто кружкой доброго пива, — объяснил Ансуд. — За «Метрополию» платишь ты, а за нового Погонщика, так быть, заплачу я. Идет?

— Вполне, — согласился Анк. — Но чур: на Свалку меня не тащить.

Веселый диспетчер недовольно поморщился и, чеканя каждое слово, произнес:

— Не называй мой дом свалкой. Прошло три года, а ты так и не избавился от этого глупого суеверия.

Бешенная «популярность» Свалки породила страшное поверье. Экипажи космических транспортников уверены на все сто: достаточно хотя бы раз ступить на ее поверхность, как тут же превратишься в аборигена. Навсегда. Может и звучит глупо, но, на всякий случай, лучше провести пару недель на орбитальной станции в четырех стенах, лишь бы только не проверять на себе подлинность поверья.

— Прости, — Анк развел руками. — Только, ради бара «Пьяный космонавт», — не пытайся утащить меня к себе домой.

— Ладно, черт с тобой, — Ансуд вновь улыбнулся.

Болтливый диспетчер совершенно не умет обижаться и копить на кого бы то ни было злость, поэтому у него полно друзей.

— Пора завязывать, — Ансуд глянул в сторону и отключил видеопоток. — Жди меня в «Пьяном космонавте». Вы как раз пристыкуетесь, а моя смена закончится. Выпьем. Только без меня не начинай.

— Боишься, спущу твой заказ? — усмехнулся Анк.

— Еще как боюсь, — легко согласился Ансуд. — За подборку журналов мод с самого Мирема наши женщины готовы тут же, прямо на столе, выйти замуж. Так что будь осторожен. Пока. До встречи.

— До встречи, — попрощался Анк.

Насчет журналов мод и предложения выйти замуж Ансуд прав на все сто. Закон чаще всего нарушают мужчины. Вот и не хватает на Свалке женщин. Не то, чтобы очень, но вполне достаточно, чтобы убежденного холостяка местные жители воспринимали не иначе, как самого тяжкого неудачника. Выйти замуж — высшая награда, какую только может предложить местная красавица.

До конца полета чуть больше двух часов. Анк подобрал ридер и вновь погрузился в чтение. Интересно: утус Тонингон поймает неуловимого вора, который спер легендарный, почти мифический, бриллиант под романтическим названием «Слеза Леи-целительницы»?

Глава 3. Прибытие на Свалку

Перевозка грузов в больших стандартных контейнерах давно оправдала себя со всех сторон. Отпала надобность в трюмах, цистернах и грузовых платформах. Более того, ледяной анабиоз превратил пассажиров в точно такой же груз, который ничем не отличается от медной руды, запчастей для машин или детских игрушек.

На борту космического корабля от пассажиров никакого проку. Пусть чувствовать себя глыбой льда не очень приятно, зато экономия воды, воздуха и пропитания на порядок снижает транспортные расходы.

Через пару часов «Метрополия» пришвартовалась к орбитальной станции «Снежинка». Два зеленых контейнера с синими полосками отцепили от внешних ферм транспортника. А еще через час атмосферный челнок доставил их на поверхность планеты. Путешествие, которое для Кассена Откена началось в анабиозном центре на Миреме, закончилось в анабиозном отделе космопорта имени Пилага на Дайзен-2.

* * *

Откен глубоко вздохнул и открыл глаза. Такое чувство, будто его вытащили из сугроба, занесли в дом и погрузили в теплую ванну. По коже бегают мурашки, а в ступни тычутся мелкие иголочки. По телу расползлась страшная слабость, будто бухал целую неделю и налегал исключительно на чистый спирт.

Откен ухватился за край странной прямоугольной ванны и с трудом, хрипя от напряжения, перевел тело в вертикальное положение. С запястий, словно сытые пиявки, отвалились разноцветные трубки.

— Добро пожаловать на Дайзен-2, витус.

Откен ошалело посмотрел по сторонам.

Небольшая светлая комната очень похожа на кабинет врача в самой обычной поликлинике: белые стены и потолок, тепло и пахнет медицинской химией. Прямо перед ванной стоят двое. Один, что по ниже ростом и по крепче телом, держится уверенней, чем молодой и высокий парень, который нерешительно выглядывает из-за спины старшего товарища. На обоих черная форма тюремных надзирателей. Откен несколько раз с усилием моргнул. Вот уже третий десяток лет приходится носить точно такую же. Хотя нет, не совсем надзиратели. Красными крестами на черных рукавах выделяются эмблемы медработников.

— Вам помочь? — тот, что по ниже, учтиво наклонился.

— Благодарю. Я сам, — Откен упрямо мотнул головой.

К черту помощь. Откен поднатужился и приподнялся. Он сам и только сам выберется из анабиозной капсулы. Точно! Похожая на гроб металлическая ванная на самом деле анабиозная капсула. Значит... Здравствуй Свалка. Всего-то заснул на пару минут, а уже в 19 световых годах от родного дома и..., и от Таны.

Сердце сжалось в комок. Волна горечи и злости на долбаный мир поднялась из желудка и обожгла щеки. Пальцы, густо заляпанные анабиозным раствором, проскользнули по гладкой стенке капсулы. Откен перегнулся через край, подался всем телом вперед и

спрыгнул на пол. Точнее, попытался прыгнуть. На деле едва не шмякнулся. Откен с трудом удержал равновесие. Голые пятки едва не разъехались в разные стороны. Осторожно, боясь упасть, Откен выпрямился.

Ледяной анабиоз прекращает абсолютно все обменные процессы в организме, так что дистрофии мышц можно не бояться. Но погружение в лед не проходит бесследно. Пробуждение, или разморозку, проводят только квалифицированные врачи.

— Витус, душевая кабина сразу за вами, — подсказал тот, что ниже.

Откен кивнул и развернулся на месте. Пятки опять едва не разъехались на гладком полу. До узкой белой дверцы больше трех метров — господи, как далеко.

Анабиозный раствор. Бр-р-р!!! Гадость редкостная. Да и не раствор вовсе, а самая настоящая слизь. Скользя и липкая. Пока еще влажная — терпеть можно. Но! Как только начинает подсыхать, как кожу на груди и плечах раздирает противный зуд. Будто обгорел на солнце, и кожа лезет с тебя лохматыми пластами. Не зря рядом с анабиозными отделами устраивают душевые, чтобы сразу же после пробуждения смыть с себя эту гадость.

За белой дверцей с архаичной ручкой в виде стальной скобки самая обычная душевая кабинка. На полу пластиковая решетка, слава Создателю, нескользкая. Откен с трудом переступил через порог, на дверном косяке остались липкие отпечатки.

— Воду — включить! — громко скомандовал Откен.

Стандартная команда, которую должен понимать любой даже самый тупой домашний компьютер. Только ничего не изменилось. Круглый распылитель над головой по прежнему сух, как песок и камни в знойной пустыне.

Может душ неисправен? Неужели придется возвращаться к тем двум идиотам с красными крестами на рукавах? Хотя нет, Откен протер глаза. Из стены, на уровне пояса, торчат два механических крана. На одном синяя точка, на другом — красная.

Примитив! Откен слабо ткнул кулаком в стену. На этой Свалке, забытой Создателем и людьми, даже душа нормального нет. Всего лишь две трубы с механическими кранами и никакого голосового управления. Что дальше? Пляски с бубенцом, чтобы узнать прогноз погоды?

Откен крутанул кран с синей точкой. Из распылителя ухнул поток холодной, как лед, воды. Хессан вас всех побери! Откен крутанул кран с красной точкой. Грязная ругань помогла: бьющий из распылителя поток быстро стал терпимо холодным, потом приятно прохладным, а еще позже горячим. Засохшая на теле слизь размякла и потекла на пол мутными ручейками.

Какое блаженство. Не жалея ни себя, ни воды, Откен самым тщательным образом смыл с себя остатки анабиозного раствора. Жидкое мыло и мочалка с длинными петлями вместо ручек нашлись рядом в полинявшем ящике. Пришлось по старинке пачкать мочалку мылом и самому себе тереть спину. А как раньше это делала Тана... Как она умела превращать банальную гигиеническую процедуру в увлекательную игру. Понутив голову, Откен вышел из-под душа.

Трудности продолжают. Раз местный душ не душ вовсе, а примитивная гидравлика, то вряд ли в него встроены режим просушки. Тогда как стать сухим? Стеллаж с полотенцами, или хотя бы просто крючка с полоской ткани, по близости не наблюдается. Нужно мыслить логически, Откен завертел головой.

Раз на Свалке все же есть некое подобие душа, то рядом с ним должно быть хотя бы некое подобие сушилки. Не шлепать же в промокшем виде. Так и есть, в углу, в маленьком

закутке за душевой кабинкой, нашлась надпись «Просушка», а под ней маленькая красная кнопочка. Автоматики ноль, опять ручками.

Как и следовало ожидать, местная просушка примитив, не лучше душа. Струя теплого воздуха падает сверху и тут же уходит в металлическую решетку под ногами. Худо-бедно удалось высохнуть. Волосы чуть влажные, зато на руках и груди не блестят мелкие капельки воды. Но, словно желая окончательно доконать его, в стене слева что-то ухнуло и брякнуло. С тихим шипением отворилось маленькое окошко.

Что там? Откен заглянул во внутрь.

— Да чтоб вам электричество отключили! Бабы давать перестали! — Откен разразился грязной руганью.

Аборигены малого того, что заставили мыться в примитивном аппарате, так под конец предложили одень красный зековский комбинезон и красные же зековские ботинки. Бирка с числом 49 на ботинках и еще одна с числом 56 на отвороте комбинезона подчеркивают, что комплект предназначен специально для него.

От злости трудно дышать. Так бы и прибил первого встречного. Откен кулаком отворил серую дверь и вышел в накопитель. Точно накопитель. Раз на Свалку привозят исключительно заключенных, то за душевой в анабиозном отделе вполне резонно ожидать большую комнату с двухъярусными койками без одеял и подушек. Каждый новоявленный абориген приходит в себя в анабиозной капсуле, отмывается в душевой, там же одевает тюремный комбинезон и выходит сюда, ждать товарищей по нарам.

На счастье будущих подчиненных, на ближайшей койке нашелся зеленый чемодан с его именем. Откен приложил большой палец к сенсору. С тихим щелчком чемодан открылся. Как знал, как знал, Откен вытащил черный китель. Собирая вещи в далекий путь, на всякий случай прихватил полный комплект формы тюремного надзирателя, а так же черные ботинки, щетку, зубную пасту и пару носков на первое время. Если и носки здесь красные со штрих-кодом на пятке, то самое время вешаться на первом же крючке.

Неторопливо одеваясь, с наслаждением натягивая носки, Откен невесело улыбается. Начальство, не мудрствуя лукаво, отправило его на Свалку как простого заключенного. Уверен на все сто: весь путь до этой чертовой планеты он пролежал в одном штабеле с уголовниками. Ладно, разморозили в первую очередь. А то еще не хватало толкаться в накопителе с будущими подопечными. Достаточно того, что только двое из тюремного персонала видели его голым. Один хрен завтра по утру эти самые медики начнут рассказывать байки о размере его мужского достоинства.

Застегнув последнюю пуговицу, Откен присел на койку. Неприятная мысль сверлит голову. Осужденных отправляют на Свалку по мере накопления. Ровно десять зеленых контейнеров с синими полосками по шестьдесят человек в каждом. Не по собственной воле довелось занять чье-то место. Завидно и обидно — какой-то жулик, осужденный гнить в этой дыре, выиграл возможность понежиться в благодатных объятиях родного мира месяц — полтора. За возможность открыть форточку и вдохнуть свежий морской воздух с удовольствием бы отдал должность начальника местной тюрьмы. Но... не судьба.

Последним из чемоданчика Откен вытащил наладонник. В развитом информационном обществе невозможно обойтись без персонального средства связи с планетарной информационной сетью. Карманный компьютер размером с ладонь служит телефоном, навигатором, записной книжкой, а так же выполняет кучу мелких, но не менее полезных и приятных функций.

Откен включил наладонник. Карманный компьютер быстро проскочил загрузку, тестирование и озабочено замигал красной антенкой. А существует ли на Свалке информационная сеть? Мигнув последний раз, антенка позеленела. Существует — и то легче. На экране появилось до жути интересное сообщение. Откен быстро пробежал глазами по черным строчкам и опять, в который раз, невесело улыбнулся.

Свалка не уступает Мирему ни размерами, ни массой, вот только летит вокруг Дайзена в четыре раза быстрее. В местном году всего четыре месяца. Аборигены не придумали ничего лучше, как прямо так и назвать их: «зимний», «весенний», «летний» и «осенний». Да и дней в этих самых месяцах заметно меньше: в зимнем и летнем 24, а в весеннем и осеннем и того меньше, всего 23. Но самое печальное другое: продолжительность местных суток 20 часов. Да еще хор, последний псевдочас, который компенсирует оставшиеся 19 минут.

Аборигены живут по собственному календарю. Даты стандартного летоисчисления можно найти разве что в официальных документах. Едва вступив на Свалку, он сразу постарел с 41 года до 190. Да и срок кабального контракта, будь он трижды проклят, автоматически вырос с 20 до 90 лет — мелочь, а все равно противно.

Наладонник попросил разрешения перейти на местное время. Откен тяжело вздохнул и щелкнул ногтем по кнопочке с надписью «Да». Как бы не хотелось, но придется жить и по местному календарю и по местному времени. В правом верхнем углу тут же загорелась местная дата: 23 осенний 1548 года, пятница. Будь она проклята. Потыкав пальцем по настройкам, Откен заодно вывел на экран стандартное время: 2 июня 7347 года, суббота. Чтобы привыкнуть к местному календарю понадобится время. Пусть, пока, на экране соседствуют две даты.

Наладонник заиграл прямо в руке. На экране появился символический конвертик с надписью: «Получено сообщение». Вот оно как — не успел натянуть трусы и причесаться, а уже засыпают сообщениями. Что там? Откен щелкнул ногтем по конвертику.

Если отбросить вежливые обороты, поздравления в честь счастливого прибытия и пожелания успехов в деловой и личной жизни, то сообщение совсем короткое: витус Рекоу, действующий начальник тюрьмы, забронировал для него самый шикарный номер в самой шикарной гостинице, а так же открыл в местном банке счет на его имя. Отныне можно бродить по местным магазинам и сорить деньгами. Какая гадость! Как будто больше всего на свете мечтал затариться местными сувенирами. И, конечно же, старый динозавр ждет не дождется, чтобы спихнуть на приемника эту чертову Глотку.

То, что витус Рекоу не пришел встречать лично, ничего удивительного. Анабиоз штука коварная. Откену посчастливилось почти безболезненно перенести погружение в лед. Но везет далеко не всем. Некоторых в прямом смысле приходится вытаскивать из капсулы и реанимировать. Препараты для заморозки кого-то усыпляют, а кого-то едва не отправляют на преждевременное свидание с Великим Создателем. Из-за чего заключенных размораживают тюремные медики. Не было никакой гарантии, что Откен не провалится пару деньков в глубоком беспамятстве. Тогда витус Рекоу, как последний debil, торчал бы у порога накопителя. Ну не дурак же он.

И последнее — расписание местной подземки. Как раз через десять минут в Финдос, столицу колонии, отходит поезд. Если поднажать, вполне можно успеть.

Закрыв чемоданчик, Откен поднялся с койки. Накопитель — та же тюремная камера, просто так наружу не выйдешь. Тяжелая стальная дверь с массивным замком надежно закрывает выход. Подойдя ближе, Откен заметил на потолке стеклянный глаз видеокамеры.

Замок с дистанционным управлением громко щелкнул, едва Откен дотронулся до ручки.

Колония на Свалке в прямом смысле закопана под землю. Города и поселки, заводы и фабрики, дороги и фермы укрыты в толще планетарной коры от жестоких ветров, проливных дождей, жуткой стужи и адского зноя. Можно прожить целую жизнь, но так ни разу и не увидеть над головой зеленого неба.

Никакой не поезд, а всего лишь самодвижущийся вагончик быстро довез Откена до Центрального вокзала. Межу космопортом и Финдосом всего четыре с небольшим километра. Случайные попутчики, двое мужчин и женщина в форме техников, с плохо скрываемым любопытством пялились на него всю дорогу. Как будто у него две головы или три уха. Не иначе слух о прибытии нового Главного погонщика разлетелся по всей планете.

Наконец дверцы самодвижущегося вагончика разошлись в стороны, Откен с превеликим облегчением вышел на перрон Центрального вокзала. В глаза бросилась эмоциональная надпись на противоположной стене:

«Дайзен-2 — наша планета! Мы любим его таким, какой он есть!»

Ни здрасьте, ни добро пожаловать, а сразу в лоб — мы любим. И точка. Провинциалы. По Мирему ходят многочисленные слухи и анекдоты о комплексах неполноценности жителей далеких колоний. Так оно и есть. Откен на миг задержался перед эмоциональной надписью. Все они тут дебилы и недоноски. Нормальным людям, законопослушным гражданам, совершенно незачем покидать лоно материнской планеты.

В иной ситуации, будь он простым туристом, то с удовольствием побродил бы по Финдосу. Как ни как, а ни разу не доводилось бывать в подземных городах. Несколько жилых уровней, широкие туннели вместо улиц и купола площадей — наверно выглядит очень здорово. Если путеводитель не врет, столица Свалки располагается на четырех уровнях. Как ни сложно догадаться, первый — самый престижный. Состоятельные граждане предпочитают жить над головами простых смертных. Но, Откен бросил лишь пару равнодушных взглядов на убранство подземного вокзала, бродить с путеводителем и фотоаппаратом по улицам и уровням Финдоса абсолютно не хочется. Заключение в первую очередь интересует, когда он выйдет из тюрьмы, а не архитектурные изыски тюремного двора. Эскалатор вынес Откена из Центрального вокзала напрямик на Площадь пионеров, центр Финдоса.

Площадь густо засажена высокими елями. Ветер шевелит пушистые кроны. Воздух пропитан запахом свежей хвои. Над головой сияет огромный светильник — жалкое подобие ласковой Геполы, звезды метрополии. Центральную площадь размерами в пол километра аборигены превратили в небольшой парк. На другом конце площади должен быть отель «Зеленая роща», тот самый, самый шикарный. Впрочем, не исключено, что он же единственный.

Да-а-а, Откен обошел площадь по дуге. Вполне естественное желание первых поселенцев перенести в красные пески Свалки частицу родного мира за три столетия выродилось в пустопорожнее подражание. Вместо настоящего трехэтажного здания с крышей и стенами под вывеской «Зеленая роща» находится трехэтажный фасад. Внешне как бы обычный отель, а на деле выдолбленные в основании огромного купала номера и коридоры. Может здесь и лифта нет, за ненужностью? Вдоль кольцевой дороги понастроены точно такие же липовые фасады ресторанов, правительственных офисов и жилых домов. Господи, Откен недовольно поморщился, какое убожество.

Лифт в местном пятизвездочном заведении все же есть. Напротив входа в отель

широкие двухстворчатые двери блестят никелированными ручками. Звон маленьких колокольчиков над входной дверью привлёк внимание портье. Над высокой стойкой показалась круглая голова с прилизанными волосами и дежурной улыбкой.

— Добрый день, витус Откен, — портье так и светится поддельной радостью. — Очень рад видеть вас в нашем отеле в добром здравии.

— Благодарю вас, — Откен остановился возле металлической стойки. — Для меня должен быть забронирован номер.

— Конечно, витус, конечно, — закивал портье. — По указанию витуса Рекоу, за счёт исправительного учреждения Глот, вам забронирован самый лучший номер в нашей отеле. Номер 37. Прошу вас — ключ.

— Благодарю вас, — Откен взял протянутую пластиковую карточку.

— Пожалуйста, — портье показал холеной ручкой на двери лифта. — Третий этаж налево. Приятного вам отдыха.

Было бы не удивительно, если бы портье вручил самый настоящий металлический ключ, анахронизм, который нужно вставлять в так называемую замочную скважину и проворачивать несколько раз. Но нет, цивилизация на Свалке все же доросла до электронных ключей. Достаточно поднести пластиковую карточку к замку, как он ту же откроется. Даже из бумажника доставать не нужно.

Чтобы не говорила надпись над входом, но «Зеленой роще» ох как далеко до настоящего пятизвездочного отеля. В лучшем случае звезды три, не больше. Внутри лифта никелированные перила, большое зеркало и три кнопки на левой стенке. Будь отель хотя бы на четыре звезды, то из лифта обязательно выскочил бы молодой лифтер в красной ливрее и в прямоугольной шапочке на коротко стриженной голове. Сухим от важности голосом служащий осведомился бы на какой этаж изволит подняться новый постоялец. А так... Войдя в лифт, Откен зло ткнул пальцем в верхнюю кнопку.

У портье не хватило наглости, или глупости, обозвать самый лучший номер в отеле люксом и тем более суперлюксом. Так себе апартаменты: просторная гостиная с диваном, телевизором и баром, уютная спальня с широкой кроватью, ванная и туалет отдельно. О-о-о! Здесь даже окно имеется.

Так-то не плохо, Откен остановился на пороге. Но... В убранстве номера начисто отсутствует налет роскоши и величия древней аристократии, который так нравится в настоящих пятизвездочных отелях старичка Мирема. В спальне Откен бросил чемоданчик на кровать и присел прямо на заправленное покрывало.

Что делать дальше?

В принципе, можно закосить на нездоровье и день — два забить на все дела. Тем более сегодня пятница, канун выходных. Пусть думают, будто он отходит от анабиоза. Или все же пройтись по местным магазинам? В своем послании витус Рекоу ничего не сказал о кредитной карточке. Возможно аборигены пользуются отпечатком большого пальца. Или, Откен выглянул в окно, завалиться в самый дешевый местный кабак и спустить половину подъемных денег. Не — лучше обе половины.

Откен криво улыбнулся. По местным меркам начальник исправительного учреждения Глот — большая шишка. На ровном месте. Крупнее, разве что, самая большая жаба в здешнем болоте — губернатор колонии витус Гажан. На Миреме Откен был незначительным чиновником, а здесь — фигура! Местная элита. Только такое возвышение совершенно не радует. Абсолютно. Лучше быть последним среди львов, чем первым среди шакалов.

Откен наклонил голову. Широкая двуспальная кровать с толстым одеялом и парой взбитых подушек. На таком шикарном ложе грех спать в полном одиночестве. Но. Но. Но.

С учетом космического перелета, с момента назначения на Свалку минуло больше пяти стандартных месяцев. А кажется, будто с того «романтического вечера» и до вселения в этот поганый отель прошло не больше двух недель. Все в этом мире относительно. В том числе и восприятие времени.

Откен тяжело вздохнул. Тана. Некогда любимая, некогда единственная, некогда самая дорогая во вселенной женщина. Тана наотрез отказалась лететь в эту дыру. Как же на самом деле он ее любит. Неужели, чтобы понять это, нужно было забраться за 19 световых лет от родного дома? Черт побери! Откен зло стукнул кулаком по заправленной кровати. Ну почему он не сделал так, как она предлагала: не порвал этот долбанный контракт на мелкие клочки и не швырнул их в Обола?! В его наглую, тупую рожу! Ну и пусть бы с треском вылетел бы с работы! Пусть бы его упрятали в Антал! Пусть! Зато... Вышел бы на свободу через палу лет с чистой совестью и начал бы жизнь заново с чистого листа. И Тана... Она бы ждала его и любила. Обязательно ждала бы. На кой хрен он сразу же после развода рванул в анабиозный центр и потребовал заморозить себя аж за полторы недели до вылета? Ледяной сон длиной в пять месяцев не принес облегчения и не избавил от страданий.

Может, он сморозил большую глупость из-за того, что их так легко и быстро развели? Судья, старая матрона с узлом седых волос на затылке, едва узнала, куда не захотела лететь любимая женщина, тут же вынесла положительное решение о разводе. Тем более никаких имущественных споров у них не возникло. Улетая на Свалку, Откен оставил Тане все без исключения. Алименты на шестилетнюю Руму будет платить Министерство внутренних дел, где он официально работает. Все заранее учли и прописали в договоре. Сволочи!

Больше пяти месяцев. С кем она теперь? Кому устраивает романтические вечера при свечах и с кем пьет дорогое марочное вино? Кто теперь сидит на его диване и любуется черным кружевом ее нижнего белья, которое так соблазнительно просвечивает сквозь тонкое платье с глубоким декольте? На душе так невыносимо грустно, так погано... Да пусть все местные витусы убираются к чертовой матери!!! Откен вскочил на ноги. Он обязательно завалится в местный кабак и спустит все подъемные. Ему все равно нечего и некого поднимать! Он может запросто прожить в этом недоразвитом суперлюксе с видом на убогий сад хоть все двадцать лет! Откен направился к выходу.

Возле распахнутых створок лифта Откен вытащил из кармана наладонник и вывел карту Финдоса. Ближайший кабак с очень выразительным названием «Пьяный горняк» нашелся на другой стороне Площади пионеров, всего-то и нужно пересечь местный парк.

Глава 4. Пейнтбол

Чаг Ратаг, молодой парень 84 местных лет, закинув на плечо рюкзачок, торопливо вышел из дома. Входная дверь мягко спружинила на старом доводчике. А то бабахнула бы на всю улицу.

Суббота, шесть часов утра. Только, только включили дневное освещение. На улицах Финдоса тишина. Отсыпаются пролетарии. После длинной рабочей недели так приятно закинуть будильник подальше и поспать подольше, сколько душа пожелает. Но только не сейчас. Всего неделю назад Чаг справил долгожданное совершеннолетие, и теперь — Высшая лига ждет! Дикое нетерпение распирает грудную клетку. Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! Чаг бодро, чуть ли не бегом, зашагал по Гороховой улице.

Пересекая пустые улицы и площади, поднявшись на эскалаторе на первый городской уровень, Чаг быстро добрался до неприметного технического туннеля на юго-восточной окраине города. Над невзрачной стальной дверью широкая надпись «Песчаная буря», под которой цветной рисунок: на отвесные скалы надвигается огромная темно-красная туча. Вывеска слева от двери более красноречива: «Клуб любителей пейнтбола „Песчаная буря“». Чаг вошел во внутрь.

Когда-то здесь была техническая служба. То ли свет, то ли вода, то ли канализация — никто не помнит. Давно, лет четырехста по календарю Дайзен-2, она переехала на четвертый уровень. Просторный цех, мастерские и душевые власти города передали пейнтбольному клубу. Техническая служба до сих пор напоминает о себе низкими туннелями, кучей труб под потолком и светильниками в металлической сетке через каждые два метра.

Пройдя по коридору, Чаг вошел в круглый зал для собраний. Слева небольшая сцена с маленькой трибуной и широким экраном. Справа ряды потертых кресел с откидными сиденьями. И... никого.

Блин! Ну правильно. Чаг присел в кресло в первом ряду напротив трибуны. Обычно дорога до клуба занимает минут пятьдесят, а то и целый час, если не торопиться. Но сегодня вполне хватило тридцати. Раннее утро, пустые улицы и бешенное нетерпение поддали ускорения. Ничего не поделаешь, придется ждать.

Играть в пейнтбол он начал в 45 лет, или, если перевести в стандартное летоисчисление, в 10. Как-то мама пожаловалась отцу на через чур бойкого и неуправляемого Чага. «И вообще! Ему силы давать некуда!» — заявила родительница. Отец нашел простое и мудрое решение — отвел Чага в «Песчаную бурю».

Это сейчас, спустя много лет, смешно и приятно вспоминать, какой дикий восторг он пережил, когда получил в руки игрушечный автомат и начал гонять сверстников по Лягушатнику, игровому полигону для самых маленьких.

Пейнтбольный автомат стреляет пластиковыми шариками с краской аж на 30 метров, зато огромный боезапас. Целых сорок шариков в специальном бачке, который торчит над стволом, мешает целиться и цепляется за все подряд.

В первый же вечер, после «долгого и кровопролитного сражения», Чаг уснул без задних ног. Ежевечерний ритуал укладывания обошелся без обязательного нытья и яростного нежелания чистить зубы. И понеслась! Папа, а в особенности мама, остались очень довольными. Чаг даже учиться начал с гораздо большим энтузиазмом и прилежностью. Еще бы! За двойку или плохое поведение можно было запросто остаться без очередной игры по

выходным дням.

Шли годы. Чаг рос, мужал, умнел. Росли его амбиции, желания и финансовые возможности. Постепенно он вырос из Лягушатника и дорос до Завода — более серьезного полигона, бывшего металлургического завода. Оборудование давно перевезли в другое место, но длинные цеха в несколько ярусов, бесконечные коридоры и лабиринты полутемных туннелей остались.

На Заводе Чаг начал осваивать настоящее искусство войны. Вместо примитивной стрелялки он получил более крутое и серьезное оружие. Новый пейнтбольный автомат со снайперским прицелом и без дурацкого бачка над стволом гораздо больше похож на настоящий электромагнитный автомат космического пехотинца. Но на бывшем заводе восхождение по ступеням боевого мастерства только началось. Круче войнушки красящими шариками может быть только Высшая лига и... красящая пуля.

Пластиковые шарики летят недалеко и бьют совершенно не больно. Даже простая куртка из плотной ткани легко заменит бронежилет. В разгар сражения вражеский игрок может запросто «прошить» автоматной очередью поперек спины, а ты и не заметишь. Подобный конфуз бывал неоднократно. И совершенно другое дело красящая пуля.

Пороховое оружие, в котором расширяющийся газ выталкивает из ствола стальную пулю, устарело более пяти веков назад по стандартному летоисчислению. Еще до того, как на негостеприимном Дайзен-2 появилось первое поселение. Современное электромагнитное оружие, в котором мощный электромагнитный импульс разгоняет вольфрамовую пулю до скорости в несколько махов, бьет архаичный порох по всем статьям.

Пятьсот местных лет назад тогдашний губернатор разрешил использовать пороховые автоматы с простейшими оптическими прицелами. Как и в старинном оружии, красящая пуля состоит из стальной гильзы с порохом и пластиковой пули с краской. Так появился знаменитый игровой автомат «Марка — 4-4» калибра 7 миллиметров. Но разницу между красящим шариком и красящей пулей Чаг прочувствовал на собственной шкуре в первом же бою.

Без дрожи в коленях и боли в груди до сих пор невозможно вспоминать первую игру в Высшей лиге. Да-а-а... Изображая крутого бойца, Чаг выскочил из-за угла с автоматом наперевес. И... И получил три пули в грудь и еще одну в голову.

Словно порывом штормового ветра его отбросило назад и повалило на спину. Такое впечатление, будто три дюжих молотобойца разом жажнули по груди стальными кувалдами, а четвертый промазал и угодил в шлем. Адская боль перебила дыхание. Четвертая пуля отозвалась в ушах диким звоном. Какое там продолжить бой! Его «убили» в самом начале большой игры. Охая и ахая, Чаг с превеликим трудом оторвался от пола и, с грехом пополам, убрался с поля боя. Как награда за проявленную глупость, на груди расцвели смачные синяки. Но синие пятна поперек груди не отбили желания играть в пейнтбол. Наоборот! Только раззадорили и подогрели дикий интерес в очередной игре найти и «пристрелить» обидчика.

Но и это еще не все. Только достигнув совершеннолетия, Чаг получил долгожданную возможность добраться до самого что ни на есть высшего уровня — сыграть на поверхности планеты. Вот где самая что ни на есть реальность и самая что ни на есть крутость.

Пришлось пройти специальные курсы. Полтора года кошмара, отбитых рук и гудящих от перенапряжения ног. Киборг, витус Леран, руководитель клуба, гонял новичков без жалости до полного изнеможения. Но иначе нельзя. Снаружи то жуткий холод, то жуткий зной и

круглые сутки наполненная углекислым газом атмосфера. Любая небрежность или халатность грозит смертью. Дайзен-2 ошибок не прощает.

Но! Оно того стоило. Сегодня суббота, а значит — большая игра на поверхности планеты ждет его! От нетерпения Чаг забарабанил кулаками по подлокотникам кресла. Сегодня соберется много игроков. Сегодня он впервые оденет борг, возьмет в руки автомат и примет участие в самом реальном игровом сражении. Вот почему в диком нетерпении, не чуя ног, Чаг прибежал в клуб аж за час до назначенного времени.

— О! Непоседа! Привет!

В зал для собраний, приветливо махнув рукой, вошел высокий, широкоплечий Опон Чинин по прозвищу Шнык, однокурсник Чага по университету, друг и напарник по пейнтболу.

— Привет Шнык, — Чаг в ответ махнул рукой. — Что так рано?

— Это ты, Непоседа, рано приперся! — Шнык с грохотом откинул сиденье и присел рядом. — Я вовремя. За мной целая толпа валит.

Словно подтверждая его слова, двери с треском распахнулись. В зал огромной гудящей толпой ввалились игроки. Со многими Чаг знаком лично, но большинство знает только по лицам. Игроки, громко переговариваясь между собой, разбрелись по залу. Перед каждой большой игрой Киборг проводит инструктаж — с этим у него строго.

— О! Видал? Деда! — Шнык, скосив глаза, показал на маленькую группу взрослых от 120 до 180 местных лет.

— Видал, — шепотом ответил Чаг.

В пейнтбол играет в основном молодежь, кому еще не исполнилось 95. Такова жизнь — игроки взрослеют и покидают клуб. Работа, карьера, семья не оставляют места для военизированной забавы. Но взрослеют не все. Те, кто по прежнему каждые выходные проводят на пейнтбольных полигонах, попадают в деда, в самую уважаемую категорию игроков. Да и как их не уважать? Это же самые опытные, самые опасные и самые крутые игроки клуба. Встреча с дедом на поле боя не сулит ничего хорошего — пристрелит и носом шмыгнуть не успеешь.

— Сколько их? — прошептал Шнык.

— Я вчера список смотрел. По моему, не меньше десяти, — так же тихо ответил Чаг.

— Во блин! Не приведи Создатель, — шепотом ругнулся Шнык.

Понятно о чем речь: встретиться с дедом в начале игры — сто процентная гарантия вылететь с игрового полигона с прострелянной пятой точкой. Говорят, очень обидно. Ни Шныку, ни самому Чагу до сегодняшнего дня сталкиваться с дедом не приходилось.

Зал для собраний быстро заполнился игроками. Это же... Уйма народу! Чаг озабоченно посмотрел по сторонам. Одно дело прочитать в списке число 60, и совершенно другое увидеть этих самых 60 человек в маленьком зале. А ведь здесь не просто незрелая молодежь, у которой молоко на губах не обсохло, а Высшая лига! Элита пейнтбольного клуба. Одни деда чего стоят.

Зато... Глубоко в груди засверкал холодный шар предвкушения и азарта. Одна только мысль о предстоящем сражении выбрасывает в кровь убойную дозу адреналина. Схлестнуться с такими игроками на одном полигоне. Стенка на стенку. Кто кого. Да это же... Чаг нервно сглотнул.

Последним в зал для собраний вошел витус Леран, зрелый мужчина старше двухсот лет, крепкий, невысокого роста. Говорят, очень сильный. За бешенный напор, за привычку во что

бы то ни стало добиваться поставленных целей, еще в детстве его прозвали Киборгом. Тогда же, еще до работы в полиции, он крепко подсел на пейнтбол. Говорят, горячее увлечение юности определило выбор профессии. Хотя... Вряд ли работа в Управлении полиции приносит ему массу острых ощущений. Круче пьяной драки в местном кабаке в день получки может быть только столкновение крутых тачек на самом загруженном перекрестке. Это только жителям далекой метрополии кажется, будто на Дайзен-2 царит криминальный беспредел. Да такой, что даже младенцы не засыпают в колыбельках без засунутого в подгузник пистолета.

Киборг поднялся на сцену. Возле маленькой трибуны он остановился и окинул взглядом наполненный игроками зал.

— Доброе утро, уважаемые! — громким, командным голосом произнес Киборг.

В ответ раздался несобранный хор приветствий, здравниц и пожеланий не болеть. Пейнтбольный клуб не армия, здесь не принято щелкать каблуками по стойке смирно и орать во все горло. Хотя на какой-то хрен Киборг все же придумал строевую подготовку.

— Итак, не будем терять время! — заговорил Киборг, едва стих хор нескладных приветствий. — Инструктаж для новичков и прочую подготовку к игре мы провели вчера. Сегодня нас много, играем на Площадке по-крупному. По «карусели».

«Карусель»... Всего от одного единственного слова на душе наступила весна, расцвели цветы и запели соловьи. «Карусель»! «Карусель»! Обожаемая «карусель»! Пусть от «убитого» игрока по-прежнему требуется убратся с полигона как можно быстрее, зато потом, спустя каких-то тридцать минут, он снова может вернуться в бой. Было бы очень обидно в самом начале игры напороться на деда и вылететь с Площадки. А так, «по карусели», всегда остается шанс вернуться и в отместку «пристрелить» обидчика.

На маленькой трибуне Киборг нажал на кнопку. За его спиной тут же загорелся широкий экран. Чаг сощурил глаза. По знакомым очертаниям легко узнать Площадку, точнее, ее план. Уж сколько по ней побегано и поползано. За полтора тренировочных года успел облапать каждый камень и облазить каждую канавку. Ну уж теперь-то хватит тренировочных забегов. Воевать пора.

— Задача, как обычно, — захватить флаг противника, — не оборачиваясь, заговорил Киборг. — Флаг синих здесь, флаг зеленых здесь. «Рай», соответственно, по близости за пределами игрового поля.

Зеленый крестик сверху — флаг команды зеленых, противник, значит. Синий крестик, флаг команды синих, свой, внизу напротив. Пусть план Площадки и без того хорошо знаком, но посмотреть еще разок, уточнить где свои, где противник, лишним не бывает.

— Вопросы есть? — спросил Киборг.

Игроки возбужденно загомонили, но вопросов не нашлось.

— Вот и отлично, — Киборг выключил экран. — Всем переодеваться и вооружаться. На все про все у вас сорок минут. Новички! Не забудьте облегчиться.

Игроки поднялись с мест и нестройной толпой потянулись к выходу. Чаг, пока не отдавили ноги, быстро вскочил со складного кресла. Сиденье схлопнулось за спиной. От нетерпения чешутся руки.

— Ну что, Шнык, порвем зеленых, как Тузик грелку! — воскликнул Чаг.

— Как пить дать порвем! — Шнык поднялся следом. — Только, для начала, давай оденемся.

Как полноправному члену Высшей лиги Чагу полагается личный шкафчик в раздевалке.

Борг штука тяжелая. Таскать его каждый раз домой и обратно — никаких рук не хватит. Да еще «Марка — 4-4» и разгрузка с боеприпасами. Чаг быстро нащелкал на маленьком замочке четырехзначных код и раскрыл дверцу. Вот он! Самая главная вещь в экипировке игрока Высшей лиги и пропуск на поверхность планеты.

Борг изобрели еще самые первые колонисты. Космический скафандр штука через чур дорогая, да и степеней защиты в нем слишком много. Пусть борг совершенно бесполезен в открытом космосе, зато на поверхности планеты ему цены нет. За полторы тысячи местных лет поселенцы довели конструкцию борга до совершенства.

В основе защитного костюма прочная эластичная ткань борг, которая совершенно не пропускает тепло. Конструкторы вполне резонно решили, что гораздо легче изолировать тело человека от окружающей среды, нежели греть костюм при минусовых температурах или охлаждать при плюсовых. Единственное, что требуется от системы жизнеобеспечения — утилизировать выделяемое телом человека тепло. Ну и, конечно же, снабжать легкие кислородом.

Чаг любовно погладил макушку защитного шлема. Быстро скинуть футболку, легкие сандалии и шорты. Только в очень дорогих моделях предусмотрено специальное белье, которое впитывает выделения тела. У родителей Чага на подобную роскошь денег нет. Напоминание Киборга сходить в туалет и облегчиться не шутка, а самое что ни на есть серьезное предупреждение. Чаг вытащил из пакета нательную рубашку с длинными рукавами и кальсоны. Придется обойтись комплектом из хлопка. Пусть не месяцы, но один день отходить вполне реально. Да! Еще трусы снять. Правила требуют.

Чаг быстро облачился в обтягивающий комплект нижнего белья и осторожно, словно боясь разбить хрупкую вещь, залез в борг. Толстая молния застегнута, защитный костюм закупорен наглухо. Хотя сейчас выбегай на поверхность и вали противников пачками. Но, легкие словно скованы тяжелой цепью. Судорожно вздохнув, Чаг дрожащей рукой откинул прозрачное забрало и с облегчением втянул воздух. Во неряха! Так ведь и задохнуться можно.

Вчера вечером лично вставил в ранец жизнеобеспечения четыре баллона с кислородом. Включать подачу полагается только перед самым выходом на поверхность. Запас не ахти какой, часов на восемь. К тому же один из баллонов считается неприкосновенным запасом. За наплевательское отношение к правилам техники безопасности, за то, что подвергаешь собственную жизнь смертельной опасности, Киборг в раз из клуба вышибет. С него станется.

Ладно, мелкая оплошность устранена. Из глубин личного шкафчика Чаг вытащил разгрузку, или, более официально, разгрузочный жилет. Конструкция предельно проста: на груди четыре кармана по два магазина каждый, на правом боку один большой под еще четыре. Как говорит Киборг, патроны лишними не бывают. И последнее — игровой автомат «Марка — 4-4». Не будь пороховое оружие таким анахронизмом, любители пейнтбола до сих пор гонялись бы друг за другом с газовыми пукалками.

Шкафчик закрыт, кодовый замок повешен обратно. Можно идти к шлюзу, но Чаг задержался возле большого зеркала. Борг мало напоминает космический скафандр. Быстрее, мягкий водолазный костюм. Округлый шлем плавно переходит в тело, шеи не видно. Обычно борги красят в контрастные цвета. В зеленый, например, черный или синий. Но для игровой модели, где заметность как раз лишняя, сделали небольшое исключение. Эх! Расцветка из темных и светлых оттенков красного была бы в самый раз. Но нейтральный серый цвет гораздо лучше синего или черного. Повернув голову вправо, Чаг любовался широкой

синей полосой на плече — опознавательный знак, чтобы и свои не пристрелили и чтобы чужие не промахнулись.

— Что, красотка, любишься?

В широком зеркале отразился Шнык, еще более массивный и неповоротливый в сером борге.

— Не люблюсь, а провожу последний осмотр, — деловито ответил Чаг.

— Да-а-а, — напыщенно протянул Шнык. — Не забудь кислородный шланг подсоединить.

Чаг улыбнулся. У борга нет выходящих наружу кислородных шлангов. Этой шутке тысяча лет в субботу. Желая поддеть друга, Чаг ответил:

— Благодарю за предупреждение, уважаемый, но мой личный механик уже подключил кислородный шланг. Счет на оплату я вам вышлю.

Еще одна старая шутка, ответ на первую.

— Ладно, пошли, — Шнык отбросил маску напускной серьезности. — Оделись все. Дс выхода две минуты.

Выйти на поверхность гораздо легче и быстрее, чем войти. Давление воздуха снаружи и внутри ничем не отличается. Всего и нужно закрыть за собой внутреннюю дверь и открыть внешнюю. Прогонять воздух внутри шлюза и насыщать его кислородом не требуется. Важнее не пустить во внутрь царящую снаружи стужу. Минус сорок, все таки.

Когда подошла их очередь, Чаг захлопнул забрало и включил подачу кислорода. За спиной чуть слышно загудел моторчик. По спине, рукам и ногам растеклась приятная прохлада. Просто стоять в отключенном борге уже тепло. А если пробежать сотню другую метров, то можно запросто свариться в собственном поту. Система жизнеобеспечения исправно забирает лишнее тепло. Дышать внутри борга легко, даже приятно, если бы не противный привкус. Загнанный под большим давлением в маленький баллон кислород отдает металлом. Но противный привкус ощущается от силы пару минут. Потом привыкаешь и больше его не чувствуешь. Чаг сощурил глаза, когда, придерживая дверь шлюза, вышел наружу под яркие лучи восходящего над горизонтом Дайзена.

Суровый Дайзен-2 по своему хорош. Красная долина, сплошь изрезанная холмами и расщелинами, убегает далеко на юг. Где-то там возвышается гора Дошар. Какой же она высоты, если даже с расстояния трех сотен километров можно разглядеть ее остроконечную вершину? Чуть правее треугольная Щитовая гора, у подножия которой находится единственный на планете Космопорт имени Пилага. Маленькая шумная точка атмосферного челнока заходит на посадку. А на севере, разделив мир на две половинки, протянулся горный хребет — внешний край исполинского кратера Финдос.

Это каких же невероятных размеров был метеорит, если он оставил после себя исполинский кратер диаметром в 700 километров. Столица колонии находится на северной оконечности кратера. Более того: все без исключения города и поселки, рудники и заводы растянулись вдоль его источенных водой и ветром хребтов. За три сотни стандартных лет люди едва-едва освоили кратер. Остальная часть Дайзен-2 по прежнему пребывает в первозданном состоянии.

Площадка, самый крутой игровой полигон пейнтбольного клуба, находится на южном склоне большой горы, в недрах которой укрыта столица планеты. Но склон настолько длинный и пологий, что скат в южную сторону заметить практически невозможно.

— Внимание! Синие! Ко мне! — раздался приказ Живучего.

Живучий, дед пейнтбольного клуба, в обычной жизни охотно откликается на имя Зол Афрон. Сегодня он командует маленькой армией синих. Живучий, стоя на плоском валуне, нетерпеливо ждет, пока игроки с синими полосками на плечах соберутся вокруг него. Перед началом большой игры Киборг уточнил правила, а сейчас командир изложит план сражения, который обязательно принесет им победу над зелеными. Живучий не только чертовски живуч на поле боя, но еще и великолепный командир. В настоящей армии ему бы командовать батальоном и лично водить солдат в атаку на укрепленные позиции противника.

Последние секунды перед боем самые длинные. Вот уж никогда бы не подумал, что минута может быть длиннее часа. План боевой операции как всегда прост и однозначен. Подразделения на исходных позициях ожидают приказ наступать. Ну а если без пафоса, то синие столпились на границе Площадки. В десяти метрах от ряда тонких пограничных столбов на высокой толстой трубе развивается синий треугольный флаг. Если до него доберется хотя бы один зеленый...

Пальцы сжимают убойную «Марку». Пятки аж жжет от нетерпения. Да когда же будет команда наступать?

План Живучего прост. Синие атакуют тремя группами. Две отвлекают внимание противника, третья штурмует флаг зеленых. Чаг воздел глаза к небесам. Было опасение, что Живучий оставит их со Шныком охранять флаг. Но обошлось — командир отправил их в одну из отвлекающих групп. А значит их ждет головокружительный бег, стремительная атака и схватка с противником на просторах игрового полигона.

Было бы вообще здорово, если бы именно им удалось бы прорваться к флагу зеленых и сдернуть вожделенный кусок треугольного пластика. Новички и сразу такая удача.

Но! словно неприкаянная душа у границ рая, на задворках сознания бродит противная мысль: в отвлекающую группу Живучий отправил наименее ценное отделение. В реальности это значило бы, что командир отряда послал необстрелянных новобранцев на верную смерть. Хвала Великому Создателю! Пейнтбол всего лишь игра.

— Шестое отделение. Вперед!

Долгожданная команда пнула под зад. Чаг сорвался с места. Пограничные столбы вмиг остались за спиной. Впереди маячит спина Гуся, командира отделения. Более тяжелый Шнык громко топает сзади.

Как здорово, что сейчас зима. Когда на тебе борг, то по барабану, сколько градусов снаружи. Но при минус сорока чувствуешь себя приятней, комфортней. На самый худой конец моментальная смерть не грозит.

Бежать легко и приятно. Зимние морозы выжали из атмосферы всю влагу. На восточной части чистейшего небосклона во всю сияет великолепный Дайзен. Морозы и ветры утрамбовали выпавший снег. Присыпанный красной пылью наст скрепит, пыхтит, но держит. Камни, валуны и куски скал в изобилии разбросаны по игровому полю. Того и гляди споткнешься.

А вот и Река!

Игровую Площадку почти по середине пересекает сухое русло. Весной по нему проносятся тонны мутной воды, но сейчас оно засыпано снегом. Самое главное — во что бы то ни стало успеть перескочить на ту сторону. Противоположный берег манит низеньким скалистым порогом и пугает открытым пространством. Река — великолепный рубеж обороны. Либо они сходу проскочат ее, либо застрянут на ее берегах. Зеленые не дураки.

Голову на отсечение — противник несется во всю прыть с той стороны полигона, чтобы занять позиции на ее каменных берегах.

Чаг с ходу подпрыгнул как можно выше и сиганул в заснеженное русло. Твердый наст взорвался под ступнями. Ноги по самую щиколотку ушли в пыльный снег. Тело по инерции пронесло вперед. Чаг ударился грудью о твердый наст. Автомат прищемил пальцы.

Ну как ребенок. Ей богу.

Засорять радиоканал руганью категорически запрещено. Чаг, урча от напряжения, выполз на четвереньках на твердый наст и поднялся на ноги. Шнык, пользуясь его глупостью, вырвался вперед и первым добежал до противоположного берега. А Гусь не только успел выбраться на ту сторону, но и скрыться за большими камнями. Чаг припустил со всех ног. Еще только не хватало отстать.

Прыжок! Мелкий камешек выскользнул из-под левой ноги. Река, самый опасный рубеж, осталась позади. Но теперь они на территории врага. Нужно соблюдать предельную осторожность. А то можно запросто напороться на засаду.

— Внимание! — по радиоканалу долетела команда Гуся. — Переходим на шаг! Быть начеку!

Чаг тут же снизил темп. Передохнуть бы, вытереть пот, но левая рука напрасно прошлась по герметичному шлему. Что поделаешь, Чаг тряхнул головой, от гражданский привычек не так легко избавиться. А вот это хуже: приятная прохлада сменилась холодом. Система жизнеобеспечения работает с небольшим запозданием. Как только переходишь с бега на шаг, тело резко уменьшает выброс тепла. То, что еще минуту назад было хорошо, сейчас слишком прохладно. Но — ничего. Не стоит обращать внимания, автоматика отработает как надо.

Пусть пейнтбол всего лишь игра, но воевать их учили по-настоящему. Отделение выстроилось в колонну по одному. Между игроками не меньше четырех метров. Чаг встал последним, значит ему смотреть за правой стороной. Но про тыл и прочие стороны лучше не забывать.

То ускоряя шаг на открытых местах, то обходя засыпанные снегом расщелины и осторожно выглядывая из-за больших камней, цепочка игроков быстро продвигается вперед. Кажется, будто глаза вот-вот вылезут из орбит, а уши оторвутся от напряжения. Нервы. Нервы. Все нервы! Малейший щелчок, и сердце, словно резиновый мячик, скачет в груди.

Отделение продвинулось в глубь Площадки на километр, почти половина игрового полигона. Эх! Вот так бы и до флагштока зеленых дойти. Но не судьба.

— Противник на 45 градусов! — пролетел по радио взволнованный голос.

— Отделение! К бою! Огонь! — тут же скомандовал Гусь.

Па-а-анеслась! Чаг дернулся влево под высокий валун.

Какое облегчение. Как будто тащил на себе тяжеленный мешок и, наконец-то, сбросил его с плеч. Чаг опустил на колено и прицелился. Метрах в пятидесяти мелькают силуэты игроков противника.

Очень важно первым открыть огонь. Тогда неожиданность, тогда противник несет большие потери. В перекрестье прицела Чаг поймал ближайшую фигуру. Палец плавно нажал на спусковой крючок.

Автомат оглушительно грохнул. Приклад толкнул в плечо. Справа загремели выстрелы товарищей. Фигурка впереди рухнула на землю. Попал? Черта лысого!

Рядом о камень вжикнула пуля. Ответный огонь, слишком быстро, черт побери! И... И

больше никого не видно. Игроки противника попадали на землю или укрылись за ближайшими камнями. Чаг заводил автоматом в разные стороны.

Вспышка справа. Палец утопил спусковой крючок. Выстрел. Что-то серое — выстрел. А там шевелится — еще выстрел. Пуля за пулей Чаг упорно пытается подстрелить хоть кого-нибудь. Но... Не судьба.

По правилам игры, «убитому» полагается встать в полный рост, поднять руки высоко над головой и отойти в тыл метров на двадцать. И лишь затем, по кратчайшему пути, обратиться с Площадки. Но нет никого! Хотя глаза сорви от натуги.

— Черт! — невольное ругательство сорвалось с губ.

И впрямь самое время поминать нечистого. Противники заметили друг друга одновременно. Подобное, хоть и редко, но бывает. Фактор внезапности показал язык как синим, так и зеленым. Сколько игроков у противника — не понять. Так можно воевать до бесконечности. Или дожидаться, пока тебя обойдут с флангов. Еще одна пуля вжикнула в опасной близости. Нужно менять позицию. Пристрелялись, гады!

Чаг обогнул высокий камень и залег на новом месте.

— Непоседа! Прикрывай! Остальные — отходим! — приказ командира отделения.

— Есть! — отозвался Чаг.

Стрельба справа тут же смолкла. Товарищи по отделению начали отход.

Сейчас полезут. Точно полезут. Раз противник прекратил стрельбу, значит, пользуясь складками местности, пытается уйти. Будут преследовать. На той стороне разом поднялось несколько сгорбленных фигур. На плече ближайшего горит зеленая полоска. Но Гусь не зря оставил его для прикрытия. Ну, сволочи, ловите! Чаг поймал в прицел ближайшего зеленого и плавно нажал на спуск.

Грохот выстрела разорвал напряженную тишину. Зеленые опять рухнули на землю. Пусть Чаг один, но все равно не дает противнику просто так, безнаказанно, броситься в погоню. Но! Срочно сменить позицию. Сейчас за него возьмутся. Чаг дернулся под защиту камня. Снег рядом вспух маленькими фонтанчиками.

А-а-а! Сволочи! Ловите! Чаг подобрал под себя ноги и рывком перескочил за плоский камень рядом перед собой. За спиной вжикнули пули.

Кровь ударила в голову. Сердце бьется, как сумасшедшее.

Опасно? Еще как! Зато Чаг, скользя по снегу, проскочил через открытое пространство между камнями и скрылся за новым укрытием. А теперь ищите! Черти! Чаг затормозил ногой, развернулся на месте и высунул автомат наружу. Вовремя.

Классика. Одни бегут, другие прикрывают. Но и зеленые уроки не прогуливали. Несколько фигур опасно двинулись в обход. Ясно, сволочи, в клещи берут. Чаг, не целясь, нажал на спусковой крючок. Автомат задергался в руках.

Щелчок, а выстрела нет. Во блин! Магазин пуст. Чаг отвалился под защиту камня.

— Непоседа! Пошел!

Гусь, ты мой дорогой!

— Есть! — отозвался Чаг.

Пустой магазин в подсумок, полный воткнуть. Чаг крутанулся на месте. Ногами оттолкнуться от камня и по снежку, по снежку, проскользнуть в тыл метра на три. А теперь рывок в мелкую расщелину. Чаг, стряхнув со шлема хлопья снега, вскочил на ноги. Рядом щелкнула пуля, синие капли окрасили снег. Под ногами еще одна. Над головой свистнула третья. А вот хрен вам!

Классика. Классика. Все классика! Задача отделения — оттянуть на себя внимание противника. Но их слишком мало, чтобы организовать полноценную круговую оборону. Нужно уходить. Пока Чаг прикрывал товарищей, шестое отделение отошло метров на пятьдесят и теперь дружно прикрывает его. Так и есть! Проскочив мимо очередного камня, Чаг заметил серую фигуру с синей полосой на плече.

— Гусь! Непоседа прибыл! — отрапортовал Чаг.

— Отделение! В отрыв! Бего-о-ом!!!

Не снижая темпа, Чаг рванул дальше. Слева с земли подскочил Шнык. Друга легко узнать по массивной фигуре.

— Поворот! Девяносто! Бего-о-ом! — новый приказ.

Правильно. Правильно. Все правильно! Отделение оторвалось от наседающего противника. Теперь бы затеряться на просторах Площадки, заодно продолжить выполнение задания. Но! Наглость — наказуема. Час расплаты пробил. Удача, как капризная девица, рано или поздно сделает ручкой. Чаг вырвался вперед и наткнулся на серые фигуры с зелеными плечами.

— Противник! Прямо! Контакт! — выкрикнул Чаг.

Рычажок переводчика на автоматический огонь. Чаг, упав на колени, резанул длинной очередью. А теперь в укрытие.

Чаг прыгнул вперед. Острые камешки царапнули грудь. Борг противно скрипнул, когда Чаг упал на барханчик снега. Инерция пронесла по насту. Ствол автомата вперед. Огонь. Огонь. Еще огонь! Автомат задержался в руках.

Щелк. Магазин пуст. Да что ж они так быстро кончаются?!

Кувырок через левое плечо. Ранец жизнеобеспечения скрипнул на мелких камешках. Чаг задел тот самый валун, за которым хотел спрятаться. Рядом, разбрызгивая снег, защелкали пули.

Голову вжать в плечи. Извиваясь всем телом, словно уж на сковородке, Чаг отполз за валун. Пустой магазин прочь. Из разгрузки полный. А теперь повоюем.

Чаг упал на живот и выставил ствол наружу.

Во засада — враг рядом. Ответные вспышки слепят глаза. Видно, как из автоматов вылетают стреляные гильзы. Пороховой газ черными тучками уходит в небо. Мелькают стволы, головы, руки, ноги. Чаг, стараясь экономить патроны, остервенело отстреливается короткими очередями. Достать. Достать противника! Заставить убратся под прикрытие камней и не дать, не дать стрелять в ответ.

Щелк. Магазин пуст. Да сколько ж можно?! Чаг отдернулся под прикрытие камня. Полный магазин как можно скорей. Но... Что за черт? В паре сантиметров щелкнула пуля. Синие капли запачкали забрало. Тут же по спине, по ранцу жизнеобеспечения прошлась барабанная дробь.

Извернувшись всем телом, Чаг что есть сил дернулся в сторону. Вовремя! На прежнем месте маленькими фонтанчиками взорвался снег.

Во черт! Обошли с тыла. Как смогли? Игрок с зелеными полосками стоит на одном колене и уверенно, словно в тире, лупит прямой наводкой.

Ах ты гадина! Чаг дернул спусковой крючок. Но... Поздно.

— Вы убиты, — произнес приятный женский голос.

Убит, как пить дать. В отчаянье Чаг несколько раз надавил на спусковой крючок. Но автоматика уже отключила «Марку». Блин! Противник об этом не знает. Цепочка

фонтанчиков едва не чиркнула по ноге.

Черт!!! Это же больно! Чаг отбросил автомат в сторону и поднял руки над головой. Его убили, и с этим уже ничего не поделаешь. Следующая очередь запросто может полоснуть поперек груди.

Пронесло! Зеленый задрал автомат вверх.

Но... Что это? Противник, как ни в чем не бывало, встал в полный рост и отправился по своим делам.

Горячка боя пульсирует в крови. Руки чешутся — так и хочется подобрать автомат, подбежать к противнику и разбить об его голову пластиковый приклад. Чтоб не повадно было. А потом, когда упадет, добить ногами. Но воспоминания об адской боли удержали на месте. Получить очередь в упор ну ни как не хочется. Разум взял верх над эмоциями. Чаг опасливо подобрал автомат, на всякий случай опять поднял руки как можно выше над головой и встал с утыканной синими кляксами земли.

Во засада — бой закончился. То тут, то там поднимаются игроки противника. У каждого на плечах сверкают зеленые полосы. Но... Где свои? Синие? А вон где...

За пределами Площадки, за чертой из тонких стальных столбов, шестое отделение собралось в полном составе. Как раз его одного и не хватает. Товарищи по игре вопросительно смотрят на него. Понятно: отряд выполнил поставленную задачу и пал смертью храбрых. Итог вполне предсказуем. Тяжело вздохнув, Чаг побрел прочь с Площадки.

Эх! А как надеялся сорвать флаг зеленых... Победа. Слава. Какой успех для новичка... И почему переполненная эмоциями душа никогда не слушает холодных доводов разума?

— Молоток, Непоседа.

Радиоканал ожил, едва Чаг пересек границу игрового полигона.

— Ты продержался больше меня на целую минуту, — Чаг узнал Шныка.

— Так что, это, я самый последний? — удивился Чаг.

— В точку! — радостно воскликнул Шнык. — Зеленых не меньше десятка. Они нас слопали. Схарчили. Окружили на триста шестьдесят градусов и пристрелили.

На борге друга блестят синие пятна. Да-а-а... Похоже, Шныку досталось по самое ни хочу. «Кровавая» цепочка наискось пересекает грудь. Еще несколько отметин на ногах и на левом плече. Это же больно! Но Шнык держится очень даже ничего. Через прозрачное забрало просвечивает широкая улыбка до ушей.

— А мы, хоть кого-нибудь, пристрелили? — с надежной спросил Чаг.

— Не знаю, не видел, — огорчил Шнык. — Пока ты там геройски погибал, я остальных пораспрашивал. Но они то же никого с задранными лапками не видели.

— Хреново, — заметил Чаг.

— Да не грусти ты так! Для нас игра еще не закончена. Пошли в «рай», — Шнык хлопнул Чага по плечу.

— Пошли, — Чаг повесил автомат на шею.

Самое обидное: не понять — пристрелил он хоть кого-нибудь или нет? Неужели пять полных магазинов, целых 150 патронов, и все впустую? Разгромив шестое отделение, зеленые молча встали и ушли. Да нет, конечно же, болтают без умолку, но на своем радиоканале, куда синих не пускают по определению. Таковы правила игры. Те же правила предписывают «павшим в бою» топать в «рай» и ждать целых полчаса, прежде чем снова вернуться на поле боя.

Полчаса, тридцать стандартных минут — это много или мало? Смотря с чем

сравнивать. Чаг на ходу поправил автомат. Отец, к примеру, очень любит зависать в туалете с ридером. Может запросто просидеть и тридцать минут, и сорок. Абсолютный рекорд, который однажды зафиксировала мама, один час две минуты. А на поле боя, тем более на таком крошечном, всего два на два километра, полчаса — это очень и очень много. Команда может вплотную подойти к победе, прижать противника к флагштоку, и все равно проиграть.

Неторопливо шагая вдоль границы, друзья за десять минут дошли до места сбора. После горячки боя опять стало холодно. Аж мороз по коже. То ли система жизнеобеспечения барахлит, то ли опять пресловутая задержка. Надо спросить, как-нибудь.

В «раю», за пределами Площадки, напротив флагштока, толкотня страшная. На камнях, на ящиках и прямо на земле сидит не меньше десяти человек. Это же, Чаг аж замер на месте от удивления, треть синих! А сколько еще «убитых», огибая игровой полигон, бредет к точке сбора? Ужас!

— Елы — палы! — ругнулся Шнык. — Это что же получается? Мы напрасно отдали свои драгоценные жизни во имя великой цели?

Стараясь не глядеть на друга, Чаг громко скомандовал:

— Компьютер! Общий радиоканал для находящихся в точке сбора команды синих.

Щелчок.

— нас порвали, как Тузик грелку! — произнес чей-то очень злой голос.

— Мужики! Что за хрень? — Чаг громогласно вклинился в разговор.

«Покойники» дружно повернули головы в их сторону.

— А! Пополнение, — воскликнул чей-то голос. — Хреново дело, мужики. Совсем хреново.

— Мы, то есть центральный отвлекающий отряд, вышли прямо к флагу зеленых, — перебил чей-то голос, — но напоролись на сильную оборону.

— А мы, то есть главный штурмовой отряд, — продолжил третий, — угодили прямым в засаду. Вот — загораем. Знаешь ли.

— Двое или трое из ловушки выскользнули. Ушли. Они там, у флага зеленых, партизанят, — добавил еще чей-то голос.

— В общем, мужики, хреново дело, — опять заговорил первый голос, наверно самый ближний игрок. — Во! Опять.

Даже сквозь шлем слышно, как в районе флага синих разгорается стрельба. Одиночные выстрелы все чаще и чаще сменяются длинными очередями.

Действительно — хреново. Живучий, командир синих, бросил на штурм почти все силы. Для обороны флага оставил всего пятерых игроков. Но атака сорвалась. Черт! Так и проиграть недолго.

От дикого нетерпения хочется взвыть по-собачьи. Какие там полчаса? Последние двадцать минут показались длиннее двадцати лет. «Вылечить раны», соскрести с борга синие пятна, — минутное дело. Обычная краска сохнет быстро и не липнет. С пополнением боезапаса пришлось повозиться.

От нервного возбуждения дрожат пальцы. Гладкие патроны выскальзывают из рук и падают на землю. Чаг распечатал очередной пластиковый контейнер с боеприпасами. Пять магазинов снаряжал целых десять минут. Для сравнения, в более спокойной обстановке вполне хватило бы трех. Но лучше бы провозился все двадцать — какое никакое, а занятие.

Игроки мучительно медленно покидают «рай». Отсидев тридцать минут, каждый

срывается с маленького старта возле ряда тонких столбов и убегает на игровой полигон, где стрекотание автоматов давно слилось в сплошной гул. Смухлевать, скосить хотя бы пару секунд — невозможно. Небольшая модификация и компьютер борга надежно фиксирует каждое попадание, тут же отрубает радиосвязь и клинит автомат. Металлические столбы по периметру Площадки следят за перемещениями игроков. Пока «убитый» не уберется с поля боя, никакой связи с внешним миром. А чтобы вновь заработал автомат, нужно добраться до «рая» и отсидеть положенные полчаса. В общем, система контроля простая, но эффективная. Мухлевать, искать дыры — себе дороже. Гораздо проще играть по правилам: коль «подстрелили» — лапки кверху и вон с поля боя.

Вот, сопя от возбуждения, убежал Шнык. Но «убитых» в «раю» меньше не становится. На каждого «воскресшего» к точке сбора подтягивается парочка «мертвецов». Хреново дело. Очень хреново. Бой пульсирует совсем рядом с флагштоком. То удаляется от него, то разгорается с новой силой чуть ли не у самого столба. Синим никак не получается отбить атаку зеленых и перейти в контрнаступление. Чаг, словно спортсмен на беговой дорожке, замер на старте с автоматом наперевес. Граница игрового поля тянет к себе. Манит. Как голодного кусок хлеба. Ну когда же?!

— Ваше время...

Чаг сорвался с места.

— истекло, вы можете вернуться в игру, — сообщил приятный женский голос.

В мгновение Чаг перескочил границу и выкрикнул во все горло:

— Непоседа в игре!!!

— Понял. Левый фланг. Живо! — приказал Живучий.

Поворот налево, чуть не занесло. Черт! Через десяток метров пришлось встать.

С другой стороны, очень даже хорошо, что борги не имеют маскировочной окраски. Серый цвет великолепно выделяется на красном фоне. Впереди игрок, повернувшись боком, пугливо обходит огромный камень. Что-то здесь не так. Чаг присел на колено и поднял автомат.

Во засада! На плече игрока блестит зеленая полоса. Прорыв! Как пить дать прорыв. Зеленые почти прошли. Опоздай хотя бы на минуту... К черту! На полминуты. Противник обязательно взломал бы левый фланг.

Первое желание — рвануть вперед и палить, палить во все стороны! Но Чаг остался на месте. Не нужно бежать, орать и пугать противника дикими воплями. Лучше как следует прицелиться. Тонкие линии сетки пересеклись на груди зеленого. Чаг плавно нажал на спуск, а потом еще и еще раз.

Попал? Точно! Зеленый дернулся всем телом, повалился на огромный камень и, ничего не понимая, замотал головой. Наконец подстреленный нехотя встал в полный рост, задрал ручки и побрел в тыл. Чаг едва не задохнулся от восторга. Да-а-а! Высшая лига, большая игра и первая персональная победа. Но расслабляться ни в коем разе нельзя.

Сначала осмотреть местность. Так. Синие полосы на плечах игрока, который лежит за тем огромным камнем. Правее, прижимаясь спиной к валуну, сидит еще один синий, автомат перезаряжает. А между ними... Дыра! Самая настоящая дыра. Вот где просочился зеленый. Заткнуть. Срочно заткнуть! Во что бы то ни стало заткнуть.

Чаг рывком вскочил на ноги и побежал к тому самому проходу между камней, через который ушел зеленый. Большой палец сам передвинул рычажок переводчика на автоматический огонь. Сейчас от «Марки» потребуется вся огневая мощь.

Упав на колени, Чаг, как на санках, проехал по запыленному снегу и ударился плечом о высокий камень. Проход совсем рядом, только руку протяни. Упав на правый бок, Чаг высунулся из-за укрытия.

Во засада! Да сколько же вас? Длинной очередью Чаг резанул первого зеленого. Синие пятна перекинулись на борг второго, что крался чуть дальше. Но третий, зараза, успел упасть в низкую расщелину. Снаружи только задница.

Щелк. Что за черт? Опять пустой? Очередями патроны только влет.

Чаг откинулся под защиту камня и перезарядил автомат. Пустой магазин в подсумок, полный на место. На все пять секунд. В боевой обстановке побил собственный рекорд — вот что значит жизненная необходимость. Пора. Чаг снова высунулся в проход между камнями и ужом, отталкиваясь от стенок ногами, пополз вперед на более удобную позицию.

Секунд тридцать в запасе есть. «Подстреленные» зеленые едва успели очухаться и двинуть с поля боя задрав лапки — отличная защита. Противник не будет стрелять по своим, пусть даже «мертвым» товарищам. Вовремя! Чаг едва успел соскользнуть в неглубокую ямку и выставить наружу ствол, как в его сторону застрочили сразу два автомата.

Хрен вам! Подавитесь, сволочи. Кругом высокие камни. Зеленым придется либо пробираться через узкие проходы, либо прыгать с камня на камень. Второй вариант — самый надежный способ свернуть шею. Чаг успел проскользнуть через проход между камнями и занять очень удобную позицию на развилке. Мелкая ямка весьма сомнительная защита, зато он разом контролирует несколько проходов. Быстрее Мирем станет колонией Дайзен-2, чем зеленые выкурят его отсюда. Стреляя одиночными, Чаг упорно не дает зеленым высунуться.

Огонь. Огонь. Еще огонь! Заменить пустой магазин на полный и снова огонь. Врем сжалось до бесконечных рывков из стороны в сторону, скрип ствола о камень и шипения выброшенных на пыльный снег гильз. И вдруг разом смолкли все автоматы. В ушах зазвенела неприятная тишина.

— Игра окончена. Синие проиграли, — произнес приятный женский голос.

Чаг вставил полный магазин, передернул затвор и вновь нажал на спусковой крючок. В ответ бесполезный щелчок. Игра действительно окончена. Тратить боеприпасы незачем. Красящие пули пригодятся в следующий раз. А на сегодня — все. Чаг смачно стукнулся головой о снежный наст. Плотно сжатые зубы едва не треснули от напряжения и обиды.

Какая досада... Какая.... Какая... Так надеялся выиграть самую первую большую игру. Как было бы круто начать карьеру в Высшей лиге с триумфальной победы. Но — не судьба. Все, что остается: подняться с земли, отряхнуть с колен пыльный снег и направиться к поверженному флагу.

Далеко не у всех синих игроков железные нервы. Общий радиоканал взорвался потоками грязной ругани. Проигравшие разом выплеснули эмоции. В грубой мешанине слов и междометий ни черта не понять, да и не требуется. Чаг, постукивая прикладом по камням, поплелся к поверженному флагштоку. Мимо, грубо столкнув в сторону, пробежал зеленый. Радует, сволочь. Спешит присоединиться к всеобщему веселью.

На открытом пространстве перед флагштоком творится буйное языческое действо, сатанинские пляски и всеобщее помешательство в одном флаконе. Зеленые скачут и трясут автоматами, как впавшие в глубокий религиозный экстаз дикари на старичке Миреме. Один из игроков прыгает выше всех и вертит над головой треугольным куском синего пластика. Еще только из автоматов не пуляют. Не зря, однако, оружие заклинено. А то, чего доброго,

перестреляли бы друг друга к чертовой матери.

Как бы не хотелось проигравшим поскорей свернуть игру, но победителям нужно дать время насладиться заслуженной победой. Ну и пусть скачут, как сбежавшие из зоопарка бабуины. Чаг, стараясь не замечать прыгающих от радости зеленых, направился к точке сбора команды синих.

В противовес победителям, синие, как говорится, повесили носы. От общей кучи нахохлившихся игроков отделилась массивная фигура. По одной только тяжелой походке легко узнать друга.

— Баста! Непоседа, — Шнык перешел на приватный канал связи. — На сегодня нас поймали.

— Я и без тебя вижу, — раздраженно ответил Чаг. — Ты можешь объяснить, как оно так вышло?

— Увы! — Шнык развел руками. — Могу и со всеми подробностями: зеленые большим отрядом проломили нашу оборону в центре. Я там был и получил пару пуль в пятую точку.

Шнык выразительно потер пострадавший зад.

— Ладно, — Чаг повесил автомат на плечо, — Будет и на нашей улице праздник.

— Вот что мне в тебе мне нравится, Непоседа, так это как ты умеешь смириться с неизбежным, — воскликнул Шнык и тут же предложил, — Давай, сразу после разбора полетов, завалимся ко мне на обед. Я навоевал зверский аппетит. Назовем самый большой кусок свинины «Командой зеленых», разрежем его на маленькие кусочки и съедем. А для верности утопим их в бутылочке великолепного вина. Как ни крути, а сегодня у нас с тобой дебют.

Чаг невольно улыбнулся. Родителя Шныка владеют небольшим кафе на Зерновой улице. Что, что, а готовить мама Шныка любит и умеет.

— Давай, давай соглашайся, дурья башка, — Шнык упорно настаивает на своем. — Заодно папа поведаст нам дивную историю о том, как вчера днем в «Пьяный горняк» завалился новоявленный Главный погонщик и за какой-то час нализался в сосиску.

— Да ну! — недоверчиво воскликнул Чаг.

— В хлам! — заверил Шнык. — В одну харю прикончил пару бутылок вина, а уж пиво не в счет. Громогласно пообещал всех зеков прижать к ногтю. А потом отрубился прямо мордой в салат.

Рассказ о пьяной выходке нового начальника Глотки обещает быть весьма красочным, папа Шныка великолепный рассказчик. Да и пообедать не помещает.

— Ну-у-у, если за твой счет, то давай, — согласился Чаг.

— Внимание! — на общем канале загремел голос Киборга. — Игра окончена. Всем игрокам вернуться в клуб. После собраться в зале для собраний для разбора прошедшей игры. Кто не придет — очень много потеряет.

На разборе игры Киборг рассказал не мало поучительных подробностей о поражении синих. Торшер, командир зеленых, очень хорошо знает о большом пристрастии Живучего к стремительным атакам, на чем и построил собственный план. Зеленые не стали ломиться всей толпой к флагштоку синих, а организовали большую засаду на одном из возможных направлений атаки. Не иначе сама фортуна улыбнулась Торшеру: ударный отряд синих угодил точно в расставленные силки.

Вот куда, оказывается, убежал фактор внезапности. Первый же залп выбил половину атакующих. Потом, пользуясь численным превосходством, зеленые добились ударный отряд.

Только Живучий, в очередной раз подтвердив собственное прозвище, сумел выбраться.

Шестое отделение, в котором воевали Чаг и Шнык, наткнулось на заградительный отряд зеленых и оттянуло на себя еще один. Второй отвлекающий отряд синих сумел дойти чуть ли не до флагштока, но завяз в бою возле него. Когда заградительные отряды разгромили шестое отделение, то они быстро вернулись и ударили в тыл синим. Ну а дальше — дело техники.

Собрав все силы, Торшер навалился на флагшток синих. Как отметил Киборг: «Самое настоящее чудо, что синим удалось продержаться так долго и даже расширить плацдарм обороны». Но... Одного упорства малочисленных защитников оказалось мало. Торшер еще разок обошел Живучего.

Таранным ударом в центре зеленые проломили оборону синих. Не важно, что две трети атакующих «погибло» на месте. Один из зеленых добежал таки до флагштока и сорвал синий флаг.

Глава 5. Передача власти

Кассен Откен, новый Главный погонщик Глотки, вежливо постучался в дверь кабинета все еще действующего начальника тюрьмы и тут же вошел. Угора Тсен, миловидная секретарша в голубенькой блузке, хлопая покрашенными глазками, с удивлением уставилась на него.

Ну конечно же! Весть о позавчерашней выходке в «Пьяном горняке» облетела всю Свалку. В субботу утром Откен очнулся у себя в номере, мягко говоря, в очень неприглядном виде. Аборигены ждали от него «продолжения банкета». Ан нет! Откен самым решительным образом взял самого себя за шкуру и вытряхнул всю дурь. На встречу с витусом Рекоу Откен явился в самом что ни на есть респектабельном виде: черная форма тюремного надзирателя тщательно выстирана и поглажена, ботинки сияют полировкой, а под глазами ни малейшего намека на пьяный загул.

— Доброе утро, угора, — вежливо поздоровался Откен. — Могу ли я видеть витуса Рекоу?

Секретарша справилась с удивлением и мило прощбетала:

— Да, да, витус Откен. Витус Рекоу ждет вас. Разрешите, я доложу.

Пока секретарша тыкала покрашенным ноготком в иконку вызова и ждала ответ, Откен посмотрел по сторонам. Не густо. Стены и потолок маленькой приемной обиты большими листами светло-коричневой фанеры под дуб. Широкий стол, за которым восседает миловидная секретарша, небольшой сейф и даже маленький уютный диван для посетителей обделаны декоративными дощечками. На первый взгляд неказисто и просто, но на Свалке нет лесов. По местным меркам, древесина — роскошь. Ее же за 19 световых лет везти надо. Только состоятельные граждане могут похвастаться деревянным столом в гостиной, или деревянным креслом-качалкой у телевизора. Так что приемная начальника тюрьмы обделана дорого и шикарно. Может быть даже со вкусом.

— Прошу вас, проходите — пригласила секретарша. — Витус Рекоу ждет вас.

— Благодарю, — ответил Откен.

Для приличия Откен постучал в дверь еще раз и, повернув деревянную ручку, вошел во внутрь.

— Очень! Очень! Очень рад вас видеть! — витус Рекоу аж выпрыгнул из-за стола.

Для мужчины, который уже разменял пять десятков лет, витус Рекоу очень даже хорошо сохранился. Широкая лысина ни капли не портит его внешность, а наоборот — добавляет солидности. Округлое лицо и пухлые губы в широченной улыбке. Все еще действующий начальник тюрьмы светится от радости, как малыш при виде сладкой конфеты. Черт побери! Откен на мгновение замер на пороге кабинета. Рекоу и в самом деле рад его видеть.

— Нет! Нет! Прошу вас! Давайте присядем вот сюда, — витус Рекоу показал на круглый чайный столик.

Откен без малейшего интереса пожал протянутую для приветствия мягкую ладошку и присел в глубокое кресло возле столика.

— Гафая, голубушка, будь добра, — витус Рекоу вызвал секретаршу. — Принеси нам кофе.

— Сию минуту, витус, — ответила секретарша и отключилась.

Пользуясь случаем, Откен осмотрел свой будущий кабинет — та же деревянная

роскошь. Внушительный и тяжелый рабочий стол целиком и полностью изготовлен из широких досок. Столешница, правда, не деревянная, а вполне современный электронный рабочий стол. Высокое окно наглухо закрыто плотными шторами. Административный корпус тюрьмы построен на поверхности планеты — единственное исключение для Свалки. Как не сложно догадаться, унылый пейзаж за стеклом не радует витуса Рекоу. Все еще действующий начальник Глотки уроженец Мирема. Стены кабинета обшиты почти такими же широкими листами фанеры под дуб, только более приятного оттенка.

— Очень и очень рад вас видеть, — витус Рекоу присел в соседнее кресло.

— Разрешите узнать, почему, витус? — как бы между прочим, продолжая играть роль вежливого посетителя, поинтересовался Откен.

Но витус Рекоу ответил прямо в лоб:

— Витус Откен, давайте не будем разводить светские разговоры с приятными лицами. Вы прекрасно знаете, почему я крайне рад вас видеть — срок моего контракта истек еще два года тому назад. То есть, — витус Рекоу на секунду задумался, — почти шесть стандартных месяцев тому назад.

Откен с трудом подавил презрительную улыбку. Этот лысый динозавр так давно живет на Свалке, что окончательно перешел на местное летоисчисление.

— Я целиком и полностью отмотал свой срок и с превеликой радостью отдам вам этот кабинет, тюрьму Глот и красавицу Гафаю в придачу. Только не пытайтесь затащить ее в постель, — неожиданно предупредил витус Рекоу. — Она замужем. Женщин на Дайзен-2 не хватает. В припадке ревности ее муж запросто может всадить вам нож в спину. Но это так, к слову.

С текущими хозяйственными и организационными делами, списками заключенных, финансами и прочими документами, вы разберетесь сами. Я передам вам код доступа.

Служебный дом освобожу дня через три — четыре. Завтра днем, на приеме у губернатора, официально передам вам полномочия начальника тюрьмы. А сейчас разрешите сказать вам то, что вы не найдете ни в одной инструкции, ни...

Витус Рекоу умолк на полуслове. С легким стуком открылась входная дверь. В кабинет, соблазнительно покачивая гладкими бедрами, вошла угора Тсен с металлическим подносом. Воздух наполнился приятным запахом кофе.

— О! Гафая! Ты — прелесть, — витус Рекоу повернулся к секретарше.

— Приятного аппетита, — угора Тсен ослепительно улыбнулась.

Секретарша ловко поставила на столик две чашки кофе, вазочку с сахарным песком и тарелочку печенья. Угора Тсен, бросив на прощанье любопытный взгляд, вышла из кабинета.

Откен проводил секретаршу глазами. Трудно поверить, но старик и в самом деле очень рад его видеть. Подобная встреча на самом Миреме за гранью фантастики. Если бы его и в самом деле повысили бы до начальника тюрьмы Антал, то старый пенёк витус Обол, прежний начальник, так бы от радости не прыгал. Быстрее всего он нацарапал бы на электронном столе код доступа и вышел бы из кабинета, шипя от злости и разбрызгивая ядовитую слюну. А этой довольный жизнью толстячок готов от радости запрыгнуть на чайный столик и станцевать стриптиз.

Едва сексапильная секретарша закрыла за собой дверь, как витус Рекоу вновь стал серьезным.

— Так вот, витус Откен. Я знаю, что в Антале вы работали замом по безопасности. Но Дайзен-2 это не Мирем. Очень и очень далеко не Мирем.

В тюрьме Глот содержится около 50 тысяч заключенных. Персонал тюрьмы, включая миловидную Гафаю, всего 407 человек. На одного надзирателя приходится более 250 заключенных.

— Это еще много, — возразил Откен. — В Антале на одного надзирателя приходится более четырех сотен заключенных.

— Верно, — легко согласился витус Рекоу, но тут же добавил. — Один пастух справится и с тысячей баранов. Но здесь, в Глотке, сидят волки. Те, кто настолько агрессивен и неисправим, что заслужил право быть отправленным на Дайзен-2. Им нечего терять. Их уже лишили прописки на Миреме и выслали за пределы метрополии. Все! Они на дне Падате дальше некуда.

Что верно, то верно: четвертую сотню лет метрополия исправно сливает на Свалку помой.

— Начальство на Миреме считает, что бежать заключенным все равно некуда и доблестно игнорирует все мои мольбы увеличить штат тюрьмы. Да и не только мои. Все, кто только занимал этот кабинет, как об стенку бились, но с тем же нулевым результатом.

В Глотке за полторы тысячи лет, то есть за три сотни стандартных лет, среди заключенных сложилась своя иерархия: авторитет, блатные, роботы, шавки и даже обиженные. Подробности вы узнаете у зама по безопасности. Сейчас от вас требуется понять самое главное: авторитет и блатные держат всю эту буйную братию в узде. Фактически они теневая администрация тюрьмы.

— Ну вы, блин, даете! — от удивления Откен подался вперед. — До такой степени потакать заключенным. Это слишком. Что дальше? Публичные выборы начальника тюрьмы?

На вполне справедливое замечание витус Рекоу отреагировал очень странно. Он не стал оправдываться или хамить, а виновато улыбнулся.

— И я, точно так же, считал, когда-то... — медленно протянул витус Рекоу. — Мы вынуждены потакать заключенным, освободить часть из них от работы, чтобы остальные исправно вкалывали, а рудник выдавал на гора план.

Витус Рекоу сделал пару больших глотков кофе, отломил половинку печенья и продолжил:

— Какой бы порочной не была существующая система, но на ней и только на ней держится порядок и работоспособность рудника. Я настоятельно, настырно, очень даже советую вам — не меняйте ее. Не пытайтесь переделать ее и даже трогать. У вас все равно ничего не получится. Верхушка заключенных не будет работать из принципа. Для блатного, и тем более для самого авторитета, взять в руки лопату или отбойный молоток равносильно самоубийству. Его авторитет тут же разлетится в пух и в прах.

— Ну уж дудки, — возразил Откен. — Позвольте с вами не согласиться. Преступники должны работать. Все! До единого. Никаких поблажек и никаких привилегий.

Откен вновь с трудом сдержал себя. Так и подмывает сказать этому блеющему идиоту что-нибудь резкое и очень гадкое.

— Превеликий Создатель. Неужели и я был таким горячим девяносто лет назад, — неожиданно произнес витус Рекоу. — Точнее, двадцать стандартных лет тому назад.

Витус Рекоу прискорбно улыбнулся:

— Я ведь тоже пытался навести порядок, раздать блатным отбойные молотки, чтобы было как на Миреме. Но... Повторяю: здесь вам не метрополия, а...

— Знаю, знаю — Свалка, — зло отмахнулся Откен.

Витус Рекоу тут же подобрался, распрямил спину и тихо зашептал:

— Витус Откен, никогда. Вы слышите? Никогда не называйте Дайзен-2 Свалкой. Местные крайне не любят это... прозвище. Иначе у вас будут преогромные неприятности с персоналом. Они же сплошь аборигены. Вплоть до того, что булочник будет продавать вам позавчерашние булочки под видом свежих.

— Ну... Это мы еще посмотрим, — ответил Откен.

Витус Рекоу залпом допил кофе. Забытая половинка недоеденного печенья осталась лежать на тарелочке. Все еще действующий начальник тюрьмы, даже не стараясь скрыть отчаянье, произнес:

— Витус Откен! Прислушайтесь к мои словам. Завтра днем все это хозяйство, — витус Рекоу широко развел руками, — будет вашим. А вам тут еще двадцать лет париться.

То ли от волнения, то ли от бессилия, начальник тюрьмы забыл про местный календарь и перешел на стандартное летоисчисление.

— Ваш совет запоздал, — Откен злорадно улыбнулся. — Позавчера днем, в баре, какой-то зачуханный абориген из-за своей любимой Свалки полез на меня в драку.

От столь дерзкого признания витус Рекоу испуганно отшатнулся. В кабинете повисла напряженная тишина. Витус Рекоу, резко сменив тему, спросил:

— Витус Откен, по себе знаю, добровольцем на Дайзен-2 никто не едет. А вы по какой причине подписали контракт?

Откен напрягся. Кровь прилипла к щекам, глаза сузились, а к горлу подкатил горький ком. Треснуть бы этого болвана по башке.

— Не ваше дело. Уважаемый.

Последнее слово прозвучало как грязное ругательство. Но на грубость витус Рекоу никак не отреагировал. Наверно и не рассчитывал на откровенный ответ.

Интерес к разговору окончательно пропал. Этот старый дурак не сказал ничего действительно важного или хотя бы интересного. Только расписался в собственной трусости и бессилии. Да еще в душе покопаться удумал. Не! Ему точно следует треснуть по башке. Может тогда мозги заведутся.

— Надеюсь, у вас найдется свободный кабинет с хорошим рабочим столом? — Откен поднялся из кресла.

— Да, конечно, — витус Рекоу встал следом. — Налево по коридору крайняя дверь под номером 78. Мы специально держим его свободным, так сказать, резервное рабочее место, на всякий случай. Пойдемте, я провожу вас.

— Не стоит, — возразил Откен. — Раз все кабинеты в административном здании пронумерованы, то я и сам легко его найду. До свидания, — произнес Откен. — Если что понадобится, я непременно свяжусь с вами лично.

— Всего хорошего, — витус Рекоу слегка поклонился.

Треснуть бы на прощанье дверью, чтоб смазливая секретарша подпрыгнула от испуга. Откен вышел в приемную. Неужели и он сам через двадцать лет превратится в точно такого же слащавого идиота? Не бывать!!! Никогда! Лучше он перевернет здесь все с ног на голову. Точнее, наоборот — с головы обратно на ноги.

Дверь за спиной громко хлопнула. Пусть не настолько сильно, чтобы красавица Гафая испугалась, но достаточно, чтобы она нахмурила свои прекрасные глазки.

Глава 6. Предупреждение

— И почему каждый раз повторяется одна и та же история.

Тихо, почти про себя, прошептал Рекоу, когда витус Откен, долгожданный приемник, вышел из кабинета. Как прощальный салют, дверь хлопнула за его спиной.

За полторы тысячи местных лет сложилась «добрая» традиция: каждый новый Главный погонщик пытается сломать порочную систему взаимоотношений между заключенными и администрацией тюрьмы, и так же, при первом знакомстве, хлопает дверью. Но без кардинальной перестройки всего института исполнения наказаний свернуть ее невозможно. Она сложилась поперек воли самых первых Главных погонщиков и за прошедшие столетия только доказала жизнеспособность, необходимость да и живучесть, если честно.

Больше 20 стандартных лет тому назад он сам точно так же обозвал про себя витуса Несота слащавым слабаком и приспособленцем. Точно так же вышел из кабинета и с треском закрыл за собой дверь. Тяжело вздохнув, Рекоу вернулся за рабочий стол.

Большое кресло мягкое и очень удобное. Электронный стол включен. В левом верхнем углу папка с входящими документами горит зеленым цветом. Нужно бы ее открыть и продолжить работу. За выходные, как обычно, набежала куча дел, но...

Рекоу откинулся на мягкую спинку кресла. Неожиданно нахлынуло чувство полнейшего безразличия. То, что еще полчаса назад казалось важным и значительным, разом превратилось в ничтожное и мелочное. Заключенные, дисциплина, выработка, план... Сменщик прибыл. Менее, чем через сутки витус Откен получит все это хозяйство. Черт с ней, с зеленой папкой со входящими документами.

Согласно все той же «доброй» традиции, новый начальник Глотки пять — семь местный лет будет беситься, подгонять суровую действительность под строгие буквы устава, ругаться и обзывать губернатора нехорошими словами. Этим витус Откен никого не удивит и не обрадует. Все новые Погонщики заводились так. А потом махали на все рукой и начинали тихо ждать, когда истечет прописанный в контракте срок. Но что-то в витусе Откене настораживает. Понять бы еще что?

Желание заниматься текущими делами пропало окончательно и бесповоротно. Рекоу развернулся на кресле спиной к рабочему столу. В конце концов сегодня у него последний рабочий день. Как говорят зеки в подобных случаях? С вещами на выход! Новый начальник мужчина в самом расцвете сил, высокий, мускулистый. Наверняка каждое утро бежит по десять километров и два раза в неделю посещает тренажерный зал. К тому же злой, как пес бездомный. Вот пусть и разбирается с журналом расхода кислорода и с количеством списанных арестантских роб. Лучше проверить ящики стола.

Но, едва Рекоу развернулся и вытащил верхний правый ящик, как тут же задвинул его обратно.

Вот оно что! Витус Откен злой. Очень злой. Он даже не пытается примириться с действительностью. Еще ни один новый начальник тюрьмы не начинал жизнь на Дайзен-2 с грандиозной попойки в баре и с драки с простым шахтером. Личная жизнь витуса Откена рассыпалась в прах, когда он подписал кабальный контракт. Знать бы еще на чем его подловили. Впрочем, как раз об этом можно будет спросить губернатора на завтрашнем приеме.

К черту работу! Рекоу поднялся с кресла и вышел в приемную.

— Гафая, голубушка, — Рекоу остановился перед секретаршей. — Если что, я на обходе. Если кто будет настаивать, то я решил в последний раз провести Профа.

— Фу! Витус, — угора Тсен сморщила симпатичное личико. — Сдался вам этот Проф. Я про него столько гадостей слышала. Говорят — он гей!

— Знаю, знаю, — Рекоу еда успел спрятать улыбку. — Но с моей стороны будет очень не вежливо не попрощаться со своим первым заместителем по теневой администрации.

Рекоу постарался обратить все в шутку, но угора Тсен только махнула наманикюренной ручкой. В коридоре Рекоу обошел стороной распахнутые двери лифта. Лучше в последний раз прогуляться по тюрьме пешком.

Странно? Рекоу вновь вышел в длинный общий коридор. Все эти бесконечные девяносто лет он как-то не обращал внимания на внутреннее убранство административного корпуса, да и на всю тюрьму в целом. Просто перемещался из пункта «А» в пункт «Б»: из лифта в кабинет, из кабинета в зал для собраний, из зала для собраний в столовую, из столовой обратно в кабинет. А ведь в административном корпусе Глотки много чего белого цвета: стены, потолки, даже пожарный щит на развилке покрашен белой краской. Под ногами мягко пружинит ковровая дорожка из дешевой синтетики. Рекоу на миг остановился и потер ее носком ботинка. Сколько же ей лет? За все эти годы он не подписал ни одной сметы по замене покрытия в административном здании. На поворотах и перекрестках с потолка глазют стеклянные полусферы видеокамер. Просто, казенно и скучно.

Пост № 1, пара толстых решеток с маленькими дверцами отделяют мир заключенных от мира свободных жителей Дайзен-2. Пузатый надзиратель лихо выскочил из-за стола, но Рекоу только махнул рукой:

— Сиди. Я проведу Профа и сразу обратно.

— Как скажете.

Охранник из всех сил старается сохранить деловой и сосредоточенный вид, но на его располневшем лице, как на экране хорошего телевизора, без труда читается вздох облегчения. Раз начальник тюрьмы решил прогуляться один, то, значит, точно не потащит за собой.

Пост № 1 отделяет административные помещения от собственно тюрьмы. Немногочисленным работницам Глотки категорически запрещено даже приближаться к Посту № 1. Та же угора Тсен, симпатичная секретарша, никогда не приближалась к стальным решеткам, и, дай бог, никогда не приблизится.

Несложное механическое приспособление между стальными решетками позволяет открывать маленькие дверцы только по очереди — еще одна далеко не лишняя предосторожность. Рекоу отошел от Поста № 1 метров на десять, но остановился и обернулся.

Эти решетки заключенные пересекают дважды. Первый раз, когда прибывают в тюрьму. Второй, когда ее покидают. Но для многих хватает и одного раза. По долгу службы ему приходилось бесчисленное количество раз проходить через эти двойные решетки. Но, к чему обманывать самого себя, он сам был не намного свободней одетых в красные робы заключенных. Они мотали свой срок в общих камерах по эту сторону, а он в комфортабельном кабинете с занавешенным окном по ту.

Заблудиться в жилой части тюрьмы невозможно. В параллельных коридорах дорогу найдет даже слепой. Эскалаторы для перехода с уровня на уровень или пассажирский лифт заключенным не полагается. Рекоу спустился по бетонной лестнице на четвертый уровень. В

конце самого дальнего бокового прохода находится камера № 491.

Самая знаменитая на весь Дайзен-2 камера находится не просто на самом нижнем жилом уровне, а в самом дальнем его конце. Дорожит собственной безопасностью авторитет, еще как дорожит. Перед закрытым входом развалился здоровенный амбал. Кожа на гладко выбритом затылке собралась глубокими складками. Не зря подобных субъектов с прокисшими мозгами и накаченными мускулами называют быками.

Услышав шаги, амбал напрягся и резко обернулся. Глаза маленькие, тупые, но очень подозрительные. Узнав Рекоу, бык нехотя оторвал зад от металлической табуретки и с шумом отодвинул решетчатую дверь. Пропуска не потребовал, и то ладно.

Стандартная камера № 491 рассчитана на двадцать заключенных, но живет в ней всего десять человек. Лишние койки убраны. На свободном пяточке огорожен душ с персональным туалетом и оборудована мини-качалка: спортивная скамья со стойками и штангой, пара стеллажей с комплектом съемных дисков и внушительный набор гирь. На толстом крючке висит боксерская груша.

На спортивной скамье, кряхтя от натуги, под тяжелой штангой, лежит еще один бык из окружения авторитета. Еще крупнее и толще первого у входа. Подняв штангу, бык с шумом уронил ее на стойки и присел. Растопыренной пятерней охранник смахнул с лица обильную испарину. На руднике быки не работают, делать им нечего, вот и качают мускулатуру сутки напролет.

Подобных типов нужно держать в психушке на расслабляющих препаратах. Но суд, по неизвестным причинам, признал их вполне вменяемыми и отправил на Дайзен-2. Наверно по соображениям экономии. Судьбой сосланных на Свалку многочисленные общественные организации Мирема не интересуются вовсе. За 90 местных лет ни один эмиссар так называемых борцов за права человека не появился в Космопорту имени Пилага.

У дальней стены в потертом кресле из кожзаменителя сидит Тул Фудиллов по кличке Проф. На авторитете стандартная для зеков красная тюремная роба, но тщательно постиранная и поглаженная. Заложив ногу за ногу, Проф держит в руке старенький ридер.

Недалеко от Профа, показывая всему миру тощий зад, на четвереньках ползает шестерка. Авторитету по должности не полагается пачкать руки о разные там отбойные молотки, кувалды или, упаси господи, половые тряпки. Но кто-то должен каждый день мыть в камере пол и вытирать под коечками вездесущую пыль.

Профу больше шестидесяти стандартных лет. В молодости он работал в Институте фундаментальных исследований. Говорят, был талантливым физиком. Но... страсть к материальной стороне жизни погубила его. Тул Фудиллов провернул грандиозную аферу. Через несколько влиятельных телеканалов раструбил на весь мир о грядущем создании генератора искусственной гравитации. Благодаря бешеной популярности ему удалось выбить из правительства аж несколько миллиардов виртов. Сумма громадная, в четыре раза больше годового бюджета Дайзен-2.

На Итаге, естественном спутнике Мирема, специально для него построили научно-исследовательский институт. Несколько крупных строительных компаний в кратчайший срок возвели целый поселок и солидные промышленные мощности. Казалось... Вот! Вот! Еще немного. И человечество, наконец, получил долгожданный генератор искусственной гравитации. Но...

В те же СМИ, что двумя годами ранее во всю расхваливали Тула Фудилова, просочились слухи о финансовых махинациях при строительстве научно-исследовательского комплекса.

Телезрителей особенно позабавило кресло витуса Фудилова, за которое, согласно предъявленным документам, заплатили аж 100 тысяч виртов налогоплательщиков. Вслед за сенсационными телепередачами на Итагу десантировалась парламентская комиссия и такое там накопала.

Никаких исследований Тул Фудиллов не вел в принципе, только создавал видимость. Зато активно ворочал громадными суммами, выделенными на генератор искусственной гравитации. За солидные откаты распределял строительные подряды и закупки. На Миреме Фудиллов построил прекрасный особняк в три этажа и с шестью туалетами и одной сауной. Солидными взятками сумел подмазать не только высших чиновников Института фундаментальных исследований, но и политиков в администрации президента.

Скандал вышел грандиозным. Рекоу был в то время молодым надзирателем тюрьмы Камшбот и смотрел судебные разбирательства по делу Фудилова, как лихо закрученный детектив. После оглашения приговора на Свалку отправили самую образованную за всю историю Дайзен-2 партию заключенных. И вот, став начальником Глотки, Рекоу нашел здесь черную легенду финансового мира.

Великий Создатель наделил Фудилова могучим умом и великолепными организаторскими способностями. Проф быстро взобрался на вершину уголовной иерархии. Срок его заключения истек семь стандартных лет тому назад. Фудиллов вполне мог бы выйти на свободу, но авторитет предпочел остаться. Ну не дурак же он менять потертое кресло тюремного авторитета на лом и лопату бесправного работника на далекой ферме на южной оконечности кратера Финдос. И таких как он за долгую историю Глотки накопилось больше двух тысяч. Именно этот контингент вечных заключенных составляет теневую администрацию тюрьмы.

Рекоу подошел к Профу и нарочно громко произнес:

— Добрый день, Проф.

Авторитет оторвал взгляд от ридера.

— А-а-а! Добрый день, гражданин начальник. Прошу вас — присаживайтесь, — панибратским тоном предложил авторитет.

Проф ведет себя так, словно он здесь самый главный. Хотя, нужно признать, так оно и есть. С Профом вполне можно разговаривать, если не обращать внимания на его словесные понты и непристойные жесты.

Рекоу осторожно присел на коечку напротив кресла и спросил:

— Проф, ты слышал о новом Главном погонщике?

— Конечно, — ответил Проф. — Пару дней назад его с метрополии скинули.

— Тогда, может быть, ты слышал о его выходе в «Пьяном горняке»?

— О-о-о! — притворно удивился Проф. — По Глотке уже анекдоты ходят.

Еще одно правило, которое вовремя не успел усвоить витус Откен: Дайзен-2 подобен маленькому глухому городку, где слухи и сплетни разлетаются быстрее официальных сообщений. Да и верят им больше. Заключенные еще в глаза не видели нового начальника, но уже составили о нем весьма нелицеприятное мнение. Трудно будет витусу Откену, ох как трудно.

— Тогда, ты должен знать, что он собирается с вами сделать, — не спрашивая, а утверждая, произнес Рекоу.

— Ну-у-у, не он первый, не он последний, — неопределенно ответил Проф. — Ты и сам, в свое время, пытался всучить мне отбойный молоток.

Рекоу поморщился. Было дело. До сих пор крайне не приятно вспоминать об этом.

— Можешь считать меня паникером — мне уже фиолетово, — заявил Рекоу. — Я разговаривал с витусом Откеном полчаса назад. Он очень, ты слышишь, очень мне не понравился. Этот верзила с накаченными бицепсами под самую макушку набит злостью. У него внутри все кипит и пенится. Того и гляди — рванет, как атомная бомба. Его жена бросила.

— Так это ж со всеми так! — авторитет едва не подавился смехом. — И тебя жена бросила, и меня. Вон! Даже губернатор, самая жирная лягушка в нашем болоте, и тот на Свалку холостяком прилетел.

— Все это так, — легко согласился Рекоу. — Я отстал от тебя, когда женился. А витус Откен еще не пережил развода, еще не смирился с неизбежным и еще не нашел другую женщину. С аборигенками он уже поссорился, заочно. От воздержания, понимаешь...

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво спросил Проф.

— Психология является важной и неотъемлемой частью обучения тюремного надзирателя, — словно цитируя учебник, ответил Рекоу. — Чем в более скверном расположении духа находится человек, тем легче понять его сущность. Я, вообще-то, с тобой попрощаться пришел. Ну не могу же я напоследок не провести своего первого заместителя по теневой администрации.

Проф широко улыбнулся. Авторитет падок на лесть.

— Так что, Тул Фудиров, не кашлять тебе, — Рекоу поднялся с койки.

Проф, стрельнув глазами на ползающего под ногами шестерку, неожиданно спросил:

— Зачем вы меня предупредили?

Тюремная жизнь с ее вечными интригами не на жизнь, а на смерть приучила Профа искать подвох во всем и подозревать собственное отражение в зеркале.

— Это моя благодарность, Проф. Спасибо тебе, что все эти двадцать лет держал Глоту за плотку, — невольно скаламбурил Рекоу. — Да и месть, куда уж без нее. Витус Окрен слишком громко хлопает дверью. Ну все. Удаче тебе.

Теперь можно уходить с чистой совестью. Авторитет так и остался сидеть в потертом кресле, но ридер в руки не взял. Проходя мимо охранника у входа, Рекоу недовольно покосился на короткую дубинку на поясе быка.

Если к обычной металлической трубке приварить пять коротких толстых пластин, а рукоятку для удобства обмотать тканью или кожаным ремешком, то получится очень страшное холодное оружие. Нож или заточка для тупого быка оружие слишком умное. А вот дубинка с торчащими во все стороны убийными пластинами — в самый раз. Рекоу отвернулся. За 20 лет ни раз и не два приходилось подписывать липовые отчеты о несчастных случаях, когда на проверку очередной труп оказывался густо утыканным характерными прямоугольными ранами. Но — судьбой зеков никто не интересуется. Далекий Мирем больше волнует поставки меди, никеля, кобальта, а не судьба сосланных на Свалку отбросов. Изувеченные трупы уходят в ненасытное жерло тюремного крематория, где вместе с бранным телом сгорает правда и справедливость. И... ничего в этой жизни не меняется.

По тюремному уставу холодное и тем более электромагнитное оружие категорически запрещено. Чтобы не провоцировать заключенных, надзиратели не носят даже баллончики со слезоточивым газом. А на деле? Если быки не стесняются начальника тюрьмы, то страшно подумать, какие арсеналы запрятаны у зеков в мастерских, в камерах под полом и,

особенно, в бесконечном лабиринте медного рудника.

Рекоу вышел из камеры № 491. В любом случае, дубинка на поясе охранника уже не его забота. Если новый Главный погонщик настолько крут, как заявляет, то пусть попробует отобрать у тупого быка с накаченными ушами его любимую игрушку.

Не останавливаясь, машинально кивая на приветствия заключенных и надзирателей, Рекоу быстро дошел до приемной своего кабинета.

— Гафая, голубушка, — Рекоу остановился возле секретарши. — Тебе обязательно нужно сменить работу.

— Вы меня увольняете? — угора Тсен удивленно захлопала глазками.

— Ну что вы! Да как я могу? Сегодня у меня последний рабочий день. Как раз сейчас начну паковать чемоданы.

— И на прощанье решили меня уволить?

— Нет! Что вы! Конечно нет. Только, — Рекоу оперся ладонями о столешницу и доверительно наклонился к секретарше. — В воздухе пахло жареным, милая моя. Витус Откен может выкинуть такое, такое, от чего в Глотке сначала будет очень жарко, а потом очень холодно. Я всего лишь горю желанием предостеречь вас.

— Ах! Это, — угора Тсен расслабленно рассмеялась. — Благодарю вас за заботу, витус, но, я думаю, витус Откен перебесится и все будет как прежде.

— Да будет на то воля Великого Создателя, — Рекоу печально вздохнул. — Тогда отмени все запланированные на сегодня дела. Если кто будет спрашивать, то можешь прямо так и сказать: старый Погонщик стойло сдает, а новый принимает — им обоим некогда.

Рекоу зашел в кабинет и аккуратно закрыл за собой дверь.

Глава 7. Разговор с губернатором

Кресло для посетителей в приемной губернатора большое и мягкое. Так приятно прислониться к высокой спинке и положить руки на широкие подлокотники... Выспаться можно, не хуже, чем в собственной кровати. Но Рекоу не до комфорта.

Часы над столом секретарши показали 9:45. До официальной передачи полномочий осталось всего пятнадцать минут. В приемной вот-вот появится витус Откен. Рекоу специально прибыл на полчаса раньше, чтобы поговорить с губернатором с глазу на глаз. Но витус Гажан как обычно изображает из себя крайне занятого государственного деятеля и все никак не может его принять.

Да-а-а. Тяжело общаться с человеком, который страдает манией величия, да еще и в самом деле облечен большой властью. Да какие у него дела? Сидит за столом и «лечится» после вчерашнего. Витус Гажан прикладывает к бутылочке каждый день. Удивительно, как за двадцать восемь местных лет он умудрился не спиться окончательно?

На столе секретарши запищал сигнал вызова.

— Витус Рекоу, — угора Равер, блондинка с тонкими холеными ручками, секретарша губернатора, ослепительно улыбнулась, — прошу вас. Витус Гажан вас примет.

Рекоу, стараясь скрыть раздражение, с трудом выбрался из глубокого кресла. Часы над головой сексапильной угоры Равер показывают 9 часов 51 минуту.

— Разрешите? — Рекоу открыл дверь в кабинет губернатора.

— Да. Да. Прошу вас.

Витус Гажан сама любезность: слащавая улыбка, розовые щечки, сверкающие от радости глаза. Губернатор ростом невелик, но больно худ для столь солидной должности. Деловой костюм мешком висит на его тощих плечах. При всем при том губернатор обожает плотно покушать и особенно выпить. И, конечно же, никогда не отказывается от приглашений на торжественный обед или деловой ужин. Еще бы — пожрать на халяву.

Стол губернатора девственно чист. В воздухе витает аромат вина. Окно распахнуто настежь. С высоты третьего этажа видны треугольные вершины елок на Площади пионеров. Витус Гажан так часто «лечится» в своем кабинете, что запах спиртного пропитал мебель и мягкую обивку стен.

— Присаживайтесь, — витус Гажан показал на кресло возле стола. — Чем обязан столь раннему визиту?

— Любопытство, уважаемый, любопытство, — Рекоу присел в кресло для посетителей. — И только вы можете мне помочь.

— Ну что вы! — витус Гажан театрально всплеснул руками. — Вы явно переоцениваете мои скромные возможности.

Не прошло и месяца, как тюремные медики подняли из льда витуса Гаждана, как Рекоу раскусил характер нового губернатора: очередной неудачник, любит власть больше, чем заслуживает, но по-особому. Витус Гажан обожает внешние проявления высокой должности, промариновать посетителя в приемной хотя бы пять минут без всякой причины из той же оперы. Манипулировать таким типом легко. Главное удовлетворять его глупые амбиции и нелепые пристрастия. Словно играя второстепенную роль в театральной постановке, Рекоу произнес:

— Уважаемый, это вы себя недооцениваете. На вас колония держится. Если вы не

сможете мне помочь, то уже никто не сможет.

— Хорошо, — витус Гажан уперся локтями в столешницу. — Что вы хотите знать?

Дозрел. Губернатор потешил самолюбие, убедился в собственной незаменимости и дошел до более обстоятельного разговора.

— Видите ли, — осторожно заговорил Рекоу. — Витус Откен. Мне... очень хотелось бы знать, за какие грехи или провинности его отправили к нам?

Витус Гажан хитро улыбнулся. Он, как губернатор колонии, как исполнительная, законодательная и судебная власть в одном лице, обладает доступом ко всем личным делам. И, конечно же, не упустил случая покопаться в грязном белье нового начальника тюрьмы.

— Да. Я читал личное дело витуса Откена, — губернатор до последнего тянет удовольствие. — И мне известно, по какой причине его сплавил к нам...

Рекоу внутренне напрягся. Неужели подтвердится одна очень плохая догадка. Витус Гажан опять хитро улыбнулся и резко выпалил:

— За рукоприкладство!

Проклятье! Рекоу сжал кулаки. Хуже и быть не может. Губернатор, весьма довольный произведенным эффектом, расслабленно откинулся на спинку кресла.

— Обычное дело, витус Рекоу, — продолжил губернатор. — Тюремный надзиратель дал по морде через чур бойкому заключенному. Витус Откен мужик горячий, вспыльчивый, к тому же физически сильный, говорят. С него станется. В иной ситуации инцидент замяли бы и все дела. Подумаешь, заключенный упал с лестницы и слегка ушибся. С кем не бывает. Но! По причинам, о которых мы можем только догадываться, витус Обол, начальник тюрьмы Антал, дал делу ход.

Витус Гажан обожает рассказывать гадости о подчиненных. Не гнушается собственными домыслами. Как раз чрезмерная болтливость и купила ему билет на Свалку.

— Витусу Откену, даже в самом худшем случае, разбитая морда зека сошла бы с рук. Управление наказаний не любит выносить сор из избы. Но! На его беду Управление ухватило за эту безделицу, пустяк, как хватается за соломинку утопающий в бурном море. Догадываетесь почему?

— Искали мне сменщика, — ответил Рекоу.

— В яблочко! — воскликнул витус Гажан. — С добровольцами у нас того, не густо. Точнее, их вообще нет. Да еще знаменитое проклятье. Вот и разыграли перед гордым, но наивным Кассеном Откеном целое представление. Как же! Такой позор! Бить заключенного! Честь мундира! Нарушение прав человека! Ну, вы сами знаете, как это делается. А он взял, да клюнул.

Рекоу молча кивнул. Знакомый сценарий.

— Дело вывернули так, будто витус Откен только тем и занимается, что целыми днями шляется по тюрьме и лупит заключенных. За такое отношение к службе и на Свалке в красной робе оказаться недолго. И тут, в самый критический момент, ему предложили... повышение. Не в его интересах было отказываться и проявлять характер.

Витус Гажан мелко захихикал, как мальчишка, который подложил на стул старшей сестре острую кнопку. Подобным образом «повысили» всех руководителей Дайзен-2. В том числе и самого губернатора. Но...

Рукоприкладство — это очень и очень плохо. Лучше бы витус Откен попался на коррупции, или переломал бы ноги на скользких ступенях карьерной лестницы. Теперь ясно, откуда в нем такой заряд злости. Так умеют злиться только честные люди с сильным,

несгибаемым характером. Черт побери! Это еще хуже.

— Да! Кстати! О проклятии, — вспомнил витус Гажан. — Уважаемый Рекоу. Через десять минут вы станете совершенно свободным человеком. На Мирем, возвращаться, думаете?

Вопрос застал Рекоу врасплох. Но тут на рабочем столе губернатора замигала иконка вызова.

— Да, голуба! — ответил губернатор.

— Витус Гажан, — отозвалась секретарша, — к вам прибыл витус Откен. Впускать?

— Пусть немного подождет, — ответил губернатор.

Рекоу скосил глаза на электронный стол витуса Гажана. Часы в правом верхнем углу показывают 9 часов 59 минут. Точность — вежливость королей, и не только.

— И все же, уважаемый, — губернатор сладко улыбнулся, — вы собираетесь возвращаться на Мирем или нет?

Рекоу, едва не прикусив нижнюю губу, совершенно искренне ответил:

— Не знаю, витус Гажан. Не знаю. Нужно подумать. Посоветоваться.

Губернатор опять хитро улыбнулся.

— Думайте. Думайте, уважаемый. А сейчас давайте поскорей покончим с формальностями. Голуба! — губернатор ткнул пальцем в иконку вызова секретарши. — Загоняй нового Погонщика.

Работать витус Гажан не любит, о чем прекрасно знает вся колония. Оно и к лучшему. Рекоу молча поблагодарил Великого Создателя. Как раз сплетничать губернатор любит и даже очень. Раскрывать перед заядлым подлецом душу — упаси господи.

Глава 8. Бегство со Свалки

От резиденции губернатора до служебного домика рукой подать: пять минут прогулочным шагом по Площади пионеров. С формальностями разобрались быстро. Взаимное представление, ознакомление с приказом, неразборчивые подписи в официальных документах, и все — витус Откен полноправный начальник тюрьмы Глот. Рекоу, наконец-то, сбросил с себя эту каторгу.

Радоваться бы надо. Носиться с диким воплями по Площади пионеров, скакать на одной ноге и целовать встречных девушек. А потом завалиться домой, закатить грандиозную пирушку и пропить к чертовой матери все сбережения! Но... Не так. Совсем не так казалась когда-то долгожданная отставка. На душе грустно и муторно. Даже на красоток не тянет. Что-то здесь не так. На хорошо знакомый путь до служебного домика Рекоу потратил больше десяти минут.

— Здравствуй, дорогой.

Аттелия, супруга, вышла в прихожую, едва Рекоу захлопнул входную дверь.

— Здравствуй, дорогая, — рассеяно отозвался Рекоу.

— Ну как? Тебя можно поздравить?

— С чем? — Рекоу замер по среди прихожей с снятым ботинком в руке.

— Ну ты даешь, — удивилась жена. — Самый главный заключенный Глотки наконец-то откинулся.

— А! Ну да. Было дело, — Рекоу одел домашние тапочки.

Шлепая по ступенькам, Рекоу поднялся на второй этаж в гостиную. Аттелия, чувствуя неладное, пошла следом.

— Что такой не веселый? — спросила жена.

Рекоу присел на диван и выглянул в окно. Привычный вид зеленых елей и запах свежей хвои успокаивает. Как и резиденция губернатора, служебный домик начальника тюрьмы находится на Площади пионеров.

— Дети дома? — спросил Рекоу.

— Уже дома, — супруга присела рядом. — Тоссан вернулся из школы за пять минут до тебя. Апилия, как обычно, учится у себя в комнате.

Ученики начальной школы обязаны посещать уроки. А вот студенты, как почти взрослые, пользуются некоторыми поблажками. Апилия, старшая дочь, предпочитает изучать теорию дома. В институт она ходит только на практику, зачеты и экзамены.

— Это хорошо, — заметил Рекоу. — Будь добра, позови их. Дело есть.

Но дети, услышав голос отца, сами вышли в гостиную.

— Привет, пап, — Тоссан подошел ближе и протянул руку для приветствия. — Поздравляю тебя с окончанием срока.

— Спасибо, сынок, спасибо, — Рекоу пожал протянутую руку.

Апилия, стрельнув глазами в его сторону, ограничилась короткой фразой:

— Поздравляю тебя, отец.

Старшая дочь, всем своим видом показывая недовольство, присела в широкое кресло напротив. Подчеркнутое отчуждение, словно вежливый отказ в приеме на работу, раздражает. А вот Тоссан наоборот — придвинулся ближе. На миг в гостиной повисла напряженная тишина. Через распахнутое окно долетает шум проезжающих мимо машин,

прохожих шаги и обрывки чужих разговоров.

— И так, семейство, — Рекоу стукнул кулаком по мягкому подлокотнику. — Срок моего контракта истек. Официально я уже не Главный погонщик.

Так хочется умолкнуть на полуслове и спрятаться от навалившейся проблемы, как страус головой в песок. Только это не выход.

— Что, будем, делать, дальше? — разделяя слова, спросил Рекоу. — В любом случае, этот прекрасный домик нам нужно освободить через неделю максимум.

— Я никуда не поеду! — тут же рванула дочь. — Мне и здесь хорошо!

С места и сразу в карьер. Рекоу в отчаянье опустил глаза.

Серьезный разговор назревал давно. До последнего времени он лениво тлел, лишь изредка выбрасывая яркие искры. Но, едва транспортник № 419 привез сменщика, как серьезный разговор вспыхнул ярким пламенем. Камнем преткновения, яблоком раздора стал вопрос возвращаться на Мирем или нет?

Больше двадцати стандартных лет тому назад его отправили на Дайзен-2. Уже здесь Рекоу познакомился с Аттелией Липадос, начальницей Управления здравоохранения. У них нашлось много общего: обоих сослали на Свалку, у обоих с треском развалились первые браки и оба, не смотря ни на что, хотели вернуться домой. Не прошло и года, как они поженились.

Контракт Аттелии истек шесть местных лет тому назад, или год с небольшим по стандартному календарю. Наконец, с прибытием нового начальника Глотки, они окончательно освободились и уже ничто не держит их на этой планете. Но! Возвращению на Мирем воспротивились дети. Если младший сын все время мялся, думал и никак не мог согласиться, то старшая дочь взметнулась на дыбы. Они родились и выросли здесь. Каким бы жалким и убогим не был бы Дайзен-2, но он их родина.

Пока окончание контракта маячило где-то там далеко, по ту сторону кратера Финдос, Рекоу особо и не думал о возвращении. Как-то само собой подразумевалось, что они вернутся на Мирем. Но! Когда назначенный срок наконец-то истек, а с метрополии вот-вот должны были прислать сменщика, Рекоу все чаще и чаще стали посещать сомнения.

Проклятие Свалки? Может быть. За 92 местных года они практически выросли в эту планету. Какой бы маленькой и убогой не была колония на Дайзен-2, но здесь Рекоу, да и Аттелия тоже, уважаемый человек. К тому же весьма состоятельный, по местным меркам, разумеется. Он водит знакомство с администрацией колонии, а несколько местных бизнесменов ни раз и не два намекали, что готовы принять его на ответственную и хорошо оплачиваемую должность. Даже если он уйдет на пенсию, то все равно сможет жить ничуть не хуже, чем сейчас. Одно дело пенсия в 500 виртов здесь, и совершенно другое дело на дорогом Миреме. На Дайзен-2 можно шиковать, раз в неделю кутить в ресторане. На метрополии скромно жить и раз в год выбираться на недорогой курорт у теплого моря или океана.

У супруги ситуация один в один. Шесть местных лет тому назад Аттелия передала Управление здравоохранением сменщику, но осталась работать его первым заместителем. Ее то же все знают и уважают.

Если посмотреть по-другому, то двадцать стандартных лет — очень большой срок. Их личные связи на Миреме давно растаяли. Престарелые родители ушли в лучший мир, а сын от первого брака благополучно вырос и обзавелся собственной семьей. Да и сбережения, по меркам Мирема, не такие большие. Если Великий Создатель подарит им крупицу своего

божественного внимания, то им удастся купить какой-нибудь не очень задрипанный коттедж в каком-нибудь условно престижном жилом поясе. Детям придется вживаться в абсолютно новую среду обитания и ускоренными темпами наверстывать пропуски в учебе. Перелет на Мирем займет не меньше 5 стандартных месяцев.

Есть над чем подумать. Чаши весов заколебались. Возвращаться на Мирем или нет — не понятно. Было непонятно, пока вчера утром не познакомился с новым начальником Глотки. Великий Создатель есть и он обращает внимание на творения свои.

— Апилия, доченька... Великий Создатель все видит! Ни что не ускользнет от всевидящего ока его. До вчерашнего дня я и сам не знал, как нам быть дальше, — как можно более выразительно произнес Рекоу.

— И что же такое эдакое произошло вчера? — с вызовом спросила Апилия.

— Вчера утром я познакомился со своим приемником.

— А! Дебошир и алкоголик, — перебила Апилия. — Перебесится и будет как все.

Рекоу тяжело задышал. Лишь бы не взорваться... Лишь бы не взорваться... Родная дочь, все таки. Рекоу разжал нервно сжатые кулаки. Во что бы то ни стало нужно вразумить упрямую дочь. Лишь бы не взорваться...

— Специально для тебя опушу подробности — в воздухе запахло жареным.

— У мамы что-то подгорело? — Апилия, будто не понимая фигурального выражения, заводила носом.

Дочь упорно старается разозлить его и вывести из равновесия. Не поддаваться на провокацию. Ни в коем случае.

— Новый Главный погонщик слишком горяч, слишком зол. Он до сих пор так и не оправился от краха своей семьи...

Рекоу, ища поддержки, посмотрел на супругу. Аттелия кивнула в ответ.

— Заключение в Глотке много. Ты даже не представляешь сколько их там. А уздечка, которая держит всю эту буйную братию, слишком тонкая. С новым начальником Глотка взбунтуется, как пить дать. Но на этой планете нет сил, которые смогли бы утихомирить эту ораву. Зеков пятьдесят тысяч! Ты только представь: на десять тысяч больше, чем населения Финдоса, столицы колонии.

— Ну, папа, ну ты и фантазер! — недоверчиво воскликнула Апилия. — Мог бы придумать страшилку пострашнее. Право-слово.

Господи! Рекоу едва не взвыл от досады. Ну почему у девушек в 17 лет напрочь отсутствуют мозги? Апилия, как и мать, учится на врача, но с ходу отбрасывает всякую логику.

— Доченька! Родная моя! Ты же у меня такая умная, такая привлекательная. На Миреме живет 8 миллиардов. Да там... Да у тебя... Подружек будет в разы больше. А поклонников... поклонников штабелями складывать будешь. Ты даже не представляешь, понятия не имеешь, от чего отказываешься.

— Не поеду! — упрямо заявила Апилия. — Я почти взрослая. Через четыре года ты мне будешь не указ. Вот. Можете мотать на свой Мирем, а я остаюсь.

Рекоу держался до последнего, но терпение лопнуло, как натянутый до предела трос.

— Наш разговор не окончен! — сорвался Рекоу.

Апилия тут же поднялась с кресла и ушла в свою комнату. Входная дверь грохнула за ее спиной, как пушечный салют. Жена и сын благоразумно молчат.

— Ты, это, насчет бунта, серьезно? Не преувеличиваешь? — неуверенно поинтересовалась Аттелия.

— Дай бог, чтобы я напрасно кричал «Пожар», когда на самом деле надвигается потоп, — Рекоу устало откинулся на спинку дивана.

Злость и обида на родную дочь бурлят в груди. Так и хочется встать и написать на двери в ее комнату большими жирными буквами «Дура!!!»

— Но папа, я тоже не хочу уезжать, — осторожно произнес сын. — У меня здесь друзья. Я вырос здесь. И мне здесь нравится. К тому же...

— Послушай, Тоссан, — Рекоу посмотрел на сына. — Твоя сестра упряма, как дверная пружина. Но она забыла, чья кровь течет в ее жилах. С ней или без нее мы покинем эту планету.

Тоссан отвернулся. Он целиком и полностью солидарен с сестрой, но характер у него более мягкий. В мать.

Решить самый главный вопрос так и не удалось. Как говорят в подобных случаях политические обозреватели, голоса разделились поровну. Эмоции взяли вверх. О продолжении конструктивного диалога не может быть и речи.

— Лирон, пошли на кухню, — предложила жена. — Я приготовила обед. Сегодня твои любимые котлеты из телятины и суп из зеленого гороха. Время у нас еще есть. Будет воля Великого Создателя, Апилия одумается.

— Дай-то бог, — Рекоу тяжело поднялся с дивана.

Но лучше всего не уповать на Создателя, а действовать. Рекою бросил взгляд на запертую дверь в комнату дочери. Апилия несовершеннолетняя, что существенно облегчает задача. Время поджидает: транспортник с Мирема очень скоро отправится в обратный путь.

* * *

Великий Создатель так и не вразумил упрямую дочь. В течении трех последующих дней Апилия по-прежнему наотрез отказывалась покидать Дайзен-2. Всеми правдами и неправдами она пыталась улизнуть от серьезного разговора. Стоило Рекоу хоть словом заикнуться об отъезде, как Апилия тут же убегала в свою комнату, в университет, либо к подруге, готовиться к экзаменам.

Рекоу сменил тактику. С утра по раньше он уходил из дома, а возвращался ближе к вечеру, незадолго до отключения дневного освещения. На недоуменные вопросы сына и дочери Аттелия только отшучивалась, дескать, папа все еще ходит на работу по старой привычке. Но и она понятия не имеет, где целыми днями пропадает ее муж. На осторожные расспросы Рекоу либо вообще не отвечал, либо бросал неопределенное: «Был у старых друзей». И все.

В пятницу днем наступило перемирие. Вопрос о переезде Рекоу больше не поднимал. Наоборот: за ужином, когда семья собралась за обеденным столом, неожиданно поинтересовался у дочери, в каком районе Финдоса она хотела бы жить. Служебный домик на Площади пионеров пора освобождать. Апилия очень обрадовалась и с ходу предложила несколько вариантов. Рекоу внимательно выслушал дочь и пообещал подумать.

Субботнее утро началось мирно. Супруга приготовила завтрак и позвала семью кушать. Обычно Рекоу садится за стол первым, но на этот раз специально задержался в ванной.

— Лирон! Ну где ты? — в очередной раз позвала супруга. — Все уже собрались!

Рекоу, опираясь руками о мраморную раковину, посмотрел в зеркало и тихо прошептал:

— Великий Создатель. Все в руках твоих. Помоги.

Закрыв кран, Рекоу вышел из ванной комнаты. В ноздри ударил обворожительный запах жаренной картошки.

— Доброе утро, — произнес Рекоу, заходя на кухню.

— О! Папа! Наконец-то! — Апилия развернулась на стуле. — Мама уже в курсе, я для нас домик присмотрела, на Медной улице. Мы можем...

Рекоу, подойдя к дочери вплотную, резко ткнул сложенными пальцами ей в шею.

— Ой! Ты чего? — Апилия испуганно отстранилась.

Сбитый локтем бокал с апельсиновым соком с грохотом улетел на пол.

Хлопая от удивления глазами, Апилия прижала ладошку к шее, но тут же, уронив руки, едва не сползла на пол. Рекоу вовремя подхватил обессиленную дочь.

— Ты что наделал?! — удивленно воскликнула Аттелия.

Вместо ответа Рекоу бросил на стол крошечный шприц-тюбик. Укол произошел настолько стремительно, что тонкая игла не успела запачкаться кровью.

— Ничего страшного, это всего лишь транквилизатор, — объяснил Рекоу и тут же решительно объявил, — Мы улетаем!

— Но папа! — от удивления сын едва не подавился картошкой.

— Мать, собирай вещи — приказал Рекоу. — На сборы у нас три часа. А ты, — Рекоу повернулся к сыну, — помоги мне отнести Апилию в гостиную.

Неожиданная выходка настолько поразила сына, что он молча слез со стула и послушно подхватил сестру за ноги. Полы коротенького халата соскользнули с ее гладких бедер.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Только в гостиной, когда они уложили Апилию на диван, Тоссан несколько отошел от шока и спросил:

— Папа, зачем ты это сделал?

— Мы улетаем, хочет этого Апилия или нет. Здесь очень скоро будет очень плохо.

— Но папа!

— Никаких но!!! — рявкнул Рекоу. — Я не для того женился на твоей матери и выбил для вас прописку на Миреме, чтобы оставить вас здесь! Ты даже не представляешь, от чего отказываешься. Дитя неразумное. У тебя такая возможность, такая. Далеко не каждый может смотреться со Свалки.

— Папа, не называя Дайзен...

— Свалка! Свалка! И еще сто раз Свалка! Эта планета была, есть и будет свалкой человеческих душ. С этой момента ты житель метрополии и тебе 14 лет.

На Дайзен-2 можно размножаться без каких-либо ограничений. Планета, по факту, не заселена. Администрация колонии поощряет многодетность налоговыми льготами, бесплатными детскими садами, школами и доплатами для неработающих матерей. А вот Мирем давно и плотно заселен. Каждый житель метрополии может родить одного и только одного ребенка. Право на второго можно либо купить за бешенные деньги на аукционе жизни, либо выиграть в лотерею, либо получить в качестве большой награды за выдающиеся заслуги и достижения.

Ни Рекоу, ни его жена не отказались от прописки на Миреме. У каждого как раз осталось нереализованное право на воспроизводство. Не превысив лимит, Рекоу сохранил прописку и для себя и для своих детей. Пусть Тоссан и Апилия родились здесь, на Дайзен-2, но они прописаны на Миреме и вполне могут переехать туда. Более того — за ними

останется право на воспроизводство.

— Но отец!

Попытался было возразить Тоссан, но тут же заткнулся. Рекоу демонстративно вытащил из кармана второй шприц-тюбик.

— Пусть я далеко не молод, но у меня хватит сил всадить в тебя иглу. Выбирай: или ты молча собираешь свои монатки, или ложишься рядом с сестрой.

Тоссан молча развернулся и побрел в свою комнату. Уже на пороге он все же обернулся и бросил:

— Апилия никогда не простит тебе этого. Никогда!

— Еще как простит, — уверенно заявил Рекоу. — Когда пройдет по золотистому пляжу в своем самом сексапильном купальнике, когда толпа поклонников свалится возле ее ног — обязательно простит. И думать забудет о Свалке! И ты, не пройдет и года, то же будешь называть эту планету Свалкой.

Хмурый Тоссан исчез в комнате. Уложив дочь по удобней, поправив короткий халатик, Рекоу вернулся на кухню. Аттелия сидит возле стола в глубокой растерянности.

— А я было подумала, что ты решил остаться, — призналась Аттелия.

— Дорогая, — Рекоу тяжело опустился на стул рядом. — Ты что? Тоже хочешь остаться?

— Нет, конечно же, — поспешно ответила Аттелия, — но... зачем так грубо?

— Она несовершеннолетняя.

— А-а-а если она подаст на тебя в суд? — не зная, что возразить, спросила Аттелия.

— На Миреме? В 19 световых годах от Свалки? Да ее на смех подымут. По телеку покажут, как экзотическую зверушку. Сенсация! — подражая телеведущим, Рекоу взмахнул правой рукой. — Только на нашем канале! Молодая красивая идиотка хочет попасть на Свалку! Спешите видеть! Представь картинку.

Аттелия отвела глаза.

— Не печалься, дорогая, — Рекоу ласково обнял супругу за плечи. — Все у нас получится. Вот увидишь. Собирай вещи.

Дети — отражение родителей. В дочери, как в зеркале, Рекоу узнал самого себя. Упрямство, ослиное упрямство, помогло ему продвинуться по служебной лестнице. Упрямство же забросило его на эту чертову Свалку на долгие 20 лет.

Последние три дня он только для вида пытался убедить дочь, а сам, пользуясь связями в администрации, подготовил переезд. Витус Откен легко согласился помочь. Для него чем быстрее свалит старый Погонщик, тем лучше.

Через три часа возле служебного домика остановилась машина скорой помощи. Санитары, двое неразговорчивых парней, вынесли на носилках бесчувственную Апилию и, не задавая лишних вопросов, погрузили в машину.

Рекоу прожил на Свалке 20 лет, но все нажитое имущество уместилось в пяти чемоданах. Тащить за собой на Мирем еще и мебель не имеет никакого смысла. Что не влезло в пять заранее купленных чемоданов, то осталось на усмотрение витуса Откена, нового начальника тюрьмы Глот и нового хозяина уютного домика с окнами на самый большой на планете парк.

В анабиозном отделе космопорта Рекоу лично проследил за тем, как тюремные медики уложили Апилию в анабиозную капсулу. При виде бывшего Главного погонщика веселые медики попридержали языки. А то обязательно отметили бы вслух великолепные формы его

дочери. Вторым в ледяной сон Рекоу уложил сына, потом супругу. И, в самую последнюю очередь, лег сам.

Через пару часов атмосферный челнок доставил контейнер с анабиозными капсулами на орбитальную станцию. Трудяга погрузчик, щелкая широкими захватами словно вышедший на охоту краб, вытащил контейнер из чрева атмосферного челнока. Пыхтя маневровыми двигателями, погрузчик аккуратно подвел контейнер к внешним фермам стоящего на приколе транспортника. Облаченные в космические скафандры докеры ловко прикрепили груз к «Метрополии».

Транспортник с Мирема почти полностью загружен контейнерами с медью, никелем и кобальтом. Через несколько дней он отчалит от «Снежинки» и возьмет курс на Геполу, маленькую желтую звездочку в 19 световых года от свалки человеческих душ.

Глава 9. Бунт заключенных

Зал видеонаблюдения Глотки ни чем не отличается от аналогичного в тюрьме Антал на Миреме. Выгнутая дугой стена густо заставлена мониторами. По середине зала пульт управления и три вращающихся стула с высокими спинками. Чайный столик и два глубоких кресла дополняют обстановку.

Кассен Откен, новый начальник тюрьмы Глот, сидит на стуле старшего смены и наугад переключает видеокамеры. В присутствии строгого начальника операторы видеонаблюдения держатся прямо, на лицах фальшивое выражение деловой озабоченности.

Как в дебильном реалити-шоу, многочисленные мониторы показывают жизнь Глотки. Под разными углами и ракурсами на центральном экране мелькают длинные коридоры, камеры, душевые, столовая и даже туалеты. Время позднее. Команда «Отбой» прозвучала час назад. Заключенные разошлись по камерам и уснули крепким сном. Но не все. В камере № 419 пьянка в честь нового 1549 года только, только начинается. Ну ничего... Пусть Проф и блатные развлекаются. Не долго им осталось лакать самодельное пойло.

Ровно три недели назад Откен принял тюрьму у прежнего Погонщика. Времени вполне достаточно, чтобы вникнуть в обстановку и... ужаснуться. Господи! До какого же жалкого состояния довел важное государственное учреждение этот ленивый жердьяй со слащавой улыбкой.

По нормативам видеонаблюдение должно охватывать не меньше 95 процентов Глотки. На деле, после первой же проверки, с трудом набралось 50. Многие панорамные видеокамеры только напрасно мигали красными сигналами неисправности, а некоторые не работали вообще. Целые секторы жилых уровней, в том числе знаменитая камера № 491, не просматривались вовсе. Но плохой надзор за заключенными еще цветочки.

Дистанционные замки на общих камерах работают через одного. Заключенные бродят по жилым уровням где попало и как попало. Надзиратели, заплывшие жиром бездельники, целыми сутками отсиживаются на постах и ни во что не вмешиваются. При первой же проверке Откен лично нашел в личных ящиках заключенных массу запрещенных вещей. Лишняя кружка или второе полотенце — еще куда ни шло. Миниатюрные самогонные аппараты, глянцевого порножурналы — еще можно понять. Но стопка стальных лезвий без рукояток в тумбочке тюремного умельца — это слишком.

На гневные замечания зеки отвечают с плохо скрываемой усмешкой, как будто перед ними не начальник тюрьмы, а слабоумный. Такое впечатление, будто можешь сморозить перед ними любую чепуху, отколоть любую глупость, а они только улыбнутся в ответ и с пониманием похлопают по плечу.

Не-е-ет... Рекоу зло усмехнулся. Систему, при которой заключенные гнут пальцы перед администрацией тюрьмы, вместо того, чтобы смиренно гнуть спины на медном руднике, нужно ломать к чертовой матери. Раз к нему по наследству перешла кличка Главный погонщик, то его задача загнать весь этот сброд в стойло, чтобы стояли и мычать не вздумали. Но как? Ответ прост — отрежь голову, а тело умрет само. В самую первую очередь необходимо обезглавить зеков.

В пухлых досье зама по безопасности Откен нашел необходимую информацию. Восемь человек во главе с Профом составляют теневую администрацию Глотки. Именно они держат зеков в ежовых рукавицах, заставляют работать за, а сами целыми днями качают

мускулатуру, валяются на койках или играют в карты. Но добраться до Профа и остальных не так легко.

Проф не зря печется о собственной безопасности. Камера № 491 запрятана глубоко. Чтобы просто дойти до нее необходимо пересечь весь жилой уровень. Отряд надзирателей зеки заметят еще на подступах и предупредят блатных. Любая попытка нахрапом вытащить Профа из камеры закончится грандиозной дракой. Заключенных слишком много. Численный перевес не компенсируют никакие дубинки и щиты. К счастью, все гораздо легче, чем кажется на первый взгляд.

Часы на пульте управления показали 20:00. По меркам Свалки, с ее более коротким днем, поздний вечер. Пора. Откен вывел на главный монитор изображение вентиляторной. Утус Сонир, зам по безопасности, в полной боевой готовности стоит перед главным воздуховодом. Лючок на большой квадратной трубе открыт. Воздух со свистом всасывается в прямоугольное отверстие.

— Утус Сонир, — Откен наклонился к микрофону.

Зам по безопасности посмотрел на видеокамеру. Сквозь прозрачную маску видно, как щеки тюремщика покраснели — это хорошо. Утус Сонир не зря занимает очень важный и ответственный пост в администрации тюрьмы.

— Давай, — коротко приказал Откен.

Утус Сонир кивнул и отвернулся от видеокамеры. В открытый лючок, шипя и выбрасывая серые струйки, полетели газовые гранаты. Первый этап операции под кодовым названием «Профессор» начался.

Свергнуть теневую администрацию Откен решил буквально в первый же день работы. Первая самая большая проблема — кадры. Он не поленился поднять дела всех уволенных надзирателей за последние десять лет. Как и следовало ожидать, многие из них пытались указать зекам законное место, за что болван Рекоу их выгнал. За две недели Откен обновил кадровый состав тюрьмы почти на половину. Пенсионеры, жирдяи и прочие слабаки вышвырнуты вон. Чтобы поднять собственный авторитет, Откен лично вызывал очередного недотепу в кабинет и, глядя прямо в глаза, объявлял об увольнении. Один жирдяй расплакался, четверо пенсионеров пригрозили подать в суд. Пусть все видят, какой он суровый начальник и при этом не гнушается грязной работы.

Откен торчал на работе сутками. Пришлось перетряхнуть Глотку сверху донизу. Лично нашел и устранил преогромную кучу недостатков. Как вполне закономерный результат, транспортник № 419 увез на Мирем не только тушку прежнего начальника, но и разгромный отчет о его никудышной работе.

Инспектируя жилые уровни и рудник, Откен постоянно ловил на себе насмешливые взгляды заключенных, да и подчиненных то же. О традиции каждого нового Погонщика «беситься», а потом успокаиваться еще в первый день поведала угора Тсен, смазливая дура, то есть секретарша прежнего начальника тюрьмы. Но это даже к лучшему: за бурной деятельностью удалось скрыть подготовку к операции «Профессор». Очень кстати подвернулся местный новый год.

Свалка живет по собственному календарю. Аборигены отмечают Новый год в конце зимы, в ночь с 24 зимнего на 1 весенний. Но местный год в четыре с лишним раза короче стандартного. По этой причине с фейерверком и накрытым столом отмечают только круглые даты. Наступающий 1549 год далеко не круглый, но зекам бездельникам много и не надо. В качестве лишнего повода сбиться в кучу и нализаться в стельку вполне сойдет.

Через восстановленную систему видеонаблюдения Откен сам видел, как в камеру Профа накаченный бык затащил две большие канистры, а тощий шестерка собрал из табуреток и коечек импровизированный стол. Несколько позже в камеру подтянулись блатные, верхушка иерархии заключенных. Тем лучше: не придется бегать по жилым уровням и вытаскивать теневых администраторов по одиночке.

Утус Сонир закинул в главный воздуховод последнюю гранату и поставил крышку на место. Это на Миреме для проветривания камеры достаточно открыть форточку. Атмосфера Свалки насыщена углекислотой. Вентиляционная система Глотки централизована. Достаточно запихать в главный воздуховод несколько газовых гранат, чтобы парализующий газ разлетелся по всей тюрьме.

Внешне ничего не изменилось. Веселая компания в камере № 419 по прежнему стучит железными кружками и старательно наливается самодельным пойлом. Но ничего! Парализующий газ коварен, как сидящий в сухой траве клещ. При малой концентрации он совсем незаметен. Но! С каждым вдохом газ накапливается в организме. А потом хоп — и жертва без чувств валится на пол.

К исходу хора, последнего псевдо часа в местных сутках, уголовная братия доблестно вылакала одну канистру и принялась за вторую. Как же они старательно обмывают Новый год. Откен от нетерпения пошевелил джойстик переключения видеокамер. Ничего, скоро точно так же старательно будут работать. Откен лично вручит Профу отбойный молоток.

Парализующий газ начал действовать. Один из блатных, тощий парнища с гребнем волос на голове, под всеобщий хохот ткнулся носом в тарелку. Быки отволокли «павшего» на свободную коечку. Следом отключился еще один толстяк в грязной робе. Потом еще один, еще... Через пару минут вырубились все, кто только был в камере № 419. Последним свалился на пол самый крепкий бугай у входа. А ведь он за всю попойку не выпил ни капли самогона.

Отлично! Откен довольно потер руками. Первый этап операции «Профессор» прошел без сучка и задоринки. Все без исключения заключенные либо спят очень крепким сном в койках, либо валяются без сознания на полу. Откен переключил главный монитор на пост надзирателей на четвертом уровне. Оба тюремщика в отключке. Один ткнулся мордой в стол, второй, сидя на стуле, прислонился головой к стене. Ради секретности Откен отправил подчиненных на очередное дежурство как ни в чем не бывало. Ничего: часов через десять проснутся, очухаются и будут как новенькие.

Откен переключился на Пост № 1. Еще два надзирателя лежат на полу перед стальной решеткой. Утус Сонир направил парализующий газ в жилые уровни Глотки, но часть его прошла через Пост № 1. Откен наклонился к микрофону на гибкой ножке:

— Отряд «Альфа» — пошел!

Через Пост № 1 быстро проскочил отряд надзирателей — тюремный спецназ. Откен лично отобрал двадцать подчиненных. На каждом полный защитный комплект: шлем противогазом и прочные щитки, в руках прозрачные щиты и резиновые дубинки. Пусть Глотка мирно спит, но предосторожности лишними не бывают.

За полчаса спецназ вытащил из камеры № 419 всех блатных, в том числе и самого Профа. Авторитет в отключке похож на марионетку с оборванными ниточками. Спецназовцы закинули его на медицинские носилки и быстро вынесли из камеры — как просто. Заодно вытащили всех надзирателей. На жилых уровнях Глотки не осталось ни одного тюремщика.

— Отлично! — воскликнул Откен, когда последний боец «Альфы» прошел через Пост № 1. — Следите за обстановкой и, при любой неожиданности, немедленно вызывайте меня.

— Слушаюсь! — бойко ответил старший оператор.

Лица операторов видеонаблюдения сияют от восторга. Реальность намного круче любого реалити-шоу. Первая часть представления закончилась, продолжение утром. А сейчас самое время кое с кем побеседовать.

Откен вышел из зала видеонаблюдения и спустился на технический этаж. По его приказу набитую старым хламом кладовку вычистили и переоборудовали в камеру. Две трети длинной комнаты огородили стальной решеткой с маленькой дверцей. Бойцы «Альфы» перенесли сюда бесчувственные тушки Профа и блатных.

Адская смесь из нетерпения и предвкушения жжет руки. Откен пинком распахнул дверь в импровизированную камеру. Тюремный медик с красным крестом на рукаве осматривает бесчувственных заключенных. Еще один тюремщик, совсем молодой парень, стоит возле решетки.

— Док! — Откен обратился к медику. — Приведи в чувство Профа.

— Витус Откен, лучше подождать, пока они очнутся сами. Я понятия не имею, какой суррогат они там пили, — возразил медик, но тут же, едва взглянув на Откена, заткнулся.

Не говоря больше ни слова, тюремный медик вытащил из прямоугольного чемодана шприц. С профессиональной ловкостью служитель медицины вколол в руку Профа мутную жидкость.

— Минута, витус, и он придет в себя — медик убрал пустой шприц и захлопнул чемоданчик.

Медик торопливо вышел из камеры. Молодой надзиратель с лязгом закрыл маленькую дверцу и повесил большой замок.

Тулу Фудилову больше шестидесяти стандартных лет. Но для своего возраста он очень хорошо сохранился. Тощий и подтянутый, холеные ручки и тщательно выбритое лицо. Даже не верится, что это хлюпик держал огромную ораву заключенных в узде. И почему эти бараны его слушались? Проф, мыча что-то неразборчивое, слабо пошевелился и открыл глаза.

— Доброе утро, Проф, — Откен подошел к решетке. — Кончилось твоё время, Фудиллов. Теперь я хозяин Глотки.

Нет большей радости, чем вид поверженного врага возле ног своих, беспомощного и от того еще более жалкого. Пнуть бы этого идиота прямо по морде, но нельзя. Свидетель, молодой надзиратель, топчется за спиной.

Парализующий газ штука коварная. Говорят, от него и загнуться можно. Но Проф на удивление быстро пришел в себя. Взгляд авторитета прояснился. Он даже попытался подняться на ноги, но неловко шлепнулся на пол.

— Где я? — Проф подозрительно огляделся по сторонам.

— В тюрьме! — съязвил Откен.

Проф посмотрел в упор и произнес:

— Погонщик, что ты наделал.

Авторитет держится с превеликим трудом. Лицо напряжено, руки дрожат, но вряд ли от газа. Проф чуть не плачет.

— Всего лишь приступил к осуществлению мероприятий по приведению тюрьмы Глот в образцово-показательное состояние.

Тяжелый бюрократический язык бьет по мозгам, не хуже дубинки.

— Погонщик, без нас — Проф левой рукой обвел бесчувственных блатных, — Глотка взбунтуется. Рванет, как тонна взрывчатки у тебя под унитазом. Немедленно верни нас в камеру, тогда я обещаю не допустить бунта. Страшного бунта, — тихо добавил Проф.

О-о-о! У этого болвана хватает наглости еще чего-то требовать.

— Нет, Проф, — Откен обхватил прутья руками. — Я подавлю бунт. Вы у меня будете работать. Все! Без исключений и справок от врача. Я тебе лично выдам ведро, пол мыть будешь. Пол мыть будешь, ползать на коленках и вилять задницей. Или что? Думал, я до тебя не доберусь? Быки, эти накаченные дебилы, тебя не спасут.

— Ты идиот, Погонщик, — огрызнулся Проф. — Жаба и Слон стерегут меня не от твоих хлюпиков в черном. Последний раз говорю — верни нас на место. Иначе — быть беде. Ты слышишь? Очень большой беде.

От напряжения и слабости Проф зашелся долгим кашлем. Наглость и самоуверенность тюремного авторитета превышают все предельно допустимые нормы. Как будто он не сидит в самодельной камере рядом со сложенными штабелем соратниками.

— Нет, Проф, не верну. У меня еще есть козырный туз в рукаве.

— Арсенал, — произнес Проф. — Он тебе не поможет.

Проф не так глуп, как кажется.

— Ну... это мы еще посмотрим. Но одно я знаю точно: Свалка не Мирем, вы на хрен никому не нужны! Не будет ни возмущенной общественности, ни газетной шумихи, ни воплей легионеров. Сиди и не крикай.

Базарить с авторитетом больше не о чем. Проф из последних сил корчит из себя шишку на ровном месте, набивает цену и пускает пыль в глаза. Идиот! Откен вышел из камеры. До подъема еще несколько часов, можно вздремнуть. В приемной стоит отличный диван. Завтра будет долгий день.

* * *

За ночь вентиляция очистила воздух от парализующего газа. Пора будить заключенных. Откен увеличил громкость до максимума и от души рывкнул в микрофон:

— Подъем!!! Подъем!!! Пора вкалывать!!!

Приказ, до нельзя усиленный динамиками, громовым раскатом разлетелся по сонной Глоте. Класс! Зеки в ужасе подскочили на койках. Несколько человек рухнуло на пол. Зато ни одна зараза не осталась валяться в горизонтальном положении. Даже перекаченный бык в 419 камере оторвал толстый зад от пола и вылупил глазенки на пустую койку авторитета. Хорошая побудка. Нужно будет повторять как можно чаще.

— Всем слушать меня очень внимательно! — не снижая громкости, произнес Откен. — Пока вы дрыхли, я спер вашего Профа и всех его прихлебателей!

Не стесняясь в выражениях, Откен рассказал о захвате тюремного авторитета и всех его приближенных.

— Отныне в Глотке команду я и только я. Всем жрать и на работу! Кто останется — будет наказан.

Какое именно наказание падет на головы виновных — пока лучше не распространяться. Неизвестность и неопределенность пугают больше всего.

Как и следовало ожидать, большая часть зеков без особого интереса восприняла смену власти и молча потянулась в столовую лакать «похлебку», жидкую синтетическую пищу. Простым заключенным, так называемым роботом, по барабану на кого гнуть спину: на Профа с его бандой или на тюремную администрацию. Но в очередь перед бачками с «похлебкой» выстроились далеко не все.

На жилых уровнях проявилась странная активность. То тут, то там, в туалетах и в коридорах, в плохо просматриваемых углах и душевых начали собираться кучки заключенных. Зеки старательно прячут лица от видеокамер и о чем-то напряженно шепчутся.

Через десять минут непонятная активность перекинулась в столовую и пробежала гулом голосов по стоящим в очередях заключенных. А потом в видеокамеры полетели стулья, кружки, ботинки, ключи и ведра. В считанные минуты зеки перебили все без исключения видеокамеры.

Последний монитор видеонаблюдения задернулся серой пеленой. Что творится за пределами Поста № 1 — остается только догадываться. Откен повернулся к старшему оператору:

— Я к Посту № 1. Сейчас это быдло повалит туда. Вам тут делать больше нечего. Так что одевайте амуницию и присоединяйтесь к остальным.

— Будет выполнено, витус, — нарочито бодро ответил старший оператор.

Господи! До чего же они обленились. На лице старшего оператора без труда читаются испуг и растерянность. Чистил, чистил штат тюрьмы, а трусы и паникеры все равно осталось. Ладно, с этим позже. Застегивая на ходу бронежилет, Откен отправился к Посту № 1.

Глотка взбунтовалась. Да и хрен с ней. В плане предусмотрен и такой вариант. Раз свернуть власть авторитета и всей его банды мирным путем не получилось — тем хуже для заключенных. Эти идиоты в красных робах развязали ему руки. Самое время припугнуть, а потом пустить в ход главный козырь.

Бюрократы из Управления исполнения наказаний упорно не хотят тратиться на усиленный штат надзирателей. Но пару веков назад, после очередного недовольства кислой «похлебкой», они все же прислали на Свалку сотню электромагнитных автоматов, десять пистолетов и газовые гранаты. Мало кто из местных жителей знает о существовании в Глотке целого арсенала. Его ни разу не пускали в ход. Ящики до сих пор лежат с целыми пломбами. Точнее, лежали. Откен распечатал хранилище и вооружил надзирателей боевым оружием.

Шум на подходе к Посту № 1 еще цветочки. Едва Откен завернул за угол, как по ушам ударил шквал воплей, воя и неразборчивой ругани. Заключенные гроздьями висят на внешней решетке. Ей богу! Откен даже улыбнулся. Как покупатели на дверях супермаркета в день тотальной распродажи. Орут, плюют, трясут кулаками, только зря сотрясают воздух. Стальная решетка сделана на совесть, толстые прутья даже не шевелятся под бешеным натиском.

Тюремный спецназ стоит маленькой фалангой в метрах десяти от первой решетки. До прозрачных щитов время от времени долетают кружки, ложки, камни и прочий мусор. Подчиненные нервно смотрят друг на друга и на бушующую по ту сторону толпу. Ясно дело: нервничают подчиненные. Но, ничего: у каждого спецназовца на плече висит боевой автомат. Откен подошел к подчиненным, надзиратели расступились перед ним. Если этот

сброд сейчас не разбежится, то он первым откроет огонь на поражение.

Свалка не Мирем. Здесь не водятся правозащитные организации. Родственники расстрелянных зеков не будут заваливать Министерство внутренних дел судебными исками и требовать за «любимых и единственных» миллионы виртов моральной компенсации. Как будто куча денег способна заменить убитого. Законопослушное общество метрополии выбросило этих людей на свалку человеческих душ. Никто, абсолютно никто, не прольет ни слезинки, если пара тысяч тюремного сброда отправится к Великому Создателю чуть раньше времени. В истории ценится конечный результат. А цена отступает на задний план и тихо умирает в закрытых архивах.

Пусть будут горы окровавленных трупов. Пусть. Главное — месть! Терпкое, как старое вино. Из-за таких вот через чур умных зеков, как Проф, он очутился здесь, в этом дерьме, в 19 световых годах от дома и... от Таны. И пусть эти раздутые индюки в Управлении больше не сомневаются в его профессиональных качествах. Тюрьма Глот будет образцовой! Или ее не будет вообще.

Откен схватил со стола надзирателя микрофон и рявкнул во все горло:

— Молчать!!! Сволочи! Всем молчать!!!

Приказ, усиленный динамиками, взрывной волной пролетел по широкому коридору. Оглушенные заключенные притихли.

— С вами говорит начальник тюрьмы. Бардак прекратить! Брысь по камерам!!!

Рев и толкотня у внешней решетки стихли, но ненадолго.

— Профа! Выпусти! Гад ползучий! — сказал, словно выплюнул, здоровенный зек.

— Всех верни! Падла!!! — проорал еще один.

— Порвем всех!!!

— Бей сявок!!!

— А-а-а!!! Для-я-я!!! Пля-я-я!!!

Возгласы и ругательства вновь слились в сплошной поток рева и визга. Но главные требования заключенных понятны и так.

— Никаких переговоров! Никаких требований! Никого не выпущу! Разбежались по-рыхлому!!!

Снова раскаты грома и снова зеки на миг притихли.

— Если через минуту не уберетесь, открываю огонь на поражение!!!

Откен демонстративно стащил с плеча автомат. Черное дуло уставилось на заключенных.

Но тут из глубины ревущей толпы полетели изрыгающие желтый дым свертки. Несколько штук перелетело через обе решетки и упало возле ног спецназовцев. Пространство между решетками быстро заполнилось густым желтым дымом.

— Во бараны! — Откен отбросил микрофон.

Из-за решетки с шипением выкатился очередной сверток. Желтый дым окутал ноги. Откен пинком отправил дымовуху обратно в общую кучу между решетками.

И чего хотели? Вентиляция погнала желтый дым на самих же заключенных. Бунтовщики моментально заткнулись и, разрываясь от кашля, отскочили от решетки. Сквозь дымовую завесу долетел топот и шарканье убегающих ног.

Откен невольно улыбнулся. Бараны и на Свалке бараны. Сами не знают, чего творят.

Мощный взрыв волной тугого воздуха отшвырнул далеко назад. Откен очутился поверх груды поваленных тел. Доспехи из сверхпрочного пластика смягчили падение и уберегли

кости от переломов. Прозрачное забрало спасло лицо от мелких осколков. Но внутренности горят и ноют. Голова раскалывается, как после страшной пьянки. К горло подступает тошнота, а мир крутится перед глазами.

Сквозь звон ноющих от боли ушей долетели поспешные шаги и возбужденные голоса. Кто-то, что-то, там, возле внешней решетки, творится...

Оглушенные спецназовцы толкают в спину. Откен безвольно сполз с шевелящейся кучи. Зеки, сволочи, перехитрили его. С трудом ворочая правой рукой, Откен нащупал приклад автомата.

Второй взрыв вжал Откена в пол. По забралу и доспехам опять прошелся град мелких осколков. Не иначе, заразы, начинили взрывчатку стальным ломом.

Бетонная пыль скрыла от глаз Пост № 1. Мелкая крошка побелила пол. Откен с трудом приподнял голову. Из пылевой завесы прямо на него выскочил зек. На лице бунтовщика самодельная повязка.

— Привет! Погонщик! — оглушительно заржал зек и пнул Откена в лицо.

Прочное забрало выдержало удар, но голова бессильно дернулась далеко назад. Шальные руки вырвали автомат. Легкий щелчок включаемого оружия прозвучал как смертельный приговор. Бешенный зек ткнул ствол боевого оружия прямо в лицо.

Откен изогнулся всем телом и попытался скинуть с забрала черное дуло. Только не так, как скот на бойне. Но зек нажал на спусковой крючок. Короткая очередь в упор превратила голову начальника тюрьмы Глот в кровавое месиво.

* * *

Тюремный спецназ, оглушенный и припечатанный двумя взрывами, целиком и полностью полег возле Поста № 1. Ревущая толпа зеков ворвалась в административный корпус. С убитых и еще живых надзирателей сдернули автоматы. Заключенные растеклись по всему зданию. На лестницах, в коридорах и в кабинетах разразилась самая настоящая бойня. Зек по кличке Ярый самым первым перелез через разрушенные решетки Поста № 1. Новый авторитет Глотки лично пристрелил Главного погонщика.

Ярый целенаправленно шерстит по мастерским и кладовками технического этажа. Время от времени навстречу попадают напуганные сямки. Но Ярый, не ввязываясь в перестрелку, только пуляет в потолок. Надзиратели в момент делают ноги, аж пятки сверкают. Никто даже не пытается организовать оборону. Каждый спасает собственную шкуру.

За очередной дверью напуганная сямка открыла бешенную стрельбу. Боится. Едрен-корень, еще как боится. Патроны впустую. Вот у сямки щелкнул пистолет. Ярый влетел в комнату. Автоматная очередь в упор рассекла молодого надзирателя на части. Ярый быстро оглянулся. Ба! А вот и то, что он так долго и упорно ищет.

— Привет! Проф! — радостно воскликнул Ярый.

За стальной решеткой сидит прежний авторитет и вся его кодла.

— Привет, Ярый, — осторожно ответил Проф. — Выпусти нас.

Ярый дико заржал в ответ.

— Очень жаль, братаны! Сямки, сволочи, замочили вас! Я не успел!!!

Автомат задержался в руках. Разогнанные до гиперзвуковых скоростей пули

распотрошили Профа и всю его кодлу. Пол, стены, решетка и даже потолок покрылись кровавыми каплями. Ярый расстрелял целый магазин.

Азарт боя пьянит, как пузырь чистого спирта. Крутое оружия в руках сводит с ума. Как ни в чем не бывало Ярый отстегнул пустой магазин и воткнул полный. На индикаторе боеприпасов вспыхнула сотенка — полный заряд! Ярый, задев плечом дверной косяк, выскочил из комнаты. В глубинах административного здания гудит бой, автоматные очереди и вой раненых. Теперь сязки просто так не убегут. Космическая пехота — вперед!

Глава 10. Заседание ЦК

Если сказать: «Витус Леран», то мало кто из молодых игроков пейнтбольного клуба поймет, о ком речь. Другое дело гораздо более известное прозвище Киборг. Эдакая боевая машина, которая сметает на своем пути все и вся. Но сейчас Леран меньше всего напоминает боевую машину.

Дверь в комнату заседаний слегка приоткрыта. Сквозь щель долетают голоса членов правления. Можно войти. Даже нужно войти! Его ждут. Более того — правление «Федерации культуры и спорта Дайзен-2» собралось по его настоятельной просьбе. Очень занятые люди отпросились с работы, отодвинули собственные планы. А он заставляет их ждать и теряться в догадках.

Но... Трудно, очень трудно толкнуть дверь, войти и вежливо произнести «Добрый день». Леран замер перед слегка приоткрытой дверью. Пальцы онемели, а ноги приросли к полу. Не... Перед финальными играми и то меньше волновался. Ну нельзя же так! Леран сжал кулаки, досчитал в уме до трех и решительно толкнул дверь. Будь — что будет.

— Добрый день, уважаемые. Прошу прощения за опоздание, — скороговоркой произнес Леран.

За широким столом собрались члены правления. Во главе, как и положено президенту, витус Тонк. Он руководит не только Федерацией в целом, но и клубом любителей рукопашного боя «Гранит». На лево от него витус Подис, наставник юных гениев в клубе изобретателей и рационализаторов «КИИР». Рядом с ним единственная в правлении женщина вигора Сутен, известная на весь Дайзен-2 поэтесса и руководитель союза творческих людей «Другая жизнь».

Леран обошел широкий стол и присел напротив витуса Подиса и вигоры Сутен.

«Федерация культуры и спорта Дайзен-2» появилась на планете более двухсот пятидесяти стандартных лет тому назад. Официально ее цели звучат вполне благопристойно и политически нейтрально — развитие культуры и спорта среди населения колонии и особенно среди молодежи.

Когда-то клубы жили отдельно, но сама жизнь заставила объединиться в Федерацию. Вместе — легче. Метрополия ни вирта не выделяет на досуг молодежи, как будто на Дайзен-2 не нужно воспитывать подрастающее поколение и чем-то занимать умы и руки детей и особенно подростков. Федерация существует исключительно на пожертвования и членские взносы, но успешно справляется с поставленными задачами. В некотором смысле, назло центральным властям.

Руководители клубов организуют игры и соревнования, концерты и выставки за чисто символическую зарплату. Каждый из них большую часть дня занят на основной работе. Витус Подис отвечает за работу систем жизнедеятельности Финдоса. Свежий воздух на улицах и чистая вода из крана — это заслуга его технической службы. Вигора Сутен занимает должность заместителя начальника Управления образованием колонии. Фактически, школы, институты, профессиональные училища и детские сады держатся на ее хрупких плечах. Присланный с метрополии неудачник приходит на работу ближе к обеду, целый день валяет дурака, а все его руководство ограничивается кривыми резолюциями на документах, которые он даже не читает. Витус Тонк работает заместителем начальника Управления по энергетике. Если бы не дурная политика центральных властей, то Дайзен

2 давно и с большим успехом руководил бы именно он, а не присланный с метрополии болван и тихий алкоголик витус Гажан.

Но! «Федерация культуры и спорта Дайзен-2» всего лишь легальное прикрытие «Движения за свободу Дайзен-2».

О движении знать не знает, ведать не ведает большая часть жителей планеты. Не говоря уже о центральных властях на далеком Миреме. Члены правления Федерации одновременно являются центральным комитетом Движения за независимость, а витус Тонк его председатель. Одно другому не мешает. Наоборот! Дополняет и помогает.

У маленькой колонии полно причин желать независимости. Метрополия искусственно сдерживает развитие Дайзен-2. Центральные власти запрещают создавать наукоемкие производства молекулярных компьютеров, нанотехнологий, генная инженерия, высокотемпературные сверхпроводники и, самый большой грех, строить космические корабли с вирт-приводом.

Для метрополии Дайзен-2 всего лишь сырьевой придаток и рынок сбыта для собственных товаров. Законодательными актами центральные власти губят на корню развитие собственных производств товаров народного потребления. Как еще больше сотни стандартных лет тому назад образно, но невероятно точно выразился сенатор Липадос: «Ничего сложнее тостера». Местный бизнес и экономика колонии в целом страдают от наложенных ограничений. Но чиновникам на далеком Миреме плевать на нужды и чаянья жителей Дайзен-2. На столь мрачном фоне даже постоянный экспорт заключенных оборачивается благом.

Ежегодно колония получает более десяти тысяч дармовых рабочих рук. На планете хронически не хватает сложной техники. Там, где на Миреме работает машина, на Дайзен-2 работает человек. По этой же причине в рудниках под тюрьмой Глот бесполезно искать современные горнопроходческие комбайны. Ничего сложнее отбойного молотка и тачек заключенным не доверяют.

— Добрый день, витус Леран, — произнес председатель Движения. — Раз все собрались, то разрешите считать внеочередной собрание центрального комитета открытым. Так быстро и так срочно мы собрались по настоятельной просьбе витуса Лерана. Ему же я предоставляю первое слово. Прошу вас.

Для большей убедительности Леран поднялся с места. Сдвинутый стул противно скрипнул.

— Уважаемые члены центрального комитета! — начал Леран.

От волнения в горле пересохло, а пальцы предательски задрожала. Как всегда, начать публичное выступление невероятно трудно. Причем не важно, кто перед ним — толпа слушателей или горстка единомышленников. Ничего. Сейчас пройдет.

— Не буду напоминать вам о важности хорошего повода для нашего общего дела. Но! Как я надеюсь, долгожданный повод вполне может появиться у нас в самое ближайшее время.

Весьма многообещающее начало. Глаза вигоры Сутен заблестели неприкрытым интересом. Председатель Движения приготовился слушать еще более внимательно. Витус Подис облокотился на столешницу и то же готов внимать дальше.

— Я абсолютно уверен, — продолжил Леран, — вы слышали о желании витуса Откена, фигурально выражаясь, «прижать заключенных к ногтю». Пониманию! — Леран резко повысил голос. — Новые начальники Глотки традиционно шуршат и бесятся, пока года

через три — четыре не успокоятся и все не вернется на круги своя. Признаюсь, я думал также. Но! Витус Откен переплюнул всех своих предшественников.

Сегодня утром, часов примерно в восемь, витус Откен позвонил губернатору и потребовал прислать на подмогу все, прошу заметить, все имеющиеся в наличии полицейские силы. Подробности разговора, увы, мне неизвестны. Но! Через полчаса в Глотку, прошу заметить в полном боевом облачении для подавления уличных беспорядков, ушел отряд из 92 полицейских. А это, без малого, большая часть полицейских сил Финдоса, включая участковых.

От нервного возбуждения Леран говорит так, будто специально дразнит голодную собаку куском свежего мяса. У витуса Тонка первым сдали нервы.

— Прошу вас, — попросил витус Тонк, — ближе к делу.

— Хорошо, — согласился Леран. — Осмелюсь предположить: в Глотке разразился самый настоящий бунт!

Эффектную концовку изрядно подпортила реакция членов ЦК. Грома аплодисментов не последовало.

— И что здесь такого? — вигора Сутен выразили всеобщее непонимание. — Вы же сами сказали: витус Откен потребовал подкрепление и получил его.

Да-а-а... Леран поджал губы. Гражданские они и есть гражданские. Придется объяснять на пальцах.

— Заключение в Глотке слишком много. Не меньше пятидесяти тысяч. Для сравнения, население Финдоса всего сорок тысяч. Весь штат надзирателей вместе буфетчицей и секретаршами чуть больше четырех сотен человек. Даже с учетом подкрепления, на одного надзирателя или полицейского приходится больше десяти заключенных.

Поймите! — Леран едва не перешел на крик. — Возможно в этот самый момент Глотка уже бунтует. Не дай бог, если вся эта огромная масса людей в красных робах выплеснется на улицы Финдоса. А это, это...

От волнения Леран едва не задохнулся.

— Та самая искра, благодаря которой вспыхнет восстание! — вигора Сутен возбужденно захлопала в ладоши.

— В яблочко, уважаемая! — в тон воскликнул Леран.

— И без какой-либо провокации с нашей стороны, — задумчиво заметил витус Тонк.

Поднять население колонии на войну за независимость, потребовать от него жертв и лишений, очень не просто. Столетие за столетием «Федерация культуры и спорта» не только развивала культуру и спорт, а вела скрытую агитацию и тайную подготовку. На Дайзен-2 сформировался свой особый менталитет. Жители колонии больше не считают Мирем родиной, а видят в нем равнодушного эксплуататора.

Новый начальники Глотки едва не получил по морде от простого работяги, когда на весь «Пьяный горняк» обозвал Дайзен-2 Свалкой. Наперекор гадкому прозвищу жители Дайзен-2 гордятся своим миром.

Только.

Чтобы долгожданное восстание вспыхнуло, чтобы жители колонии прозрели и поддержали борцов за независимость, нужен повод, случай, искра. А вот его-то как раз и нет. Худо, бедно, благодаря или вопреки, колония развивается на протяжении полутора тысяч местных лет. Пока в обществе тишина, порядок и какая никакая стабильность, разжигать революцию, что сачком ловить ветер — бесполезно.

Совершенно другое дело, если земля уйдет из-под ног простых обывателей. Если испарится уверенность в завтрашнем дне. Если местная администрация облажается по-крупному. Если на далекую метрополию не останется надежд вовсе... Тогда и только тогда массы поддержат «Движение за независимость» и встанут под ее знамена.

Или? Долгожданный повод все же появился?

Витус Подис и председатель не разделяют восторг вигоры Сутен.

— Пусть надзирателей и полицейских мало... — задумчиво произнес витус Тонк. — Но в арсенале Глотки сотня боевых автоматов. А это сила. Современное стрелковое оружие выкосит зеков, сколько бы их там не было.

— Верно, витус, — согласился Леран. — Разрешите уточнить: возможно, у нас появился долгожданный повод. Та самая искра, о которой так точно выразилась уважаемая Сутен.

— Иначе говоря, вы предлагаете перейти в боевую готовность № 1? — спросил витус Тонк.

— Именно! — с преогромным облегчением ответил Леран. — Чтобы там не происходило, но беспорядки в Глотке — самая большая рябь на зеркальной глади нашего болота за последнюю сотню стандартных лет. Простите за аналогию.

В нагрудном кармане завибрировал наладонник. Пришло сообщение высшей степени важности. Леран вытащил миникомпьютер из кармана и быстро пробежал глазами по маленькому экрану.

Господи! Это же... Сердце остановилось, воздух застрял в легких. Наладонник едва не выпал из рук.

— Началось, — еле слышно произнес Леран.

Тихое признание взорвалось, как раскат грома в песчаную бурю.

— Что?! Что?! Началось?! — испуганно спросила вигора Сутен.

— Только что на здание Управления полиции напали зеки. Большая группа заключенных вооружена автоматами, — глубоко дыша, объяснил Леран. — Убито десять полицейских, еще больше ранено. Заключенные захватили арсенал.

— Вы уверены? — недоверчиво спросил витус Тонк.

— Здесь, — Леран протянул витусу Тонку наладонник, кадры с камер наружного наблюдения. Люди в красных робах со штрих-кодами на спине могут быть только заключенными тюрьмы Глот. Свершилось худшее — они вырвались. Мне нужно срочно идти.

Леран грубо вырвал из рук витуса Подиса наладонник и поспешил к выходу.

— Как только узнаете больше, немедленно звоните! — крикнул во след витус Тонк.

— Обязательно! — на ходу ответил Леран.

Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Глава 11. Налет заключенных

Накаркал! Накаркал! В голове пульсирует злая мысль. Только намекнул на толпу зеков на улицах Финдоса, как мимолетная фантазия тут же воплотилась в реальность.

Леран пулей выскочил на улицу и запрыгнул в машину. Мотор взревел, педаль скорости ушла в пол. Автомобиль круто развернулся поперек улицы. Случайные прохожие шарахнулись в стороны. Не придавил? Леран глянул в боковое окно. Слава богу, нет. Набирая скорость, автомобиль полетел в цент города.

Заключенные далеко не дураки. Прежде, чем сногсшибательная новость достигла столицы, они первыми нанесли удар. Арсенал полиции пуст. Неважно, что их добычей стали ящики с газовыми гранатами и пара десятков парализующих дубинок. Важен сам факт разгрома оплота порядка и закона. Для жителей Финдоса налет на Управление, как удар ниже пояса: подло, неожиданно и очень больно.

Но! Ради одного арсенала зеки в цент города не полезут. Есть что-то еще.

Автомобиль с воем пронесся по улицам, проскочил несколько перекрестков и залетел в туннель автоспуска между первым и вторым городскими уровнями. Еще поворот. Леран выскочил на Площадь пионеров. Из-за густых кустов показалось Управление полиции. На всякий случай Леран вытащил из бардачка маленький парализатор — не шиш оружие, но хоть что-то. Только нападение закончилось задолго до его приезда.

Фасад Управления изъеден мелкими воронками. Электромагнитное оружие — это что-то! Длинные цепочки пересекли окна и парадную дверь. Бронированные стекла на входных дверях выдержали стрельбу, только помутнели от многочисленных трещин.

Леран выскочил из машины. Скорая помощь успела к месту трагедии быстрее его. Двое полицейских с шумом задвинули носилки с раненым в распахнутые дверцы скорой помощи. Леран вошел в Управление.

Да-а-а! Мирная жизнь в конец расслабила полицейский. В приемной страшный бардак. Столы перевернуты, стулья разбросаны. Стойка дежурного расстреляна в хлам. Оказать хоть какое-то сопротивление полицейские просто не смогли. На лево у входа сложено несколько тел. Лица жертв укрыты скатертью, на которой проступили кровавые пятна.

— Разрешите доложить? — к Лерану подбежал лейтенант Огеж.

— Что произошло? — спросил Леран.

— Точно в 9:36 на улице раздались автоматные очереди. Тот час в Управление ворвалась группа заключенных в количестве 10–12 человек, — по военному четко заговорил лейтенант Огеж. — Расстреляв приемное отделение, убив пятерых офицеров полиции, заключенные направились к арсеналу.

Считаю необходимым отметить — местонахождение арсенала они знали совершенно точно. Бронированная дверь подорвана с помощью самодельного взрывного устройства. Проверил лично: заключенные унесли все, что только смогли унести. Но это еще не все.

Сердце испуганно екнул. Вот оно! Дурное предчувствие не обмануло.

Лейтенант Огеж виновато отвел глаза в сторону:

— Как я успел выяснить, два других отряда заключенных ворвались в дома губернатора и начальника полиции. Не имею точных данных, но... они взяли заложников.

— Проклятье, — ругнулся Леран.

Зеки выигрывают с перевесом в два очка. Налет на Управление полиции —

отвлекающий маневр. Один отряд расстрелял дежурных полицейских, а два других захватили заложников, членов семей высокопоставленных чиновников. Умно. Черт побери! Очень умно.

— Были хоть какие-нибудь новости из тюрьмы Глот? — спросил Леран.

— Никак нет, — ответил лейтенант Огеж. — Заключенные прибыли в город на захваченном вагоне по туннелю № 2. И на нем же ушли.

Значит зеки целиком и полностью захватили Глотку. Пятидесяти тысячная толпа заключенных на свободе — кошмар наяву.

— Действуем следующим образом, — решил Леран. — Я свяжусь с Управлением транспорта и прикажу немедленно перекрыть туннели № 2 и № 3.

— Уже, — произнес утус Огеж.

— Что уже? — не понял Леран.

— Я уже связался с Управлением и... от вашего имени приказал наглухо перекрыть и обесточить оба туннеля.

Леран улыбнулся. Хоть какая-то радостная новость. Хорошо иметь в подчинении толковых офицеров.

— Великолепно, — коротко одобрил Леран. — Тогда вытаскивайте на работу всех, кого только сможете найти. Даже пенсионеров, если, конечно, здоровье позволяет. Заодно установите точно, сколько сил в нашем распоряжении. Я свяжусь с губернатором и начальником полиции. Нужно выяснить сколько заложников и кого именно похитили заключенные.

— Будет сделано, — козырнул лейтенант Огеж.

Первые распоряжения отданы, можно идти. Но Леран остановился и спросил:

— Лейтенант, это вы вызвали медиков?

— Так точно, — ответил лейтенант Огеж. — А так же отправил вам сообщение.

— Правильно. Продолжайте в том же духе. Далеко пойдете.

Но уйти в кабинет не удалось. Входная дверь с треском распахнулась. Бронированные стекла со звоном осыпались на пол. В приемную ввалилась толпа горожан. Десятка полтора мужчин и несколько женщин.

— Вот! Повязали голубчика! — воскликнул сурового вида мужик с накаченными бицепсами.

На пол шлепнулся красный куль.

— Женщину, гад, пытался изнасиловать. Едва успели.

Толпа горожан за спиной силача одобрительно загудела.

Леран с удивлением уставился на странный куль. Да это же... заключенный из Глотки. Красная роба, пластиковые ботинки, а на спине характерный штрих-код. Возмущенные горожане повязали одного из налетчиков и едва не забили насмерть.

— Где вы его взяли? — спросил Леран.

— На Центральном вокзале, — ответил силач. — Ладно вовремя, это дело, пресекли. А то, честное слово, забили бы насмерть. Да тут с эскалатора целая толпа этих красных сбежала. Да ка-а-ак жажнет по нам, вы не поверите, из автоматов... Мы, это, в рассыпную. Двоих зацепило. Но этот, — силач зло пнул пленника, — один хрен за дружбанами рвануть не сумел.

На пойманном заключенном нет живого места. Лицо, руки — в кровь. Леран, едва сдерживая дикое волнение, спросил:

— Среди зеков, гражданские, были?

Силач замялся, но тут из толпы горожан раздался голос:

— Были! Точно были.

Вперед вышел молодой парень в шортах и в светлой рубашке. По виду старшеклассник или студент первокурсник.

— Я как раз мимо проходил. Родителей провожал, это, шел, — от всеобщего внимания парень смутился. — Некоторые зеки тащили на плечах какие-то свертки, длинные такие. На красном очень хорошо видно, было. Ну а когда вы спросили, так я, это, сразу сообразил, что, это, было.

Умно. Умно. Черт побери. Очень умно! Зеки явно действуют по заранее намеченному плану — хуже с каждой минутой.

— Благодарю вас, уважаемые, — произнес Леран. — Молодцы! Пленного повязали, языком будет. Отдельно спасибо за то, что не прибили.

Носком ботинка Леран поддел заключенного. Горожане одобрительно загудели:

— Ну!

— Так это!

— Всегда готовы!

— Лейтенант! — Леран повернулся к офицеру. — Заключенного в кутузку. Приставить врача, чтобы не сдох. Я лично допрошу его.

Теперь можно идти. Леран развернулся и направился в свой кабинет. Лейтенант Огеж прекрасно разберется сам. Но более общее управление необходимо брать в свои руки. Губернатору и начальнику полиции сейчас не до решительного отпора заключенным. Оба засланцы с метрополии, неудачники хреновы.

Глава 12. Древний анахронизм

На разбор бардака и ликвидацию всеобщей растерянности в Управлении полиции Леран потратил больше четырех часов. Но, едва обстановка немного прояснилась, поспешил вернуться в небольшой домик на втором городском уровне, где находится штаб-квартира «Федерации культуры и спорта Дайзен-2».

— Добрый день, уважаемые.

Леран, держа перед собой большую черную сумку, торопливо зашел в комнату для собраний. Члены центрального комитета уже расселись в привычном порядке за широким столом.

Едва Леран сел на место, как витус Тонк открыл собрание:

— Витус Леран. Прошу вас...

— Благодарю, — ответил Леран. — Начну с самого начала.

Суматошный день, слезы и визг губернатора колонии вымотали настолько, что сил на волнения и тревоги не осталось вовсе. Без былой неуверенности и скованности Леран сразу перешел к делу:

— Как вы знаете, сегодня утром начальник Глотки потребовал от губернатора подкрепление и получил его. Но! Сначала пропала связь с Глоткой. А затем зеки совершили самый настоящий вооруженный налет на Финдос. По уточненным данным погибло восемь полицейских. Заключение захватил жену и дочь губернатора, жену и сына начальника полиции и еще двух служанок.

Налетчики действовали решительно, нагло, по заранее разработанному плану. Но зеки — не солдаты. Горожанам удалось скрутить и доставить в полицию одного из них.

— Да-а-а! — удивленно воскликнула вигора Сутен. — И как же им это удалось?

Леран недовольно посмотрел на поэтессу, но пояснил:

— Заключение попытался изнасиловать случайную прохожую. А это, как вы знаете, тяжкий грех. Все мужчины, которые только были поблизости, набросились на него и едва не забили насмерть.

Я лично допрашивал пленного. Он много чего рассказал. Но, нужно признать, новости весьма неутешительные.

Леран умолк и вопросительно посмотрел на президента Федерации.

— Витус Леран, в нашем распоряжении мало времени, но информация лишней не бывает. Выкладывайте все, — ответил витус Тонк на незаданный вопрос.

— Хорошо, — вновь заговорил Леран. — Витус Откен, новый начальник Глотки, спровоцировал заключенных на самый настоящий бунт. Главный погонщик не придумал ничего лучше, как взять и захватить тюремного авторитета по кличке Проф. Если кто не знает, Тул Фудиров, он же Проф, своеобразный заместитель Главного погонщика по теневой администрации. Вполне закономерно — заключенные в долгу не остались.

С помощью двух самодельных бомб они снесли стальные решетки Поста № 1. Ударной волной был убит весь тюремный спецназ, в том числе и сам витус Откен. Заключение удалось целиком и полностью захватить тюрьму Глот. Прочие надзиратели были либо убиты, либо схвачены. Участь тюремщиков разделил присланный на подмогу отряд полицейских.

Но самое паршивое в этой истории другое, — Леран поочередно посмотрел на членов

центрального комитета. — Вместе с Профом витус Откен изолировал верхушку заключенных. Во время бойни в административном здании авторитет и все его подручные были убиты. Власть над Глоткой захватил новый авторитет по кличке Ярый — весьма умный, но жестокий тип. Последнее обстоятельство плохо для нас в тройне.

— Позвольте узнать, почему? — встряла вигора Сутен. — Что Проф, что Ярый. Какая, извольте, разница?

Вигора Сутен известная на весь Дайзен-2 поэтесса. Иначе говоря, очень далекий от войны человек.

— Видите ли, уважаемая, — собираясь с мыслями, ответил Леран. — Разница между старым и новым авторитетами не просто большая, а принципиальная.

Проф был сторонником мирного сосуществования уголовной братии и тюремной администрации. Если бы он не погиб, то непременно начал бы переговоры о мире. Конечно, постарался бы выторговать условия по лучше, но все же о мире. А вот Ярый — полнейшая противоположность. Он сторонник самых решительных действий. Иначе говоря — войны. Ни секунды не сомневаюсь: идея захватить заложников и опустошить арсенал полиции принадлежит ему. Ярый жесток, деспотичен, но умен и быстро соображает. Я поднял его дело. До заключения он был офицером космического десанта.

— А что же он хочет? — спросил витус Подис, руководитель клуба «КИИР».

— Я знаю, — ответил витус Тонк.

Члены ЦК посмотрели на председателя Движения.

— Часа через два после налета этот самый Ярый позвонил губернатору. Волей случая, я оказался рядом и подслушал разговор.

В общих чертах картина следующая: заключенные захватили тюрьму, но не знают, что с ней делать. Одно Ярый знает точно — никакой вооруженной силы на Дайзен-2 нет. Воевать нам не с кем, охотиться то же. Помощь с метрополии прибудет через стандартный год, не раньше. Вы не поверите: Ярый объявил себя правителем планеты и потребовал всеобщего подчинения.

— Это в его духе, — заметил Леран. — Мания величия толкнула его на преступление и привела в Глотку. В досье читал.

— Верно, — согласился витус Тонк. — В его распоряжении сотня бойцов с электромагнитными автоматами и заложники. А у нас — разгромленный арсенал Управления полиции и пьяный с горя губернатор. Для начала Ярый потребовал по больше «нормальной жратвы и выпивки». Прямо так и выразился. А потом — перевести заключенных женской тюрьмы Тал к нему в Глотку. У него все же хватило ума не зариться на свободных женщин.

На раздумье Ярый выделил сутки. Если витус Гажан не примет его условий, то завтра с утра новоявленный авторитет обещает явиться в город и лично преподнести губернатору голову его обожаемой дочери.

Леран тихо вздохнул. Наглость и глупость самозванного правителя достойны восхищения. Пусть количество зеков превышает количество жителей Финдоса на десять тысяч, но население всей планеты два миллиона. Самозванному тирану ни за что не удержаться на самодельном троне.

— Понимаю, — витус Тонк прервал неловкую паузу. — Ярый требует нереального. Но он способен погубить много людей. Очень много. Зато, друзья мои, в наших руках долгожданный повод стряхнуть с жителей Дайзен-2 пыль обывательского благополучия и

пойти за нами! — торжественно провозгласил председатель Движения.

— Так что? Выступаем? — воскликнул Леран.

Предвкушение большого дела... Нет, больше! Дела всей жизни! Горячит кровь. Будут великие сражения. Великие свершения. И шанс остаться в анналах истории нового независимого Дайзен-2.

— Но позвольте!

Пугливый возглас поэтессы разрушил торжество момента.

— План восстания предусматривает производство различного вооружения для отпора правительственным войскам, это так. Но... на данный момент воевать нам нечем, — произнесла вигора Сутен.

Витус Подис, наставник юных изобретателей и рационализаторов, загадочно улыбнулся, как мальчишка на вопрос матери, куда подевалась банка с вареньем. Далекую от какого-либо насилия женщину можно простить. Поэтесса заметила улыбку витуса Подиса и смутилась.

— Я сказала что-то не то? — спросила вигора Сутен.

— Не переживайте, уважаемая, — успокоил витус Тонк. — Витус Леран, витус Подис, за вооружение отвечаете вы. Время пришло, карты на стол.

Официальное разрешение получено. Леран торжественно объявил:

— На самом деле, уважаемая Сутен, у нас есть, чем воевать.

Эх! С таким бы фокусом, да на арену цирка. Успех был бы грандиозный. Расстегнув молнию, Леран вытащил из сумки пороховой автомат «Марка — 4—4» и с грохотом положил его на стол.

— В арсенале «Песчаной бури» две сотни стволов автоматического оружия. Прошу заметить отдельно и особо, к каждому автомату прилагается оптический прицел.

По лицу вигоры Сутен прокатилась волна разочарования.

— Это всего лишь игрушки, — заявила вигора Сутен. — Игрушки для мальчиков-переростков. Не в обиду, витус Леран. Сыграете с заключенными в пейнтбол?

В голосе поэтессы сквозит злой сарказм. Но Леран улыбнулся и театрально крикнул витусу Подису:

— Госл! Твой выход!

Витус Подис нарочито медленно вытащил из внутреннего кармана пиджака пластиковую коробочку и аккуратно, без малейшего стука, положил ее на стол.

— Вы правы, вигора, — произнес Леран.

Привычным движением Леран отстегнул от автомата магазин и вытолкнул наружу единственный патрон. На архаичной стальной гильзе сидит пластиковая пуля с закругленным наконечником.

— Именно на это мы и рассчитывали, уважаемая, — пояснил Леран. — Пороховое оружие устарело больше тысячи стандартных лет назад. Прибавьте к этому пластиковую пулю с краской и витус Вобан, прежний губернатор Свалки, с легким сердцем выдал разрешение на открытие клуба «Песчаная буря». Типа, пусть аборигены развлекаются. Главное, чтобы хорошо работали и вовремя платили налоги. А теперь!

Леран отложил автомат в сторону и небрежным щелчком опрокинул невзрачную коробку. По широкому столу рассыпались те же архаичные гильзы, но на этот раз на каждой из них сидит стальная пуля с хищно заостренным кончиком.

— Легким движением руки...

Леран с щелчком вдавил три патрона в магазин и вставил его обратно в автомат.

— И перед нами боевое оружие времен Последней мировой войны, — торжественно объявил Леран и положил автомат перед собой.

Вигора Сутен собралась вставить едкое замечание.

— Признаю! — громко произнес Леран. — Этот пороховой автомат по прежнему уступает современному электромагнитному аналогу по всем параметрам. Но! Поверьте мне на слово, уважаемая: ближний бой сведет разницу к нулю. Дальность и кучность важны на больших дистанциях. Единственное существенное отличие — емкость магазина. Стандартный магазин электромагнитного автомата вмещает сотню пуль, а порохового всего тридцать. Зато у порохового автомата есть два очень важных для нас преимущества — низкая стоимость и простота изготовления. Иначе говоря, никакой молекулярной электроники и высокотемпературных сверхпроводников.

Наши далекие предки штамповали пороховые автоматы миллионами и выставляли на поле боя миллионные армии. В это трудно поверить, но это так. В нашем распоряжении всего год. Но за это время мы успеем произвести несколько сот тысяч стволов и научим пользоваться ими несколько сот тысяч ополченцев. По крайней мере, численно мы переплюнем десантную дивизию метрополии в несколько раз.

— Гениально! — воскликнула вигора Сутен.

Недоверие и сарказм растаяли без следа. Глаза у поэтессы засияли, как у маленькой девочки, которая в первый раз в жизни увидела фокус с кроликом из шляпы.

— В этом и заключается хитрость и предусмотрительность наших предшественников, — взял слово витус Подис. — Витус Вьют, который был в то время руководителем «КИИРа», сконструировал «Марку» так, чтобы ствол и прочие механизмы выдержали усиленный заряд пороха боевого патрона. Болваны с метрополии даже ни разу не поинтересовались, почему это у игрушечного автомата нарезной ствол, как у боевого. Вот как плохо забывать историю.

За века игровых баталлий мы несколько раз модернизировали «Марку» и довели ее конструкцию до совершенства. Так что с ней можно воевать и в дождь, и в снег, и в зной, и в стужу. Она даже влаги не боится. Главное воду из ствола вылить.

Витус Подис сияет от радости, как юных фокусник, который впервые удачно выступил перед публикой. Ему столько лет приходилось молчать, таиться даже от товарищей по Движению. Зато теперь он может похвастаться вволю.

— В тайниках моей службы хранится сто тысяч боевых патронов — на первое время вполне хватит, — продолжил витус Подис. — Через пару дней я налажу выпуск патронов, а где-то через месяц массовое производство самих автоматов.

Все подготовлено. Под калибр 7 миллиметров у нас изготовлены и проверены образцы более мощного порохового оружия, несколько пушек и, моя гордость, реактивные гранатометы. Через год мы создадим целую армию.

У витуса Подиса такой счастливый вид, как у школьника, которому удалось подсмотреть за старшеклассниками в душевой.

— А главное, уважаема, — принимая эстафету, заговорил Леран, — у нас есть кому раздать боевые патроны — игроки Высшей лиги.

Всего в клубе двести полностью подготовленных и обученных бойцов. За час я соберу как минимум сотню — это уже рота. Еще через несколько дней в одном только Финдосе сформирую батальон.

— Это из кого же? — спросила вигора Сутен.

— Клуб «Песчаная буря» появился больше тысячи лет назад. За это время через него прошли тысячи молодых парней и даже несколько сот девушек. Многие из них повзрослели, обзавелись семьями, но не разучились обращаться с оружием. Небольшая переподготовка, неделя, от силы две, и они вспомнят все, что успели забыть.

— Так это... — наконец-то сообразила вигора Сутен. — Все эти столетия... ваш клуб... готовил солдат для нашей армии?

— В точку! Уважаемая. В точку.

После страшных новостей прошедшего дня настроение членов центрального комитета повысилось. Угроза из Глотки уже не кажется столь ужасной. Подготовка к восстанию, которая длилась столетиями, принесла плоды.

— Раз так, — торжественно заговорил витус Тонк, — У нас есть все необходимое, чтобы взять власть в свои руки и подавить мятеж. Вы согласны?

Леран посмотрел на членов центрального комитета. Никто и не думает выступать против. Судьба подарила им долгожданный шанс. Большая глупость не принять него. Да и нельзя: отказ от борьбы приведет к развалу движения за независимость.

— Тогда решено, — произнес витус Тонк. — Мы выступаем. Да поможет нам Великий Создатель. Да подарит он нам крупицу своего божественного внимания. Да направит он нас на путь истинный.

Слова знакомой молитвы воспринимаются совершенно по-другому. От важности момента щеки запылали жаром, а дыхание стало медленным и глубоким. Тернист и труден путь борьбы за независимость, но и сулит он не мало. Боевой азарт, словно перед важной игрой в пейнтбол, охватил Лерана.

— Я собираю бойцов! — воскликнул Леран. — Через час — два мы захватим власть.

— Не так быстро, витус Леран, — председатель Движение остудил пыл. — Бойцов собирайте, но мы выступим немного позже. Нужно дать время неудачникам с Мирема окончательно дискредитировать себя. Я уверен — ради дочери губернатор станцует голым вокруг Глотки. Пусть витус Гажан публично распишется в собственном бессилии.

— Да будет так, — Леран поднялся из-за стола. — Я буду ждать вашего сигнала, витус Тонк.

— Да, да, конечно, — согласился витус Тонк. — Идите, собирайте армию. Как будете готовы — свяжитесь со мной. А мы пока обсудим административные детали плана по захвату власти.

— Всего хорошего, — пожелал на прощанье Леран. — До встречи на баррикадах.

Леран вышел из зала заседаний. Все эти годы он ждал, ждал, ждал самого важного дела своей жизни. И вот теперь госпожа история сама стучится в дверь. Прочь страхи! Прочь сомнения! Вперед и только вперед. Удача сопутствует смелым.

Глава 13. Народная армия самообороны

Ничто так не выводит из равновесия, лишает покоя и аппетита, как неуверенность в завтрашнем дне. Надежды и мечты, желания и амбиции... Все отступает на задний план, все кажется мелочным и ненужным. Чаг Ратаг, молодой игрок пейнтбольного клуба, словно запертый в тесной клетке лев, ходит и ходит по комнате из угла в угол и никак не может найти себе места.

Это надо же! Еще ни разу за всю историю колонии заключенные Глотки не бунтовали с таким размахом и гонором. Не, бывало — шумели, ломали стулья, отказывались от работы. Подобное каждый год, не по разу. Но! Чтобы целиком и полностью захватить тюрьму, перебить надзирателей и отряд полицейских в придачу — такого еще не было. И уж ни в какие ворота не лезет наглая вылазка сегодня утром.

В очередной раз Чаг подошел к стене и стукнул по ней кулаком. Самое паршивое — власти упорно хранят молчание. Никаких выступлений по телевизору, или хотя бы по радио. Ежедневная газета «Столичный вестник» рассказывает о праздновании некруглого Нового года, как будто привычный мир не трещит по швам и потихонечку не ползет в пропасть. Как и следовало ожидать, острейший дефицит информации горожане с лихвой восполнили домыслами.

Часы над письменным столом показали 15:00. Сейчас должна была бы закончиться последняя пара. Но сегодня, сразу же после обеда, студентов разогнали по домам. По дороге домой такого наслушался, такого насмотрелся...

Всеобщая растерянность — это еще мягко сказано. Горожане в огромном количестве высыпали на улицы. Все о чем-то говорят, напряженно спорят и при этом испуганно озираются по сторонам. Большая часть магазинов, ресторанов и кафе закрылась раньше времени без объяснения причин. Группа подростков вооружилась палками и большими рогатками. «Юные бойцы» хорохорятся, корчат из себя крутых командос, но на деле трусят больше всех.

Как назло, на улицах ни одного полицейского. Неужели администрация колонии, неудачники, алкоголики и бездельники с Мирема, в самом деле спрятались глубоко под землей? Впрочем, с их стороны очень даже логично: отсидеться в тепле и сытости, просто переждать, пока проблема разрешится сама собой.

Оставленный на столе наладонник тихо заиграл. От неожиданности Чаг едва не подпрыгнул на месте. Судя по мелодии, пришло сообщение. Чаг схватил наладонник. В строке «От кого» короткая надпись: «Шнык».

«Непоседа, привет. Срочно бросай все дела и дуй в „Бурю“. Здесь такое! Оказывается мы!!! Впрочем — давай сам» — гласит короткое сообщение.

Шнык не сообщил ничего путного. Но настырное приглашение друга хоть какое-то действию. Сидеть в четырех стенах и ждать, пока на тебя обрушится мир — невыносимо. Чаг подхватил рюкзак, закинул в карман наладонник и выбежал из комнаты.

В гостиной в большом кресле перед телевизором сидит отец. На широком экране очередной сериал, или дебильное шоу для скучающих домохозяек. Отец рассеянно смотрит на представление. Быстрее всего он ждет хоть какого-нибудь официального заявления от властей. Вон! Пальцы намертво вцепились в мягкий подлокотник.

— Папа! — Чаг притормозил перед креслом. — Я в клуб.

— Какой еще клуб? — от удивления отец обернулся и приподнялся на локтях.

— В «Песчаную бурю»

— Зачем?

— Не могу сказать, — ответил Чаг. — Сам не знаю. Но там затевается что-то действительно очень важное. Позвоню, как только смогу.

— Подожди, сынок! — крикнул отец.

Но Чаг уже выскочил на улицу. Входная дверь мягко спружинила на доводчике.

На Двадцать восьмом проспекте зеленая машина едва не сбила с ног. Чаг вовремя отскочил обратно на тротуар. Дорогая легковушка, заднее сиденье завалено чемоданами. Ясно дело — богатые крысы бегут с тонущего корабля. Только куда? Чаг невольно улыбнулся. Легковушка хороша на асфальтированных улицах, но в туннеле, на первом же километре, разобьет колеса о рельсы и шпалы. А для поездок по поверхности планеты такие авто не предназначены.

Атмосфера в городе накаляется все больше и больше. Количество жителей на улицах поубавилось, но от этого стало еще тревожней. Кажется, будто воздух сгущается в большие черные тучи, между которыми сверкают разряды молний.

Чаг торопливо шагает по знакомым улицам. В голову лезут самые невероятные мысли. Может быть из игроков клуба сформируют большой отряд самообороны? Правда, воевать чем? Палками, дубинками и кухонными ножами? Или игровыми автоматами? Последнее лишено всякого смысла — красящие пули бьют очень больно, но не насмерть же. А вот и долгожданный туннель и широкая надпись «Песчаная буря». Дверь в клуб настезь.

Зал для собраний забит под завязку. Игроки толпятся вдоль стен и сидят прямо на полу возле небольшой сцены. Молодые люди шумят, о ожесточенно спорят и с нетерпением поглядывают на пустую сцену.

— Непоседа! Наконец-то!

Из глубины зала вынырнул Шнык в поношенных рейтузах с обвислыми коленками и в домашних тапочках.

— Что здесь происходит? — спросил Чаг.

— О-о-о! — загадочно протянул Шнык. — Старуха история стучится в дверь. Нам, на собственной шкуре, предстоит проверить древнее проклятие: «Чтоб тебе жить в интересное время»!

Шнык, как обычно, старается напустить по больше туману. Но, по глазам видно, сам ни черта не знает. К счастью, на сцену поднялся Киборг.

На руководителе клуба легкая полевая форма. Если без пафоса, то обычная черная спецовка с многочисленными карманами. В подобной одежде очень удобно играть на Заводе, игровом полигоне внутри города.

Киборг посмотрел в зал. Разговоры тут же смолкли.

— Друзья мои! — торжественно начал Киборг. — Благодарю вас за то, что вы откликнулись на мой призыв и собрались в этом зале!

Вы слышали о бунте в тюрьме Глот! Сейчас я расскажу вам то, о чем до сих пор стыдливо молчит витус Гажан, так называемый губернатор нашей колонии!

Чаг в немом восхищении уставился на руководителя клуба. Киборг умеет толкать речи. Неторопливо, но как-то по-особому эмоционально, он рассказал о бунте в Глотке. Теперь понятно, почему молчит колониальная администрация. Неудачники они и на свалке неудачники. Особенно взбесил ультиматум уголовников. Его величество Ярый 1 — это

слишком. Да будет он последним!

— «Федерация культуры и спорта Дайзен-2» — единственная на планете сила, которая может противостоять сброду с метрополии! Вы, игроки пейнтбольного клуба «Песчаная буря», наш ударный отряд!

Кому не безразлично будущее нашей планеты! Кто готов драться за свой дом, за своих родных и близких! Я призываю вас присоединиться к нам! С оружием в руках показать уголовникам, кто на Дайзен-2 хозяин! Вы, готовы?!!

— Да!!! — Чаг подпрыгнул на места и заорал еще громче. — Да!!! Да!!!

Забитый до отказа зал взорвался раскатом всеобщего ликования.

— Да!!! Да!!! Да!!!

— Кто дрожит за свою жизнь! Кто боится этого сброда! Пусть убирается к Хессану под хвост!!! — воззвал Киборг.

— Да!!! Да!!! Да!!!

От восторженного гула дрожат стены. Всеобщее ликование сводит с ума. Но Киборг, подняв руки, призвал зал к спокойствию.

— Уголовники думают, что мы совершенно безоружные. Как же! Стащили из Управления полиции газовые гранаты и парализующие дубинки. Но это не так! У нас есть, чем воевать!

Киборг что-то вытащил из кармана и показал залу. Черт! Чаг привстал на цыпочках. За дальностью не видно, что именно. Но вот за спиной руководителя клуба загорелся широкий экран. Уже на нем отлично видно, что Киборг держит в руке патрон. Обычный игровой патрон? Не-е-ет... Вместо тупорылого пластика металлическую гильзу венчает... стальная пуля?

Вот оно что! Чаг хлопнул себя по лбу. И как только раньше не догадался. Великий Создатель, неисповедимы пути твои. Как же все просто!

— Перед вами боевая пуля для «Марки — 4-4». Пусть пороховое оружие устарело больше пяти сотен стандартных лет назад, но вы на собственной шкуре знаете, на что оно способно!

А сейчас — переодевайтесь! Хватайте автоматы и выбрасывайте из них красящие пули! Приходите сюда! Я дам вам боевые!

В зал для собраний протиснулось четверо дедов. Взрослые игроки с трудом пробились через возбужденную толпу и вынесли на сцену два больших ящика.

— Патроны прибыли! — Киборг хлопнул ладонью по ближайшему ящику. — Дело за вами!

Игроки толпой ринулись прочь из зала. Толпа подхватила Чага и вынесла прямо в раздевалку.

— Ну! Каково? — воскликнул Шнык, когда друзья пробились к шкафчикам и начали торопливо переодеваться.

— Только сейчас я чувствую себя спокойно, — признался Чаг.

— Это как? — не понял Шнык.

— Я знаю, что делать. Завтрашний день больше не пугает меня.

Одеть комплект щитков и натянуть поверх черную форму — минутное дело. Гораздо дольше пришлось стоять в очереди. Наконец Чаг получил из рук Киборга пластиковую коробку.

Чаг отошел в сторону и присел на свободное кресло в последнем ряду. С противным

треском прозрачная упаковка отлетела в сторону. Чаг открыл крышку. В лицо уставились острые жала стальных пуль. Чаг осторожно провел пальчиком по заточенным кончикам и вытащил один патрон.

Игра закончилась, началась жизнь. Стальная пуля не разобьется о пластиковые доспехи, не запачкает черную форму синими пятнами. Нет. Она пройдет через тело человека навывлет. Пусть в его руках анахронизм, которому самое место в музее. Но Чаг на собственном опыте знает, на что способны красящие пули. А сейчас ему дали боевые.

Из кармана разгрузки Чаг вытащил пустой магазин и начал методично, один за другим, начинять его боевыми патронами. С каждой блестящей головки улыбается смерть. Пальцы привычно заталкивают под зацепы один за патрон за другим. Как все просто — боевые патроны идеально входят в игрушечный магазин. В одно мгновение «Марка — 4-4» превратилась в боевой автомат, а он сам из игрока пейнтбольного клуба в солдата.

Чаг вытащил из пластиковой коробки последний патрон. «Последние, да будут первыми» — пришло на ум древнее изречение. Эта боевая пуля оборвет чью-то жизнь. Будет победа, но только не детская радость. Чаг с щелчком вставил последний патрон в магазин. «А сам стреляй, а то убьют». Господи, что за мысли!

Через полчаса Киборг построил игроков в просторном «Лягушатнике», игровом полигоне для самых маленьких.

— Отныне вы не игроки пейнтбольного клуба, а солдаты Народной армии самообороны Дайзен-2, объявил витус Леран. — Нас ждет первое и очень ответственное задание — дать пинка под зад неудачникам с Мирема и взять власть в свои руки.

Гражданских не пугать! Без прямой угрозы для жизни автоматы с предохранителей не снимать! Стрельбу открывать только по приказу командира! Да поможет нам Великий Создатель. Да подарит он нам крупицу своего божественного внимания.

Атеизм во все времена не имел много последователей. Но и назвать жителей Дайзен-2 глубоко верующими тоже нельзя. Пусть большинство горожан регулярно забывают прочесть перед завтраком молитву и соблюсти пост по пятницам, но практически все носят под натальной рубашкой символ Великого Создателя — трех лучевую звездочку с сильно закругленными концами.

— Аминь, — тихо, почти про себя, произнес Чаг.

На груди, под черной формой, металлическая звездочка уперлась округлыми кончиками в кожу. Великий Создатель существует. Он обязательно поможет творению своему пройти через горнило великих испытаний. Остаться в живых. Да будет так.

— Внимание! Слушай мою команду! — громко произнес витус Леран. — Напра-а-а... во! Шаго-о-ом... марш!

По просторному Лягушатнику разлетелся дробный перестук десятков ног. Народная армия самообороны Дайзен-2 в полном составе зашагала на выход.

Глава 14. Захват власти

Ради Высшей лиги, ради сражений на поверхности планеты Чаг терпел строевую подготовку. Хотя какой от нее прок? «Лягушатник», как самое большое помещение пейнтбольного клуба, заодно используют в качестве учебного плаца.

Ох и сколько же протопано по нему километров. А ради чего, собственно? Чтобы с песнями и плясками раз в неделю пройти мимо импровизированной трибуны с Киборгом? Но! Когда Народная армия самообороны тремя ровными коробочками вышла на улицы Финдоса, Чаг наконец-то понял зачем.

Подавленность и всеобщая растерянность захватили город с утра. Но! Три марширующих в едином ритме отряда произвели на случайных прохожих сильное впечатление. Поначалу горожане с неприкрытым удивлением уставились на молодых людей... А потом, Чаг едва не споткнулся на ровном месте, в глазах жителей загорелся огонек надежды.

На фоне упорного молчания властей, страшных слухов и домыслов, на улицах Финдоса появилась организованная сила. Ни что так не подействовало на простых горожан, как одинаковая черная форма, висащие на груди автоматы и, главное, четкий шаг и ровные коробочки отрядов.

Вот зачем витус Леран включил строевую подготовку в курс игроков Высшей лиги. Ради того, чтобы в самый критический момент собранная и организованная сила вышла на улицы города и воодушевила людей на борьбу. Если бы игроки брели бы неорганизованной толпой, озираясь по сторонам и шушукаясь, то столь мощно психологического эффекта не было бы и в помине.

Невероятная новость разлетелась по городу. Буквально через пару кварталов встречать Народную армию высыпало множество народу. Пусть на лицах горожан недоумение и любопытство, но это лучше страха или тупого отчаянья. Впереди показалась Площадь пионеров. По общему радиоканалу пролетел приказ Киборга:

— Внимание! Разделяемся! Первый взвод — Администрация; второй взвод — Управление полиции; третий взвод — Центр связи.

Еще в «Песчаной буре» Киборг разделил армию на взвода и отделения. Чаг с другом попал в третий взвод, третье отделение. Командирами витус Леран назначил дедов, взрослых и наиболее опытных игроков.

План свержения администрации обговорен заранее. Чаг с завистью взглянул на первый взвод. Было бы здорово ворваться в здание администрации, в святая святых, где он ни разу не был. А так достался Центр связи, большое здание на Площади пионеров, где разместились редакции и студии СМИ. Но, на удивление, Киборг остался с третьим взводом.

Возле фасада Центра взвод остановился. Из припаркованной машины вышел витус Тонк, зам начальника Управления по энергетике. Трудно не узнать его массивную фигуру атлета в строгом деловом костюме. Но самое примечательное в облике витуса Тонка — глаза, в которых буквально светится уверенность и упорство.

— Здравствуй, Госл, — витус Тонк за руку поздоровался с Киборгом.

— Как и обещал, я привел нашу армию, — витус Леран показал рукой на отряд. — Два взвода уже берут администрацию и полицию.

— Отлично! Все идет по плану. Наш незабвенный губернатор уже во всю позорится

перед народом.

Для беседы с президентом Федерации Киборг отключил радиоканал, но Чаг оказался достаточно близко, чтобы невольно подслушать разговор.

Не-е-е! Чаг улыбнулся. Наоборот, повезло! Самые интересные события наклеиваются не в здании Администрации, не в Управлении полиции, а здесь, в Центре связи.

— Пора, — витус Тонк посмотрел на часы. — Да поможет нам Великий Создатель.

Тут же ожил радиоканал.

— Первое и второе отделение — оцепить здание. Третье отделение — за мной! — скомандовал Киборг.

Во истину — последние да будут первыми.

Витус Тонк торопливо шагает впереди. Одиннадцать вооруженных людей в черной форме спешат следом. Сотрудники Центра связи в ужасе шарахаются в стороны или жмутся к стенам в узких коридорах.

Витус Тонк точно знает куда идти. Через несколько коридоров президент Федерации вошел в широкую дверь с надписью «Студия № 54». Под потолком горит грозная надпись: «Прямой эфир».

Точно прямой, Чаг заглянул в открытую дверь, да и обстановка знакомая. Из этой студии важные шишки из колониальной администрации обычно передают официальные сообщения. На дальней стене висят ярко-голубые декорации и флаг Федерации Мирема. За узкой трибуной стоит витус Гажан, губернатор колонии:

— Жители Дайзен-2. Я призываю вас проявить благоразумие и, ради сохранения жизни и здоровья заложников, подчиниться требованиям заключенных тюрьмы Глот.

Господи! Неужели и в самом деле этот высокопоставленный чиновник пал так низко? Чаг брезгливо поморщился. Пойти на поводу у кого? У сброда, которому самое место в тюрьме. Губернатору глубоко плевать на коренных жителей Дайзен-2. Ради своей несовершеннолетней дочери он готов залезть на самую высокую ель на Площади пионеров и прокричать сто раз петухом.

— Я уже послал сообщение на Мирем, — блеет губернатор. — Граждане Дайзен-2, я прошу вас проявить смирение. Метрополия обязательно придет к нам на помощь. Обязательно поможет справиться с этой крайне непростой и непредвиденной ситуацией.

Слушать противно, Чаг отвернул лицо. Уши в трубочку сворачиваются. Чуть несусветная.

— Шнык, Непоседа! — Чаг встрепенулся. — Ваша задача: по моей команде оттащить губернатора от трибуны. Не дайте ему сбежать, но при этом оставайтесь в кадре. Все поняли! — спросил витус Леран.

— Так точно, витус! — Шнык на долю секунды опередил Чага.

— Так точно, витус! — ответил Чаг.

Третье отделение рассредоточилось по студии. Витус Тонк остановился рядом с телекамерой. Губернатор только сейчас заметил неожиданных гостей. То ли от волнения, то ли от яркого света, на лбу витуса Гажана засверкали капельки пота. Губернатор споткнулся на полуслове, рассеяно посмотрел на президента Федерации и удивленно спросил:

— А вы что тут делаете?

— Шнык, Непоседа. Пошли!

Чаг и Шнык одновременно подошли к губернатору с двух сторон и подхватили его под руки. Ловко получилось! Как будто специально тренировались. Чаг не удержался от

маленькой шалости и ткнул неудачника с метрополии стволom под ребра. Витус Гажан испуганно ойкнул на всю планету. Они легко приподняли губернатора и отволокли на пару метров от трибуны. На освободившееся место тут же вышел витус Тонк.

— Уважаемые жители Дайзен-2! Вы только что видели, до каких глубин позора и унижения может довести трусость и некомпетентностью присылаемых на нашу голову чиновников!

Если витус Гажан забыл, то я напомню: Мирем — далеко! Какая-либо помощь доберется до нас через четыре с половиной года! И неужели, все это время, мы должны терпеть на своей шее сброд все с той же метрополии?!

Витус Тонк обернулся и выразительно посмотрел на побледневшего губернатора.

— Мы, группа сторонников решительных действий, отстраняем от занимаемых должностей всех неудачников с Мирема и берем власть в свои руки!

Никаких переговоров с преступниками! Мы выдвигаем встречный ультиматум. Заключение тюрьмы Глот — сдавайтесь! Никаких условий! Никаких уступок! Только немедленная и безоговорочная капитуляция.

Любая попытка прорваться в город будет пресечена самым решительным образом. Кровь за кровь! За гибель одного заложника мы расстреляем сотню! На раздумья у вас 20 часов!

Заключенные тюрьмы Глот! Те, кто еще не запачкал руки в крови мирных жителей. Кто не совершил особо тяжких преступлений. Именно к вам обращаюсь я в первую очередь. Вам никогда не поставить народ Дайзен-2 на колени. Никогда! Вас всего 50 тысяч, а нас — два миллиона! Ярый со своими нереальными амбициями ведет вас на верную смерть. Не слушайте его! Убегайте! Сдавайтесь! И тогда у вас будет шанс остаться в живых. Кому, кому, а вам метрополия точно не поможет!

Сжимая локоть губернатора, Чаг слушает президента Федерации затаив дыхание. Вот это совершенно другое дело! Так и надо обращаться с этими ублюдками. Никаких поблажек! К черту метрополию. Сами разберемся.

— Граждане Финдоса и прочих населенных пунктов! Я призываю вас создавать отряды самообороны. Вооружайтесь чем только можете: палками, дубинками, рогатками, кухонными ножами и сковородками. Занимайте круговую оборону. У преступников всего сотня автоматов. Половину боеприпасов они уже расстреляли, а пополнить его негде. Если они полезут к вам — бейте их самым решительным образом! И помните: у нас есть силы, чтобы указать уголовникам их законное место. Наша планета станет для них могилой!

Благодарю за внимание.

Маленькая красная лампочка над объективом телекамеры сменила красный цвет на зеленый. Прямой эфир окончен. Чаг просто находился позади витуса Тонка, но от волнения запыхался так, будто только что пробежал десятку километров с полной выкладкой. Нервная нагрузка тяжелей физической.

— Шнык, Непоседа — отлично! Вы — супер!

К ним подошел Киборг.

— Отведем губернатора в кутузку. Пошли!

В сопровождении витуса Лерана и еще троих солдат, Чаг и Шнык вывели губернатора из Центра связи. Витус Гажан без малейшего сопротивления позволил довести себя до Управления полиции и затолкать в небольшую камеру в дежурной части с обшарпанными скамейками и заплеванным полом. Обычно сюда сажают мелких хулиганов, дебоширов и

перебравших посетителей баров. Но свергнутому губернатору не грозит одиночество. В камере уже сидит витус Рабел, бывший начальник Управления полиции и еще какой-то чиновник с синим носом и обвислыми усами. Вид у всех троих несчастный и растерянный.

— Ну дела! — громогласно воскликнул Шнык, когда они вышли на Площадь пионеров. — Непоседа, мне до сих пор не верится!

— Не верится во что? — Час снял с головы шлем.

— Я творю историю! Меня только что показали по телеку на всю планету!

Чаг улыбнулся, но ответить не успел. Убранный в карман наладонник требовательно завибрировал в очередной раз. Пока они караулили губернатора, отвечать на звонки было некогда. На небольшом экране загорелась надпись: «Отец». Чаг нажал на кнопку приема:

— Да, папа.

— Чаг! Наконец-то! — ответил отец.

Даже на экране маленького наладонника видно, как сильно он взволнован.

— Ты! Ты! Да я горжусь тобой!

— Спасибо, папа, — ответ Чаг

Похвала отца согрела душу.

— Убежал! Толком ничего не сказал! Мы с мамой не весть что думаем. А ты! А тебя! По телевизору узнали!

Пока витус Тонк выступал перед жителями Дайзен-2, Чаг маячил на заднем плане в обнимку с бывшим губернатором. Черная форма у солдат одинаковая, но забрало шлема Чаг не опустил. У родителей было достаточно времени, чтобы присмотреться и узнать его.

— Чаг! Милый! Да что ж ты нам ничего не сказал! Не предупредил!

Изображение на экране резко дернулось в сторону. Мама самым грубым образом вырвала наладонник из рук отца.

— Чаг! Дорогой! Да как же ты?! Я так волнуюсь! Что с тобой?!

Мама утопила в море вопросов. Минуть пять пришлось успокаивать взволнованных родителей. Наконец отец, в очередной раз завладев наладонником, произнес:

— Ну все, сынок, не будем больше тебя задерживать. Как освободишься — сразу домой! Пока. До встречи. Да хватит же, говорю!!!

Изображение на экране опять дернулось, но тут же погасло. Последние слова отца предназначены матери, которая опять чуть не вырвала наладонник.

— Да, мама. И я тебя очень, очень люблю. Обязательно. Вернусь. Как только смогу. Да когда я тебя не слушался?

В сторонке Шнык объясняется с родителями. Он вообще из дома в шлепанцах убежал. Никого не предупредил, теперь отдувается.

— Все! Мама. Целую! Мне пора.

Шнык оторвал взгляд от наладонника и с преогромным облегчением вздохнул.

— Ну что? Телезвезды новоявленные. Успокоили родителей? — широко улыбаясь, подошел Киборг. — Если закончили, возвращаемся в Центр связи, а то останетесь здесь стеречь арестованных. Пошли.

Смену власти трудно назвать восстанием или вооруженным переворотом. Присланных с метрополии чиновников почти ласково освободили от занимаемых должностей. С десятков наиболее видных посадили в кутузку Управления полиции. А остальных, человек примерно пятьдесят, отправили по домам.

Глава 15. Карательная акция

Оцепление на Площади пионеров сняли. Никто и не собирается проводить контрпереворот и возвращать власть неудачникам с Мирема. Силы Народной армии самообороны очень нужны в других местах.

Недооценивать противника ни в коем случае нельзя. Заключенным Глотки терять нечего. Заложники, члены семей высокопоставленных чиновников, разом обесценились, когда Чаг на пару с другом оттащил от трибуны губернатора.

Первый взвод отправили в Ущелье ветров на защиту электростанции, которая снабжает электроэнергией столицу и промышленные предприятия по близости. К сожалению, зеки успели захватить западный склон Ущелья, от куда запитана тюрьма и медный рудник под ней. Зато бойцам первого взвода удалось перекрыть главный туннель под дном ущелья и отстоять восточный склон. Финдос не остался без электричества.

Второй взвод взял под охрану Главные ворота, главный автовъезд в Финдос с поверхности планеты и еще несколько выходов наружу. Заключенные вполне могут атаковать столицу с поверхности планеты. Третий взвод перебросили на Центральный вокзал.

Небольшое привокзальное кафе находится точно по середине Центрального вокзала, в стратегически выгодном месте. Из западных окон отлично простреливается туннель № 2, а из южных туннель № 1, который ведет к Космопорту имени Пилага. Отряд вчерашних игроков расположился прямо в торговом зале, среди перевернутых столов и стульев, разбитых витрин и окон.

Заключенные вполне могут атаковать из туннеля № 1, или нанести удар сразу из обоих туннелей. Только вряд ли разнузданная толпа уголовников согласится совершить большой крюк, протопать по шпалам в потемках лишние пять километров, лишь бы только появиться на том же Центральном вокзале, только из другого туннеля. Но — береженого бог бережет.

Часа полтора ушло на разведку местности и дополнительную подготовку. Забаррикадировали и заварили входы и выходы из обоих туннелей, технические колодцы и вентиляционные шахты. У заключенных полно взрывчатки. Перед парой килограмм тротила не устоит ни одна дверь. Зато будет много шума и пыли, а, главное, никакой внезапности.

Последний раз Чаг подкрепился в университетской столовой. Великий Создатель, как давно это было. Убегая из дома, не подумал прихватить хотя бы бутерброд. После стольких бурных событий желудок прилип к позвоночнику. К чести новых властей, они не забыли о народной армии. В том же привокзальном кафе специально для них приготовили ужин. Великолепное угощение из жаренной на противне картошки с душистыми котлетами из настоящей говядины оплатил бюджет колонии.

Час в карауле возле туннеля № 2 пролетел быстро. Чаг с преогромным облегчением прилег в торговом зале прямо на пол. Миловидная официантка пожертвовала подушку с кресла главного менеджера. Чаг от души поблагодарил смущенную девушку и растянулся вдоль окна. Кто знает, что там у зеков на уме? Может охрана туннеля затянется на всю ночь. А то и на весь следующий день в придачу. Выспаться впрок никогда не бывает лишним.

— Непоседа! Дрыхнешь уже? — рядом присел Шнык.

— Сплю, — ответил Чаг. — И тебе советую сделать то же самое.

— Не могу, — признался Шнык. — Боязно мне, если честно. Одно дело игра, и, это,

настоящая война.

— Ну и что здесь такого? — Чаг демонстративно повернулся к другу спиной. — Страх — вполне естественная реакция. Только полный дурак или законченный идиот ничего не боится. А ты что? — Чаг открыл глаза и повернулся к Шныку. — Думаешь, тебе одному страшно?

— Ну... да. Наверно, — нехотя признал Шнык.

— Так вот, дружище, — Чаг присел на пол. — Всем, кто сейчас находится на Центральном вокзале, страшно. Страшно мне, страшно им, — Чаг показал глазами на четверку солдат возле разбитой витрины. — А тем, кто сейчас стоит в карауле возле туннелей, еще как страшно. Храбрец только тем и отличается от труса, что может в нужный момент наступить на горло собственному страху и не дать ему овладеть собой.

Ожидание боя гораздо страшнее самого боя. Это в одиночку помирать страшно, а всем вместе — ничуть.

— А ты откуда знаешь? — удивился Шнык.

— Книжки читать надо! Такие... с цветными картинками.

Чаг прилег обратно на пол и положил голову на чудесную мягкую подушку. Но Шнык по-прежнему смотрит на него преданными глазами.

— Ну хорошо, — вздохнул Чаг. — В свое время я прочел воспоминания боевого офицера древности. Он как раз с подобным автоматом, — Чаг потряс «Маркой», — в атаку ходил. Ему тогда столько же, сколько нам было.

Чаг самым решительным образом повернулся спиной к другу и постарался уснуть. Тот же офицер глубокой древности настоятельно советует спать при малейшей возможности. Еще не известно, когда в следующий раз получится принять горизонтальное положение и покемарить хотя бы часок.

Но отоспаться не удалось. Минут через тридцать по радиоканалу прошла команда Лешего, командира третьего взвода.

— Внимание! — Чаг встрепенулся и присел на пол. — По туннелю № 2 приближается большой отряд заключенных. Взводу занять позиции и приготовиться к отражению атаки. Огонь только по моей команде! Устроим засаду.

Началось! Чаг поправил шлем и опустил забрало. Сыграли в крутых солдатиков, свергли неудачников с Мирема, а теперь пора и ответ держать.

Ну дела! Чаг скосил глаза. Шнык дрыхнет на твердом полу даже без подушки. Уснул так крепко, что даже пропустил приказ командира мимо ушей.

— Шнык! Ну ты герой. Вставай! Идут! — Чаг толкнул друга в плечо.

— Что? Уже?

Шнык моментально проснулся и подхватил лежащий рядом автомат.

— Зеки прутся по второму туннелю. Быстро на позицию. Огонь только по приказу Лешего. Засада будет, — на ходу пояснил Чаг.

Кто-то очень кстати выключил в кафе свет.

Последние минуты перед боем самые тягучие. Чаг нервно облизал пересохшие губы. Одна. Вторая. Ничего не происходит.

Железнодорожная ветка туннеля № 2 заканчивается тупиком. Для экономии кислорода выезд из туннеля прикрыт сверху прозрачным колпаком. Двери самодвижущегося вагончика открываются точно напротив выхода на перрон. Пусть не полноценный шлюз, но и этого вполне достаточно.

Сильный взрыва ударил по ушам. Чаг вжал голову в плечи. Стальные ворота вздулись огромным пузырем и тут же лопнули. Сквозь оседающую пыль под прозрачный колпак хлынул людской поток. Чаг никогда не видел заключенных Глотки в таком количестве. Никакой дисциплины, никакого взаимодействия, никакого взаимного прикрытия. Зеки просто высыпали из туннеля № 2 и заполнили прозрачный колпак над железнодорожной веткой. Несколько заключенных принялись растаскивать закрытый выход на перрон.

Вот она — военная хитрость! Выступая перед жителями Дайзен-2, витус Тонк ничего не сказал о новых возможностях игрушечных автоматов. Кто их знает? Может зеки до сих пор думают, будто их встретят красящими пулями, а то и обычными дубинками. Тем лучше — сюрпризом будет.

Солдаты третьего взвода попрятались кто где. Площадь Центрального вокзала обманчиво пуста. Стрелять сквозь прозрачный колпак — только зря тратить боеприпасы. Пусть выберутся на перрон. И побольше, побольше. Но, господи, сколько же их?

Десятка два зеков уже вылезли из-под прозрачного колпака. А из дыры в воротах все прут и прут все новые и новые толпы. Наконец двери выхода окончательно развели в стороны и уже ничем не сдерживаемый поток людей в красных робах выплеснулся на перрон.

Зеки прутся огромной толпой прямо на привокзальное кафе. Но вперед, в отрыв от общей массы, никто не рвется. Боятся, значит. Чаг снял автомат с предохранителя и передвинул рычажок на автоматический огонь. Игры не будет, полноценного боя по всем правилам военного искусства то же не будет. Будет кровавая бойня.

Через оптический прицел противник как на ладони. Заключенные вооружены чем попало: прутки, дубинки, трубки. У одного весьма упитанного зека на правой руке болтается толстая цепь. А где, тогда, электромагнитные автоматы?

Толпа все ближе и ближе. Тупые лица, накаченные бицепсы, синие татуировки и волосатые руки. Не-е-е, это не дисциплинированная армия, а банда мародеров. Зекам плевать на амбиции Ярого. Они идут разбойничать, убивать, насиловать и грабить. Больше власти над планетой их интересует «клевы хавчик», бухло и бабы. И если эта банда выплеснется на улицы города...

Чаг украдкой глянул вправо. В паре метров Шнык деловито осматривает поле боя через оптический прицел. Дальше, у другого окна, два солдата в черной форме прильнули к автоматам. Еще дальше по торговому залу угадываются силуэты бойцов третьего взвода.

Страх нет. Страх ушел. Растворился. Я — не один. Мы, какое могучее слово, мы еще пободаемся.

Чаг аккуратно, стараясь не брякать, передернул затвор. Первый самый настоящий боевой патрон выскользнул из магазина и ушел в патронник. Хрен вам, а не бабы! Будете жрать заточенную сталь. Страх нет. Я — не один. Рядом звякнул затвор. Это Шнык привел автомат в боевое положение.

Да когда же будет приказ стрелять?! До переднего ряда зеков несколько десятков метров. Скоро, очень скоро, они заметят засаду.

— Взвод, внимание. Огонь! Огонь!

Наконец-то! Чаг нажал на спусковой крючок.

Понеслась!!!

Короткая очередь. Автомат непривычно сильно дернулся в руках. Большая часть пуль ушла в потолок. Черт! Патроны боевые, мощные. Сильней! Сильней держать надо. Чаг снова

нажал на курок.

Следующая очередь вышла что надо. Цепочка разрывов перечеркнула ближайших зеков. На красных робах выступила еще более красная кровь. На бандитов обрушился шквал огня. Воздух наполнился черным дымом. Из кафе, с флангов застрочили автоматы. Зеки тупо угодили под кинжальный огонь.

В голову ударил боевой азарт. Чаг зло улыбнулся. Это он умеет. Очень хорошо умеет. Так часто умеет. Как на игровом полигоне. Грохот выстрелов и красные следы от пуль.

Площадь перед кафе засыпана десятками трупов. Дружный огонь выкосил передние ряды. В боевом исступлении Чаг жмет и жмет на спусковой курок. Но вдруг — щелк! И тишина. Разом умолкли все автоматы.

Проклятье! Самоподавление! Чаг отдернулся от окна.

Такое бывало и не раз. Если отряд разом открывает огонь, то у всех разом пустеют магазины. Нужно перезаряжать.

Чаг судорожно расстегнул правый карман на разгрузке. Быстро! Как можно быстрее отцепить пустой магазин и вставить полный. Если враг поймает момент и дернется вперед. Господи! Храни от рукопашной! Чаг с треском вогнал полный магазин и снова высунулся в окно.

— Ну-у-у!!! — выдох разочарования вырвался из груди.

Зеки использовали момент тишины на все сто. Только — пустились наутек. Возле выхода на перрон беспощадная давка. Без очереди, без прикрытия, зеки всем скопом лезут в узкий проход и лупят друг друга цепями и дубинками. Справа и слева вновь загрохотали автоматы. Раз враг бежит, то его нужно добить. Чаг нажал на курок. Вот вам, а не бабы!

Все. Последний зек получил несколько пуль в спину и рухнул на рельсы. Площадь перед кафе и перрон завалены трупами. Но солдаты все равно усердно поливают поле боя пулями и дырявят прозрачный колпак над железнодорожной веткой.

— Прекратить огонь!

Чаг тут же отпустил курок и задрал ствол. Центральный вокзал погрузился в звенящую тишину. Стрелять больше не в кого. Противник протиснулся в дыру в воротах и пропал в темноте туннеля № 2.

— Первое отделение! К краю перрона! Остальным — прикрывать!

Все правильно: стандартная, многократно проверенная и перепроверенная тактика: один идет, второй прикрывает. Чаг, на всякий случай, убрал палец со спускового крючка. Через оптический прицел отлично видно, как бойцы первого отделения осторожно приближаются к распахнутому выходу на перрон. Вот как нужно воевать! Солдаты двигаются уверенно, без страха и судорожных рывков. Каждый из них точно знает — товарищи по оружию надежно прикрывают их.

Зеки — никудышные солдаты. Стадо баранов с накаченными бицепсами и тупыми мордами. Но предосторожность лишней не бывает. Как раз полный профан может выкинуть такое! Такую глупость, какая не придет в голову мало-мальски обученному солдату.

Первое отделение обследовало перрон и спустилось на железнодорожный путь туннеля № 2. Никого и ничего. Зеки удрали и не думают возвращаться.

— Мужики!!! — пролетел по радиоканалу чей-то взволнованный голос. — Мы их сделали!!!

— Да-а-а-а!!!

— Ура-а-а-а!!!

От восторга Чаг единым махом выскочил через разбитое окно. Следом выпрыгнул Шнык.

— Победа-а-а-а!!! — заорал Чаг.

— Мы их сделали-и-и!!! — подхватил Шнык.

На площадь перед кафе высыпал весь взвод. Как на пейнтболе. Победители запрыгали, заскакали, заорали во все горло. Через всеобщий гвалт прорезались автоматные очереди. Не в силах сдержать эмоции, солдаты открыли стрельбу.

— Шнык!!! — Чаг подскочил к другу. — Мы их сделали!!!

— Да-а-а!!! — проорал Шнык. — Порвали-и-и!!! Как тузик грелку-у-у!!!

Веселье взрывной волной прокатилось по Центральному вокзалу.

— Прекратить стрельбу!!! Всем молчать!!!

Командный голос как ушат воды. Шум тут же стих. Чаг так и застыл на одной ноге с автоматом над головой.

— Так лучше, — вперед вышел Леший, командир взвода. — Мы на войне. Не стоит...

— Суки-и-и!!!

Истощенный вопль перебил командира. На перроне, прямо по трупам, прыгает какой-то солдат.

— Сволочи!!! Вот вам! Вот!

Солдат, не обращая внимания на Лешего, в диком исступлении топчет убитых. Ноги в крови по самую щиколотку.

— Прекратить!!!

Леший — дед со стажем. Его грозный окрик способен свернуть горы, но только не в этот раз. Солдат начисто игнорирует приказ командира.

— Убью! Убью! Всех убью!!!

Словно дубиной, буйный взмахнул автоматом и треснул убитого прикладом по голове.

— Перестреляю! Всех перестреляю!!! — безумный потянулся к полным магазинам в карманах разгрузки.

— Взять его!!! — скомандовал Леший.

Дело принимает нешуточный оборот. Несколько солдат подскочили к безумному товарищу.

— Озар! Не надо!

Двое подхватили безумца под локти, а двое других вырвали из его рук автомат.

— Пустите меня! — солдат забился в руках товарищей. — Они! Они! Отца моего убили!!! Я их всех порешу!!!

У парня нешуточная истерика. Пятьсот человек, надзирателей и полицейских, навсегда остались в Глотке. Личная месть страшнее атомной войны.

— Слушай мою команду! — Леший самым решительным образом взял ситуацию под контроль. — Первое отделение: охранять туннель № 2! При малейших признаках опасности немедленно отойти и занять оборону. Остальные: собрать убитых и сложить вон там, возле пандуса. Вы, двое, — Леший повернулся к солдатам, которые крепко держат буйного под руки. — Не отпускайте его. Я вызову медиков. Все! За работу! Живо!

Вот это командир! Пусть Народная армия самообороны мала, зато спаяна железной дисциплиной.

— Давай, Непоседа, — Шнык закинул автомат за спину, — попачкаем руки в кровушке.

— Давай, — Чаг поставил автомат на предохранитель и закинул за спину.

Странное дело. Чаг подхватил очередного заключенного под руки, а Шнык поднял его за ноги. Тела убитых густо изрешечены пулями. Особенно тех, что шли в первых рядах. Но окровавленные трупы с перекошенными в агонии лицами совершенно не пугают. Как будто все жизнь мертвых на поле боя подбирал. Вон! Некоторых солдат едва на изнанку не выворачивает. Даже Шнык предпочел не поднимать забрало.

На Центральном вокзале, спустившись по неподвижным ступенькам эскалатора, появилась съемочная группа столичного телеканала. По смазливому личику и глупым усикам легко узнать утуса Окрена, ведущего теленовостей. Женщина-оператор с портативной телекамерой на плече едва сдержала приступ тошноты при виде заваленного трупами перрона. Следом за журналистами по эскалатору спустился Киборг.

Подойдя ближе, утус Окрен махнул наманикюренной ручкой и быстро, быстро заговорил:

— Уважаемые телезрители. Мы ведем прямой репортаж с места событий. За моей спиной посадочная платформа туннеля № 2, по которому, буквально пару минут назад, огромная толпа заключенных пыталась прорваться в наш город. Но! Что из этого вышло вы сами прекрасно видите.

Телеведущий изящно выскользнул из кадра. Женщина-оператор повела объективом телекамеры из стороны в сторону. И, как на грех, Чаг опять попал в кадр. Руки в крови. Ноги в крови. А пейнтбольный шлем вообще снял. Наверняка в этот момент родители смотрят телевизор. Вид родного сына по среди заваленного трупами перрона их точно не обрадует. К счастью, телеведущий снова шагнул в кадр и заговорил еще быстрее:

— Заключенные возомнили о себе бог знает что. И получили достойный отпор. Позвольте представить вам витуса Лерана, командующего нашей доблестной армией. Прошу вас.

Телекамера плавно переместилась на Киборга.

— Уважаемые жители Дайзен-2! — торжественно заговорил Киборг. — Независимое правительство только что доказало, что способно надавать подзатыльников сброду из Глотки. Сейчас я вам раскрою секрет нашего успеха.

Киборг стащил с плеча игровой автомат и потряс им перед телекамерой.

— Перед вами самый простой, самый обычный пороховой автомат нашего пейнтбольного клуба «Марка — 4-4». Но он не так прост, как кажется.

Киборг отстегнул магазин и вытащил из него патрон. С восторгом, не скрывая торжества, Киборг произнес:

— Автомат игровой, но пули в нем боевые. На что способен пороховой автомат древности объяснять и доказывать не нужно. Вы только что видели это сами.

Киборг отступил назад и широким жестом показал на заваленный трупами перрон.

— В бессмысленной попытке прорваться в город глупо и без малейшей пользы полегло не меньше пяти сотен заключенных. Тогда как среди солдат Народной армии потерь нет. Они прекрасно обучены, вооружены и спаяны железной дисциплиной. И все это благодаря военизированной игре пейнтбол.

Чаг поспешил убраться подальше от телекамеры, но не слишком далеко. Любопытство распирает грудную клетку. Шнык притормозил рядом.

— Заключенные тюрьмы Глот. Вы — проиграли! Время работает против вас. Очень скоро вам будет нечем стрелять. Тогда как в мастерских Финдоса во всю идет подготовка к массовому выпуску оружия. Завтра днем мы наладим производство боевых патронов к уже

существующим автоматам. Через два дня на вооружение нашей армии поступят еще более мощные пороховые автоматы «Надежда». А через три дня численность Народной армии самообороны достигнет нескольких тысяч человек. Да мы вас! — Киборг выразительно потряс автоматом, — В порошок сотрем!

Наблюдать за выступлением Киборга одно сплошное удовольствие. Ну... насчет армии в несколько тысяч он явно загнул. Не иначе, Независимое правительство ведет целенаправленную пропаганду. Что, что, а вид поверженного противника обязательно воодушевит горожан на борьбу, да и не только их, а всю планету. Пропаганда — мощный инструмент воздействия на собственное население, а заодно и на противника.

На ликвидацию последствий бойни возле туннеля № 2 ушла пара часов. Особенно порадовала оперативность городских служб. Киборг слегка преувеличил: не пятьсот, а три с небольшим сотни заключенных остались лежать на перроне и на площади возле привокзального кафе. Погибших свезли в городской крематорий и без последних почестей закинули в печь.

Взорванные ворота быстро заделали. Бригада веселых ремонтников подрезала рваные края и наложила заплатку. Пусть стальная плита не способна остановить преступников, но им снова придется взрывать ворота. А это снова шум и пыль.

Третий взвод просидел на Центральном вокзале до самого утра. Чаг успел разок постоять в карауле возле туннеля № 3. Но большую часть ночи проспал на полу в привокзальном кафе. После мощного выброса адреналина пол в торговом зале больше не кажется твердым. В 10 утра их сменил третий взвод второй роты Народной армии.

За ночь Независимое правительство сформировало вторую роту. В нее вошли уже взрослые мужчины, которые когда-то играли в пейнтбол. Ополченцы, как их в шутку называл Шнык. Но! Чтобы там не говорил Киборг перед телекамерой, две роты — максимум который может выставить пейнтбольный клуб. В призывниках отбоя нет, но вооружать их нечем.

Первая рота Народной армии вернулась в пейнтбольный клуб. Впереди еще одно очень важное задание. Но на этот раз придется одеть борги.

Глава 16. Без энергии

Электроэнергия на Дайзен-2 — суть жизни. Кислород, вода, еда — все без исключения добывается, очищается и производится с помощью электричества. Энергетика для маленькой колонии основа основ, становой хребет, критическое условие для элементарного выживания.

В Ущелье ветров находится самая большая на планете электростанция. Мощные ветровые генераторы вырабатывают десятки мегаватт электроэнергии. Но, по сути, в Ущелье две электростанции, которые так и называют: Восточная электростанция и Западная.

Великий Создатель ниспослал жителям Финдоса крупицу своего божественного внимания. У Ярого, нового вожака заключенных, не хватило ума в первые часы бунта захватить Ущелье ветров. Без электричества жителям Финдоса пришлось бы крайне худо. Независимому правительству удалось отстоять Восточную электростанцию и спасти столицу от тьмы и холода.

Пока зеки не оправились от бойни на Центральном вокзале, настала пора нанести ответный удар. Если удастся захватить Западную электростанцию и обесточить Глотку, то дни заключенных сочтены. Без электричества встанут вентиляторы и наносы, погаснет свет и накроется система регенерации воздуха. Зеки элементарно задохнутся, если еще раньше не замерзнут.

Главный туннель под дном Ущелья соединяет две электростанции в единую энергосистему. Но пробиться через него на западную сторону невозможно. Главный туннель очень легко защищать. Любая атака неизбежно захлебнется в крови. Командование решило пойти в обход, пересечь Ущелье снаружи и пробиться на Западную электростанцию через аварийный выход. План рискованный, но, в случае удачи, обещает снизить потери на порядок. Вот для чего бойцам Народной армии самообороны понадобились борги.

Последний раз Чаг был в Ущелье ветров на школьной экскурсии. Тогда им показали несколько машинных залов, заставленный мигающей электроникой центральный пульт управления и тот самый главный туннель, который соединяет обе электростанции. А вот на поверхность их не выпустили. Зато сегодня у него будет возможность полюбоваться самыми мощными на планете ветровыми генераторами.

Аварийный выход не оборудован полноценным шлюзом. Так себе: небольшой коридорчик и две двери. Массивные засовы без какой-либо электроники открываются и закрываются большими стальными колесами с четырьмя спицами.

Первая рота выстроилась в длинную колонну. Солдаты по одному выходят наружу. Кислород в коридорах Восточной электростанции стремительно выветривается, зато ударный отряд быстро выбирается наружу. Чаг шагает в общей очереди сразу за Шныком.

Внешняя дверь аварийного выхода утоплена в склон ущелья на пару метров. В небольшой пещере сильная турбулентность. Ветер закручивается самым причудливым образом, зато не валит с ног. А вот на выходе из пещеры пришлось сразу же лечь на землю. Передвигаться по дну ущелья можно исключительно ползком.

За миллионы лет северо-западный ветер прорезал в каменном поясе кратера Финдос узкое ущелье. Если сегодня в относительно тихую погоду ветер все равно валит с ног, то в бурю он может запросто подхватить многотонный вездеход и выдуть его из ущелья, словно пушинку.

Чаг осторожно лег на землю. Впереди мелькают пятки Шныка, еще дальше ранцы жизнеобеспечения солдат второго взвода. Серые фигуры слишком хорошо заметны на красноватом камне. Перебирая руками и ногами, упираясь в малейшие выступы локтями и ступнями, Чаг терпеливо ползет вперед и только вперед. До противоположного склона пятьсот метров. Расстояние не маленькое, но не зря же Киборг гонял их столь долго и упорно. Вот уж действительно: тяжело в ученье, легко в бою.

Ветер давит на уши монотонным воем. Зато не валит с ног и не тащит по камням. Сегодня второй день весеннего месяца. Температура воздуха едва-едва перевалила за нулевую отметку. Снег осел и уплотнился. Где-то через неделю он начнет таять. Но в Ущелье снег отсутствует начисто. Буйный ветер выносит все без малейшего остатка. Даже в искусственной пещере перед аварийным выходом чисто, как в операционной.

День перевалил на вторую половину. Дно ущелья накрыла тень. Туши ветровых генераторов похожи на гигантские личинки тутового шелкопряда, которые, словно солдаты, выстроились двумя рядами. Широкие лопасти вращаются в прочных коконах из армированного бетона.

Терпении и еще раз терпение. Чаг монотонно перебирает руками и ногами. Дрожать перед боем некогда. Доползти бы, для начала. Чаг подтянулся в очередной раз, но неожиданно ткнулся забралом в ботинок друга. Какого черта Шнык замер прямо посреди дороги?

Спросить бы, но нельзя. Приказ Киборга строг: до контакта с противником никаких радиопереговоров. Чаг слегка приподнялся на руках. Противных ветер тут же толкнул в бок и едва не опрокинул на спину.

До западного склона каких-то пятьдесят метров. На полированной скале чернеет провал пещеры. Значит рота уже дошла до аварийного выхода Западной электростанции. Из провала выскочили и тут же упали на землю синие фигуры.

Блин! Чаг вновь распластался по земле. Ну нельзя же быть таким тупым. Зеки не на столько глупы, чтобы оставить аварийный выход открытым. Поди, охрана с той стороны приставлена. Единственный способ быстро попасть во внутрь — взорвать стальные двери к чертовой матери. Для чего Киборг прикомандировал двух гражданских подрывников. Это они выскочили из пещеры. Значит...

Из пещеры с грохотом вылетел столб дыма. Ветер тут же подхватил его и размазал по стене ущелья. Первая дверь взорвана. Осталась еще одна.

Снова подрывники в синих боргах и... второй взрыв. Путь свободен.

— Внимание! — радиоканал донес голос Киборга. — Пошли! Пошли!

Масса солдат пришла в движение. Передние ряды медленно, слишком медленно, потянулись в черный провал пещеры. Да что они там возятся! От нетерпения Чаг заскрежетал пальцам по земле. Животы в землю упираются? Так и подмывает вскочить на ноги и ринуться на штурм, но нельзя. Загрохотали первые выстрелы.

Что пороховой автомат, что электромагнитный — на слух не разобрать. Первый грохочет из-за резкого расширения пороховых газов. У второго никаких газов нет, зато крошечная пуля с преогромным щелчком пробивает звуковой барьер.

У аварийного выхода нешуточный бой. Но поток наступающих не остановить. Все больше и больше солдат заползает в искусственную пещерку и вскакивает на ноги.

Чаг подполз к аварийному выходу. Наконец ветер не толкает монотонно в бок, а вертится вокругволчком. Рывком на ноги. Автомат из-за спины в руки. Подождать, пока в

дырку вместо дверей протиснется Шнык... И во всю прыть следом!

Узкий аварийный выход, а за ним широкий коридор. Черт!!! Налево на полу два скорченных тела. Серые борги. Проклятье! Первые потери. Двое храбрецов наткнулись на зеков, но не отступили, не закупорили узкий проход, а приняли героическую смерть. Глубже в коридоре валяется зек в красной робе. Чуть дальше еще один. Мертвым не помочь. Вперед и только вперед.

Задача первого взвода пройти по широкому коридору первого уровня и блокировать отряд зеков в главном туннеле под дном ущелья. В том направлении отдельные выстрелы слились в сплошной гул. Черный дым — ни черта не видать. Чаг прибавил скорости. Ему на лево, вверх по лестнице.

Пролет. Еще пролет. На площадке второго уровня труп в красной робе. Рядом солдат из второго взвода. Боец, зажав рукой рану в бедре, пытается вытащить из разгрузки медпакет. Сквозь пальцы сочится кровь. Ранение по виду страшное, но не серьезно. Раненый мотает головой и упорно отказывается от помощи товарищей — ему видней.

Бойцы второго взвода убегают в широкий коридор. Их задача пробиться к центральному пульту управления и захватить его. Только оттуда можно погасить Западную электростанцию. Два гражданских спеца остановят генераторы и поставят аварийные накопители на разрядку. Чаг по инерции рванул со всеми, но вовремя спохватился. Ему выше, на третий уровень.

Чаг выскочил на площадку между вторым и третьим уровнями и замер в одиночестве. Или он очень здорово обогнал товарищей по взводу, или те, кто бежал перед ним, все же завернули на второй уровень.

— Третий взвод! — командный голос Лешего стряхнул неуверенность. — За мной! На третий уровень!

А вот и командир. Высокий, тощий, с длинными руками, но такой внушительный.

Ручей солдат сменил направление. Из глубин второго уровня обратно на лестницу пробирается Шнык — убежал все же. Впрочем, Чаг оглянулся, он больше не один. Вперед, и только вперед.

Чаг в несколько прыжков преодолел последний пролет и выбежал в широкий коридор на третьем уровне. Впереди на пару сотен метров открытое пространство.

Бежать по середине широкого прохода — самый верный способ нарваться на шальную пулю. По стеночке, по стеночке, только по стеночке. Леший повернул на лево, значит нужно на право. Стрелять, когда правый локоть скребется о бетонную стенку, не очень удобно. Но сила отряда во взаимодействии.

Широкий коридор хорошо освещен. Длинные лампы под сводчатым потолком заливают пространство белым светом. С правой стороны стальные двери с закругленными концами. Но вот одна из них распахнулась. Из-за края неуверенно высунулся черный ствол.

Черт побери, это же классика. Чаг с ходу всадил в дверь короткую очередь. Ствол исчез.

Боевые пули — это вам не краска в пластике. Ряд дырочек перечеркнул дверь от края до края. Чаг с ходу пнул ее ногой.

Сильный хлопок. Дверь с треском захлопнулась. За ней шлепок упавшего тела... Чаг ухватился за прямоугольную ручку и резко затормозил. Плечевой сустав огрызнулся болью.

Точно! Внутри, в узком коридорчике, валяется зек. Левая рука зажимает бок, а правая пытается поднять автомат.

Чаг всадил в лицо врага короткую очередь. Стальные пули разнесли голову

заклоченного вдребезги. Кровавые кляксы запачкали стены. Правая рука убитого бухнулась на пол вместе с автоматом.

Узкий коридор ведет в машзал ветряка на склоне ущелья, зачищать его некогда. Но! Чаг заскочил в коридорчик и присел возле убитого. Электромагнитный автомат слишком ценный трофей, чтобы просто так бросить его. Еще боеприпасы. Стараясь не испачкать руки в крови, Чаг похлопал по карманам убитого. Бинго! Из левого кармана Чаг вытащил полный магазин. Во удача! А теперь бежать дальше. Чаг вышел в широкий коридор и аккуратно прикрыл за собой округлую дверь.

Пока возился с зеком, Леший и еще несколько солдат добежали до входа в главный энерготуннель и заняли возле него оборону. Одиночными выстрелами пугают кого-то на том конце широкого коридора. Чаг предусмотрительно перебежал на левую сторону и через неприметную дверь с закругленными углами первым заскочил в энерготуннель.

Господи! Как солдаты зеки вообще никакие. Несколько красных фигур постыдно улепетывают вдаль по туннелю. Да если б хотя бы один из них остался у входа... Чаг присел на колено и перевел автомат на одиночный огонь.

Как в тире: на светлом фоне контрастные фигуры. Через оптику спина последнего как на ладони. Вдох, выдох — унять дыхание. А теперь... Чаг плавно нажал на курок. А потом еще и еще раз.

Грохот выстрелов прокатился по замкнутому пространству. Бегущая впереди фигурка кувырнулась на пол. Один готов! Но, во засада, остальные благополучно завернули за угол.

Эх! Сейчас бы вскочить на ноги и с дикими воплями рвануть следом. Погоня — самая любимая часть в игровом сражении. Особенно, когда бегаешь быстрее многих. Но вбитые в пейнтболе рефлексy удержали на месте. Скакать вдаль в гордом одиночестве — еще один верный способ нарваться на пулю. Территорию, будь то коридор, комната, или ложбинку с валунами, нужно зачищать вдвоем и только вдвоем. Один бежит, другой прикрывает.

За спиной хлопнула дверь.

— Ну, Непоседа! Ну ты и бегать!

Рядом, словно загнанным пес, шумно присел Шнык. Как более грузный и медлительный, друг только сейчас добрался до главного энерготуннеля.

— Кушать меньше надо, уважаемый, — ответил Чаг. — Я пошел. Прикрывай.

Чаг поднялся на ноги и осторожно двинулся вперед. Пусть Шнык немного восстановит дыхание. Метров через двадцать Чаг остановился и присел на одно колено. Автомат наизготовку к стрельбе. Дальний поворот на мушке.

Пока все тихо. Через оптику отлично видно, как толстые кабели на том конце туннеля заворачивают налево. По краю зрения серой тенью выдвинулся вперед Шнык. В свою очередь напарник присел на колено и взял поворот на прицел.

Вот как надо воевать. Перекатами, перекатами, взаимно прикрывая друг друга, Чаг с напарником продвинулись в глубь энерготуннеля. До поворота осталось метров пятьдесят, как вдруг из-за угла высунулся черный ствол. Загрохотали одиночные выстрелы, Шнык открыл огонь. Чаг резко присел и дернулся в сторону под высоковольтные кабели. Черный ствол исчез.

Ясно, как божий день — за поворотом зеки заняли таки оборону. Все, что остается — в свою очередь занять оборону и не дать зекам высунуться из-за угла.

Предел наступления достигнут. Для полной гарантии командование решило взорвать главный энерготуннель. Даже если зеки каким-то чудом запустят Западную

электростанцию, то передать энергию в Глотку все равно не смогут. Задача третьего взвода — взять под контроль третий уровень и вход в энерготуннель.

Чаг оглянулся. Входная дверь темнеет где-то далеко позади. Еще несколько солдат в серых боргах залегли вдоль стен. Пара синих фигур суется у входа. Гражданские подрывники закладывают заряды. Они же взорвали двери аварийного выхода.

Чаг лежит под высоковольтными кабелями. Ранец жизнеобеспечения упирается в дубовую изоляцию. Наконец нашлось время рассмотреть энерготуннель получше. Высоковольтные кабели, похожие на черные трубы, тянутся в несколько ярусов вдоль стен и пропадают за поворотом. Чаг невольно вздохнул.

Медные кабели в пластиковой оболочке — позапрошое тысячелетие, медный век. Тонкая нитка высокотемпературного сверхпроводника легко заменила бы их всех. Ну две нитки для резерва. Но! Даже низкотемпературные сверхпроводники запрещенная на Дайзен-2 технология. Зато меди, вон, полно.

Как объяснил отец, от высокотемпературных сверхпроводников всего один шаг до накопителей огромной мощности и электромагнитного оружия. Если добавить еще пар тройку запрещенных на Дайзен-2 технологий, то можно было бы создать вирт-привод и построить полноценный космический корабль. А это уже прямая угроза Мирему. И не важно, что чисто гипотетическая. Метрополия все равно будет против.

Терпение — вторая по важности добродетель. Главную задачу третий взвод выполнил. По крайней мере, зеки даже не пытаются выбить их из туннеля. Или ждут подкрепление из Глотки? А что у других взводов?

В туннеле тишина. Снаружи ни выстрелов, ни прочих звуков. Прямую связь с Киборгом имеет только Леший, командир третьего взвода. Тут же, словно отвечая на вопрос, сквозь плотную ткань борга Чаг почувствовал, как перестали дрожать высоковольтные кабели над его спиной. Второй взвод выполнил поставленную задачу: центральный пульт управления захвачен. Западная электростанция остановлена, Глотка осталась без электричества. Ну все, Чаг крепче сжал автомат, теперь зекам хана! Пусть дышат собственным дерьмом.

Радость переполняет душу. Так и хочется открыть забрало и крикнуть тем простофилям за поворотом что-нибудь гадкое и очень обидное. Но нельзя. Надо ждать приказ на отступление.

Через оптику видна каждая бетонная крошка по углам туннеля и ребристые следы ботинок на пыльном полу. Хотя... Храбрость — самая первая солдатская добродетель. Из-под руки убитого зека торчит приклад электромагнитного автомата. Ну не оставлять же кретинам в красном такое оружие.

Чаг положил «Марку» на бетонный пол и стащил со спины трофейный автомат. Короткий бросок и оружие ткнулось в плечо друга.

— Шнык! Вынеси, — попросил Чаг. — Там, впереди, еще один. Достану.

— Ты что? С ума сошел? — возмутился Шнык, но все же подобрал переброшенный автомат. — Вот-вот отступить будем.

— Из того ствола они много наших завалить могут, — упрямо возразил Чаг. — Прикрой. Я пошел.

Каблуки убитого, словно огоньки в крошечной тьме, тянут и тянут к себе. Попластунски, будто желая слиться с бетонным полом в единое целое, Чаг все ближе и ближе подбирается к убитому.

Страшно? Еще как! Но... Азарт. Азарт солдата и азарт охотника в одном флаконе.

Наверно с такими же чувствами древний воин подбирался к стану врага.

Наконец Чаг ухватил убитого за каблук и потянул на себя. Зек, будто большая кукла, нехотя зашевелился и развернулся боком. А вот и автомат! Последний рывок... Чаг дотянулся пальчиками до приклада...

Грохот выстрелов и свист пуль прямо над головой. Чаг резко пригнулся. Подбородок шлема гулко стукнулся о бетонный пол. Из-за поворота мелькнул красный рукав. Что-то шлепнулось в полуметре.

е-е-е!!! Чаг резко отдернул руку. Самопальная граната: в кусок взрывчатки воткнут запал с огнепроводным шнурком. Крошечный огонек, щедро разбрызгивая искры, торопливо пожирает серый шнурок. Еще немного и доберется до запала.

Все мысли из головы вон. Чаг дернулся всем телом вперед и поймал в кулак желтый огонек. Судорожный рывок назад. Запал на лету выскочил из взрывчатки. Заряд тротила улетел назад по туннелю. Желтый огонек вышел из кулака. Запал шлепнулся на высоковольтные кабели и хлопнул маленьким взрывом.

Тунн, высокий бородатый мужик в волчьей шкуре, мифическое воплощение духа смерти, присел рядом и посмотрел в глаза. Но! Великий Создатель уберег от верной смерти. Тунн улыбнулся, хлопнул по плечу и пропал.

— Ну ты даешь! — вопль друга вывел из оцепенения. — Чаг! Хватай автомат и вали от туда!!!

Чаг, тяжело дыша, вытащил из-под убитого автомат. Да чтоб теперь! Да чтоб оставить! Патроны? Хрен с ними! Пусть подавятся. Нельзя дергать Туна за густую бороду дважды. Второго шанса может и не быть.

— Внимание! Третий взвод! Покинуть главный энерготуннель!

Долгожданная команда на отступление. Не останавливаясь, Чаг пополз дальше. Метров через двадцать остановился и развернулся.

— Шнык! Уходи! — выкрикнул Чаг.

«Отступление — это вам не паническое бегство, а важный тактический маневр. Не менее важный, чем наступление. В чем-то даже более сложный и опасный». В голове, помимо воли, всплыли наставления Киборга.

Перекат за перекатом, прикрывая друг друга, солдаты третьего взвода покинули главный энерготуннель. Чаг выбрался последним. Округлая дверь захлопнулась за его спиной.

— Все? — спросил Леший.

— Так точно, — ответил Чаг.

— Всем отойти от туннеля! — скомандовал Леший.

Чаг отбежал метров на сорок, когда позади грохнул взрыв. Пол дернулся под ногами, над головой мигнул свет, а запирающая туннель дверь с треском вылетела в коридор. Третий взвод выполнил задание и отступил к лестнице.

— Шнык — за старшего. Ты, ты и ты, — Леший ткнул пальцем в Чага, — держать оборону. Остальные за мной.

Все правильно: для прикрытия одной двери вполне достаточно четырех солдат. Чаг залег позади Шныка. Широкий коридор третьего уровня великолепно простреливается на всю длину. Любой, кто вздумает гулять по нему, получит полю в лоб. Но! Какая досада: опять сидеть, ждать и нервничать!

Леший увел взвод туда, где по прежнему кипит бой. По радиоканалу долетают короткие

команды командира и отзывы солдат. Как нож в сердце, когда раздаются крики раненых товарищей.

За плечами болтается такой трофей. Лучший способ побороть дьявольское искушение — поддаться ему. Заодно поможет отвлечься от дурных мыслей. Чаг стащил со спины электромагнитный автомат и посмотрел в окуляр прицела...

Да-а-а! Не сравнить. После простейшей оптики «Марки», прицел настоящего боевого автомата кажется вершиной совершенства. Не напрягая глаза, в мельчайших подробностях, можно легко рассмотреть дверь на противоположном конце длинного коридора. Пострелять бы еще. Чаг повернул автомат на бок. Счетчик пуль замер на числе тринадцать. Что ни говори — фатальное количество для предыдущего владельца.

— Охранение на лестнице, третий уровень. Отходите!

Пара минут и отдых закончен. На том конце широкого коридора так никто и не появился. Чаг со вздохом закинул электромагнитный автомат за спину. Проверить в деле крутое оружие не удалось. А жаль. Чертовски жаль.

Чаг с товарищами спустился на первый уровень. Сразу на ними отошла четверка бойцов со второго уровня. Значит и второй взвод выполнил поставленное задание.

Вот где развернулся самый жаркий бой. Широкий коридор первого уровня залит кровью. По желтым плиткам протянулись кровавые дорожки. Но ни трупов, ни раненых не видно. Десяток солдат сидит вдоль стен и методично отстреливают возникающие в глубине коридора фигуры. Зеки, злые от поражения, безбожно тратят боеприпасы. Пули яркими вспышками искр отскакивают от стен.

Эх! Чаг с завистью взглянул на бойцов первого взвода. Задержаться бы и расстрелять парочку магазинов. Из собственного боекомплекта удалось израсходовать едва треть.

— Всеобщее отступление. Прикрытию отойти к аварийному выходу.

Приказ Лешего подстегнул Чага.

В момент, когда стрельба со стороны зеков чуть смолкла, Чаг рывком перескочил на противоположную сторону. А черт! Ступни проскользнули по кровавой дорожке. Умение быстро ползать и еще быстрее бегать на этот раз сыграло против него — Чаг первым из всех оставшихся на Западной электростанции добежал до аварийного выхода и выскочил наружу. Злой ветер тут же толкнул в бок и едва не опрокинул на спину.

Кажется, будто провоевал на Западной электростанции полжизни. На деле не прошло и часа. Чаг пополз прочь от аварийного выхода. Метрах в двадцати от искусственной пещеры лежат солдаты. Ясно — прикрытие. Для него лично бой окончен. Все, что остается — вернуться на Восточную электростанцию.

На половине пути Чаг неожиданно остановился, будто ткнулся лбом в невидимую стену. В голову полезли шальные мысли.

Еще в «Песчаной буре», гоня друзей и сверстников пластиковыми пулями, много раз задавал сам себе вопрос: могу ли при необходимости убить человека? На Центральном вокзале была огромная толпа заключенных. Пара полных магазинов ушла влет. Если не считать самой первой очереди, то прочие пули, быстрее всего, нашли цель. Но... там стрелял как бы во всех сразу, и ни в кого конкретно. А здесь собственноручно пристрелил двоих... Если первый еще как-то мог представлять опасность, то второй зек банально спасал собственную шкуру. И... Ничего. Никакой реакции. Как разбить пару яиц, чтобы приготовить яичницу.

— Что встал? — сзади подполз Шнык. — Давай! Шевели конечностями.

Секундное оцепенение прошло. Чаг пополз дальше по каменистому дну Ущелья ветров. С другой стороны, извращенного удовольствия то же не было — хороший признак. Визит к мозговеду можно отложить на неопределенное время.

Заклученные не стали преследовать уходящий отряд. Легко догадаться почему: защитных костюмов у обитателей Глотки просто нет. А если и есть, то в очень малом количестве.

Как несколько позже на разборе полетов поведал Киборг, налет на Западную электростанцию удался целиком и полностью. Заклученные не ждали серьезной атаки со стороны аварийного выхода и оставили возле него символический караул из трех-четырех зеков. Основные силы, примерно две сотни бунтовщиков, сидели в центральном туннеле под ветровыми генераторами на дне ущелья.

Второй взвод с ходу захватил центральный пульт управления. Гражданские специалисты остановили ветряки Западной электростанции, поставили на разрядку аварийные накопители энергии и полностью обесточили Глотку. А то, что главный энерготуннель взорван, Чаг видел собственными глазами.

Первому взводу удалось блокировать главные силы зеков в туннеле под дном ущелья. Но и цена за успех уплачена не малая. Из тридцати пяти человек уцелело пятеро. Десять погибло на месте, остальных ранило. Всего первая рота Народной армии потеряла семнадцать убитыми и еще тридцать семь ранеными. Но главная цель все же была достигнута: тюрьма Глот обесточена целиком и полностью. У зеков не хватит ни знаний, ни возможностей, ни времени чтобы восстановить энерготуннель и запустить в работу хотя бы один ветровой генератор. Заклученные проиграли.

Окончательная победа вопрос нескольких дней. Крайний срок — неделя. Но, как гласит народная мудрость, опасно загонять крысу в угол. Больше сорока тысяч заклученных по прежнему на свободе, но уже без воздуха и надежд на будущее. Напоследок они могут выкинуть такое, чему удивится сам Великий Создатель.

Глава 17. Штурм отчаянья

К великой радости Чага, после удачного налета на Западную электростанцию первую роту Народной армии отправили на отдых. Независимое правительство переоборудовало школьный спортзал под казарму.

Чаг с превеликим удовольствием стянул провонявший потом борг и вымылся в душе под струями горячей воды. В школьной столовой их накормили очень вкусным обедом. Чистый и сытый Чаг моментально уснул на верхней койке. Нижнюю занял Шнык. Нужно отдать должное: Независимое правительство заботится о своей армии. Очень даже хорошо заботится.

Следующий день начался с торжества бюрократии. Чаг написал заявление и официально был зачислен в третий взвод первой роты Народной армии самообороны Дайзен-2. Тогда же в переоборудованный спортзал прибыло подкрепление.

Как-то неловко, когда взрослые мужики 28–30 стандартных лет смотрят на тебя с таким уважением. Чувствуешь себя эдаким ветераном, чья грудь занавешена орденами и медалями. Хотя, если прикинуть, он и в самом деле ветеран.

За более чем трехсотлетнюю историю Дайзен-2 не знал ни войн, ни восстаний. Тогда как Чаг побывал в самой настоящей перестрелке, прошел через две боевые операции и пристрелил с десятков зеков. Что особенно важно — остался цел и невредим. А подобными достижениями мало кто из жителей Дайзен-2 может похвастаться. Очень мало.

От новичков Чаг узнал последние новости. Правительство активно собирает армию. За прошедшие сутки могли бы сформировать хоть целый полк. Но... все упирается в оружие, точнее, в его нехватку. Витус Подис, начальник технической службы Финдоса, сдержал слово и наладил выпуск пороховых патронов. По крайней мере, проблем с боеприпасами не будет.

Блаженный отдых пролетел как сладкий сон — быстро и незаметно. Солдатам первой роты дали перевести дух, вымыться, выспаться и поесть по-человечески. А уже утром следующего дня их снова отправили на передовую. Война еще не закончена. Обреченные на вымирание заключенные не думают сдаваться. Ярый, вожак зеков, хранит упорное молчание.

На четвертый день войны третий взвод расположился на «Площади простор» в некогда уютном ресторанчике с романтическим названием «Прекрасная даль». Владельцы ресторана заранее позаботились о возможных убытках и сняли от греха подальше стекла с витрин и окон, а из полукруглого зала убрали столы и стулья. Голые стены уныло напоминают о былой роскоши. Вон там, на гвоздиках, висел огромный ковер. На той стене — большие часы под старину. А на потолке, вместо хрустальных люстр, остались голые крючки.

Чаг лежит на полу и лениво смотрит на большое панорамное окно на противоположной стороне площади. Командование не без оснований считает это направление наиболее опасным. По этой же причине вместо черной формы им вновь пришлось надеть серые борги. Пусть специальный костюм для выхода на поверхность давно стал второй кожей, но таскать на себе лишние 18 кило не сахар.

Финдос построен под огромной горой. Единственное «окно» большого города находится здесь, на Площади простора. Подняться по южному склону и пробиться через закаленное стекло нетрудно. Что не могут сделать дожди и бури, то запросто осилит пара

десятков килограммов тротила. Недаром Площадь простора прикрывает целый взвод. Для большей надежности широкие выходы на площадь наглухо закупорены стальными воротами.

Чего никогда не было в пейнтбольном клубе, так это караулов. Подготовка к обороне закончена: гражданское население из прилегающих домов эвакуировано, огневые точки обустроены. Чаг точно знает куда бежать, где именно его позиция и как уходить в случае всеобщего отступления. Но это все мелочи. Кто бы мог подумать: два часа в карауле длинней двух недель мирной жизни.

Скукотища, ей-богу! Закаленное стекло панорамного окна слишком прочное, чтобы незаметно вырезать в нем маленькую дырочку и просочиться на Площадь простора. Но приказ есть приказ. Приказано караулить, приказано ходить вдоль окна и обозревать красноватый простор по ту сторону... Значит, ходи и обозревай!

— Шнык, как думаешь — зеки и впрямь пойдут на еще один штурм Финдоса? — спросил Чаг.

Ничего неделанье располагает к продолжительным беседам ни о чем. В том числе на самые пространные и гипотетические темы. Шнык, сидя на пустом ящике, убежденно ответил:

— Очень даже пойдут.

— Откуда такая уверенность? — лениво поинтересовался Чаг.

— Видишь ли, — протянул Шнык, — раньше мой отец часто бывал в Глотке, продукты в буфет и в столовую возил. Ему довелось довольно плотно пообщаться как с работниками тюрьмы, так и с их клиентами, так сказать. Папа узнал много чего интересного...

— Шнык, ради бога, не тяни. Говори короче и по существу, — поторопил Чаг.

Просьба далеко не лишняя. Шнык обожает разводить философию на пустом месте. Если его вовремя не одернуть, то он может запросто начать рассуждать о смысле жизни и об особенностях питания канареек. Причем одновременно.

— Ну, если совсем коротко, — Шнык постарался не обидеться, — то зеками верховодят так называемые блатные и авторитет. По сравнению с огромной массой роботов, их совсем мало, от силы штука или две.

— Э! Постой. Что за «роботы»?

Чаг никогда не интересовался тюремным жаргоном и уголовной субкультурой в целом.

— Так в Глотке называют тех, кто исправно работает на руднике и тихо тащит трудовые повинности. Это от созвучия слов «робот» и «работа». Да! Очень важно — блатные не работают из принципа. Так вот. Если верить моему отцу, то этим самым блатным терять совершенно нечего. Они не могут просто так выйти, задрать лапки и сдаться на милость победителей. Они заварили эту кашу, подняли Глотку на дыбы и сперли шестерых гражданских. Если витус Тонк пообещал за гибель одного заложника расстрелять сотню заключенных, то догадайся: кого в первую очередь поставят к стенке?

— Это точно, — согласился Чаг.

По ту сторону панорамного окна в самом разгаре ясный день. Дайзен едва преодолел полдень. Часа через три светило опустится за горами далеко на западе. Ну а пока через панорамное окно действительно видна прекрасная даль.

Кажется, будто внутри кратер Финдос ровный, как стол. Но на деле это не так. В двенадцати километрах от города каменистая равнина резко обрывается вниз. Миллионы лет назад южная часть кратера просела метров на сто. Так появился Большой излом, исполинская ступенька с отвесными стенами. Первые поселенцы могли бы проявить больше

фантазии. В географических названиях и так хватает частей света. Но! Что было, то было. Приподнятая часть кратера Финдос отважные предки назвали Северным плоскогорьем.

Из панорамного окна исполинской ступеньки не видно. Только где-то там, далеко-далеко на юге, угадывается остроконечный конус горы Дошар. Исполинский вулкан находится в центре еще более исполинского кратера.

Говорят, красноватый пейзаж с каменистой равниной и голыми скалами удручающе действует на выходцев с Мирема. Еще одна причина пропустить стопарик до обеда и вообще забить на работу. Вживую Чаг никогда не видел зеленых просторов Мирема, сверкающих снежной белизной гор и нежно-зеленой глади океана. Только картинки в учебнике по истории да кадры документальных фильмов по телевизору. Чаг родился и вырос на Дайзен-2. Унылый красноватый пейзаж за широким панорамным окном ему во сто крат милее зеленых рощ и посыпанных круглой галькой тропинок в ботаническом саду по ту сторону телеэкрана.

Но что это? Чаг пару раз энергично моргнул. Прекрасный вид пустыни испортили размытые силуэты. С площади долетел вопль караульного:

— Тревога!!! Нас атакуют!!!

Цепочка маленьких взрывов исполинским эхом слилась в один большой взрыв. Панорамное окно помутнело, растрескалось и осыпалось вовнутрь площади звенящим водопадом. Путь для наступления открыт.

Чаг едва успел шлепнуться возле окна и снять автомат с предохранителя, как на той стороне площади показались красные фигуры. Чаг тут же открыл прицельную стрельбу. Три сотни метров — расстояние вполне приличное. Но вслед за первыми фигурами на Площадь простора буквально хлынул поток заключенных.

Глаза от удивления едва не выпрыгнули из глазниц. Большой палец правой руки деловито перевел переключатель на автоматический огонь. Чаг перешел на стрельбу короткими очередями: боеприпасы еще понадобятся. Третий взвод вступил в бой. Сорок стволов поливают площадь стальными пулями.

Но зеки селевым потоком, вопреки законам гравитации и самосохранения, с еще большим напором вливаются на Площадь простора. Заключенные сотнями спрыгивают с разбитого окна и с дикими воплями бегут прямо на плюющие огнем автоматы.

Стальные пули косят наступающих десятками. Но на место одного убитого из взорванного окна тут же выпрыгивает еще пять. Не обращая внимания на плотный огонь, зеки с упорством безумных прутся на засевших в ресторане бойцов Народной армии.

Чаг влет расстрелял первый магазин. Второй. Третий. Воткнул четвертый — никакого результата. Расстояние до бегущих зеков стремительно сокращается.

— Внимание! Третий взвод! Отступаем!

Приказ командира пролетел мимо сознания. Это не война — это бойня! Игра в одни ворота, в ответ ни одного выстрела. Четвертый магазин стремительно опустел. Чаг полез в карман разгрузки за пятым.

— Непоседа!

Грубый удар по голове отрезвил Чага. Пустой магазин выскользнул из рук.

— Уходим!

Шнык уже возле барной стойки. А в зале ресторана, Чаг оглянулся, никого. Ушли. Все ушли. Отступили. Едва не остался один.

Чаг рванул прочь от окна и с ходу перемахнул через барную стойку. За не приметной

дверью кухня. На стенах белый кафель, а посередине широкие плиты. Шнык уже на другой стороне в раскрытом настежь проеме. Едва Чаг обогнул вторую плиту, как Шнык коротким жестом велел пригнуться. Чаг упал на пол.

Грохот выстрелов и свист пуль. За спиной крики и шлепки падающих тел. Чага пронесло по скользкому полу в распахнутую дверь. Прямо на четвереньках он выскочил в коридор. Шнык тут же с грохотом захлопнул дверь.

— Уходим! — бросил Шнык.

Напоследок приятель опрокинул на запертую дверь широкий шкаф. Стальные подносы с грохотом посыпались на пол.

За поворотом, в полу, раскрытый на обе створки люк, вход в технический туннель под рестораном. Чаг едва не свалился в прямоугольную дыру. Но в последний момент притормозил, развернулся и соскользнул по воткнутым в бетон скобам. Следом, едва не отдавив пальцы, спустился Шнык. Напарник по-деловому прихватил обе створки и захлопнул люк.

В туннеле тусклая лампочка едва освещает рыжие от ржавчины трубы и пыльные кабели. Узкий проход теряется во тьме, но заблудиться невозможно. Не зря Леший заставил всех и каждого несколько раз прорепетировать отход из ресторана. Главное не бежать в полный рост. А то можно запросто долбануться о невидимые в темноте трубы.

У стены шевельнулась тень.

— Что встали? Давайте отсюда! Ваши ушли уже.

Слава богу! Сердце испуганно екнуло. Свои.

Согласно плану, первое отделение караулит этот самый туннель. Второе перекрывает Смотровую улицу, а третье — Шунтовую. Значит, нужно поворачивать направо. Без прежней спешки Чаг пошел дальше.

Впереди маячит выход наружу. Через квадратный люк Чаг выбрался на улицу. После чернильной темноты яркий свет под сводом большого туннеля слепит глаза.

— Непоседа!

У дома напротив стоит Шнык.

— Жми сюда! Здесь засядем.

Чаг, как самый шустрый и легконогий, обычно оказывается впереди всех. Но на этот раз он последним выскочил из ресторана и последним из всего отделения добрался до Шунтовой улицы. Тяжеловесный Шнык и то обошел его на повороте в туннеле под рестораном — какой удар по репутации.

Чаг забежал в дом.

— Давай! Помогай! — Шнык показал на прихожую.

На пару они сдвинули отделанную под дерево прихожую и забаррикадировали входную дверь. Для надежности Чаг подтащил кресло и подпер длинный, с вешалками, шкаф. Но Шнык махнул рукой:

— Брось, Непоседа. Здесь еще окна — не поможет. Пошли наверх!

Первый городской уровень не зря считается самым престижным. Жилые дома на Шунтовой улице сплошь двухэтажные, в каждом по десятку просторных комнат. Лучше всего занять оборону на втором этаже.

Наверху, в широком коридоре, их ждут четверо товарищей по отделению. Остальные шестеро засели в доме напротив. Шнык, ткнув пальцем в сторону лестницы, коротко приказал:

— Заваливаем!

Все, что нашлось на втором этаже, полетело на лестницу. Шкаф из гостиной рухнул вниз со страшным грохотом. Из распахнутых дверок вылетела батарея тарелок и стаканов. Следом полетели стулья, круглый столик и тяжелый горшок с каким-то колючим растением — вот хозяйка расстроится. Чаг наспех свернул пушистый ковер и бросил в общую кучу. Остальные бойцы приволокли из соседних комнат пару шкафов, письменный стол и еще больше стульев. На месте лестницы выросла гора наваленной второпях мебели.

— Вы, — Шнык ткнул пальцем в четверых солдат, — давайте в ту комнату. Мы останемся здесь, заодно прикроем лестницу. Не забудьте сдернуть занавески и снять окна. Все! Пошли!

Это правильно. Занавески будут только мешать. Чаг без малейшей жалости дернул на себя лиловую ткань. На него тут же рухнул карниз. Круглый набалдашник звонко стукнул по шлему. Коварный карниз улетел в общую кучу на лестницу. Осталось открыть окно и снять створки.

Сопя от натуги, Шнык снял с петель оконную створку и поставил на пол. Физической силой Чаг похвастаться не может, остается оттаскивать снятые створки поглубже в дом. Последняя, во зараза, шлепнулась на пол. Острые осколки со звоном разлетелись. Да уж лучше здесь, в конце коридора, чем от шальной пули на подоконнике.

Худо-бедно дом к обороне готов. Чаг осторожно выглянул на улицу. Тишина. Противника не видно. Стальные ворота по-прежнему надежно перекрывают выход с Площади простора, но вряд ли надолго. Быстрее всего повторится сценарий с туннелем № 2 на Центральном вокзале. Чаг присел на подоконник.

Не так, совсем не так полагается готовить жилой дом к обороне. Нужно вынести из комнат все, что только может гореть или биться. Окна заложить кирпичом или бетонными блоками. В обязательном порядке снести лестницы между этажами. В идеале, заминировать окна и двери на первом этаже и подступы к зданию. Вот только мины в Народную армию еще не завезли.

Никто не думал, не гадал, что вот так, в пожарном порядке, придется сматывать удочки из отлично подготовленного к обороне ресторана на Площади простора. Да и не собирались они переходить на второй рубеж. Так, больше для проформы, разведали пути отхода и наметили наиболее удобные для обороны дома. Но! Глядишь ты. Пригодилось. Все пригодилось!

Сильный взрыв разорвал напряженную тишину. Тяжелые ворота слетели с петель и с грохотом ухнули на проезжую часть. Чаг недовольно поморщился. Как в дурном сериале, ей-богу: опять бурный людской поток выплеснулся наружу. Заключение в красных робах заполнили Шунтовую улицу от края до края. Чаг нажал на спусковой крючок.

Кинжальный огонь из двенадцати автоматов изрядно проредил толпу зеков. Чаг расстрелял пятый магазин, шестой, дошел до седьмого и... никакого толку. Заключение безумным стадом баранов пронесли по Шунтовой улице. На проезжей части и тротуарах остались кучи трупов. Чаг воткнул восьмой магазин и снова выглянул на улицу. Но стрелять больше не в кого. Самое интересное, зеки даже не пытались ворваться в дома, в которых засели солдаты третьего отделения. Они просто пронесли мимо, и все.

— Ну дела... — Чаг опустил автомат. — Да они что — с ума посходили? Это же не война, а скотобойня получается.

— Кажется, я знаю, в чем дело, — Шнык задумчиво разглядывает через оптический

прицел горы трупов. — Непоседа, глянь.

Чаг посмотрел на заваленный трупами тротуар у противоположного дома. Что за хрень? Очень-очень странно. Заключение одеты в привычные красные робы, но... но... Во дают! Ни на одном нет даже жалкого подобия костюма для выхода на поверхность. У подавляющего большинства головы закутаны в обрывки одеял, на руках нечто похожее на рукавицы.

У одного трупа из рукавов высыпались комки упаковочной бумаги. Под простейшими кислородными масками перекошенные предсмертной судорогой лица.

— Превеликий Создатель! — воскликнул Чаг. — Это что же получается?

— Да, Непоседа, именно это, — многозначительно кивнул Шнык.

На календаре четвертый день весеннего месяца. До лета еще далеко, но уже не лютая зима. Сейчас как раз то время, когда в полдень температура наружного воздуха приближается к отметке ноль градусов. А если день яркий и относительно тихий, как сегодня, то температура вполне может перескочить на плюс. Если о-о-очень припрет, то на поверхность планеты реально выйти без борга. Вполне хватит кислородной маски. Но... жители Дайзен-2 не пользуются теплыми вещами.

У Чага в гардеробе нет ни шубы, ни утепленной куртки с капюшоном, ни валенок, ни унт, ни теплых рукавиц на меху, ни вязаного шерстяного свитера. Жители Дайзен-2 выходят на поверхность либо в борге, либо вообще не выходят. Теплые подштанники и меховые шапки абсолютно ни к чему.

У зеков был час, от силы два, чтобы выскочить на поверхность в как попало утепленных робах и пробежать в кислородных масках пять километров по пересеченной местности. Они взорвали панорамное окно как раз в тот момент, когда Дайзен перевалил за полдень и температура наружного воздуха начала стремительно падать. Без борга сорокаградусный мороз и пронизывающий ветер в момент высосут из незащитного тела остатки тепла.

Холодная тюрьма без света и отопления не оставила зекам иного выбора. Блатным, которых в случае сдачи ждет расстрел, не пришлось выгонять из Глотки трудяг роботов. Заключение сами поперли на плюющие смертью автоматы. Даже подгонять никого не пришлось.

Грохот выстрелов отвлек от мрачных рассуждений. Чаг выглянул в окно. Что? Вторая волна смертников? Нет — улица пуста. Хотя... не совсем. Несколько заключенных в синих бортах пытаются незаметно выбраться с Площади простора. Самое паршивое, у каждого в руках электромагнитный автомат. Блатные выгнали роботов на убой, а сами все же обзавелись полноценными бортами и электромагнитным оружием.

— Черта лысого! — Чаг перевел рычажок выбора огня на одиночные.

Через снайперский прицел фигура в синем борге будто в паре метров. Блатной пугливо жмется к стене дома на противоположной стороне улицы. Боится, значит. Трусит жутко. Еле-еле передвигает полусогнутые ноги. Чаг навел перекрестье прицела на грудь блатного.

Выстрел.

Второй.

Третий.

Блатной бесформенной массой сполз по стене и повалился на тротуар. На синем борге проступили красные пятна.

Автоматная очередь и треск раздираемого в крошку бетона. Чаг резко отдернулся в глубь дома. Ну конечно! Это не безоружные роботы. Блатные не лезут напролом, а пытаются

подавить засевших в домах защитников. Чаг осторожно выглянул наружу.

Никого. Тюремная элита не горит желанием попасть под ответный огонь. Борг шит из крепкой металлизированной ткани, но не настолько же крепкой.

Стальные пули без проблем понаделали в блатном дырок.

Чаг вместе с товарищами по отделению прицельно отстреливается одиночными. Главное — не дать блатным сбежать с площади.

Стрельба у выхода на Площадь простора в очередной раз стихла. Но из глубин города долетают раскаты автоматных очередей. На том конце Шунтовой улицы, куда удрали заключенные, идет самый настоящий бой. Шнык рассеял последние сомнения.

— Внимание! Леший говорит: большая толпа заключенных отступает по Шунтовой в сторону Площади простора. Приказывает огонь не открывать. Дать заключенным выйти на площадь.

— Отлично придумано, — заметил Чаг. — Роботы сделают за нас грязную работу.

Так оно и вышло. Большая толпа заключенных проскочила по Шунтовой улице и скрылась в проходе на площадь. Почти сразу с той стороны раздались выстрелы и крики.

— Что теперь? — вслух спросил Чаг. — До лета еще далеко. Температура на поверхности быстро падает.

— Если и другой проход перекрыт, то... — Шнык на секунду призадумался, — сдаваться будут.

Минут через пять из прохода на площадь высунулся тощий зек с белой салфеткой над головой.

— Не стреляйте!!! — истошно завопил заключенный. — Мы сдаемся!!!

С другого конца улицы раздался усиленный динамиком голос:

— Выходите по одному с высоко поднятыми руками! Но прежде выбросить наружу все автоматы! Иначе — стреляем без предупреждения!

Парламентер исчез, но не надолго. Очень скоро он вновь появился в проходе. На высоко поднятых руках заключенный вынес электромагнитный автомат. Через оптику Чаг заметил на прикладе большое красное пятно. Но вот оружие шлепнулось на тротуар, а заключенный пугливо двинулся дальше. Следом показался еще один зек с автоматом, а потом еще и еще один. От приятного зрелища капитуляции противника оторвал Шнык:

— Леший приказывает нам выходить наружу и паниковать заключенных.

Отсидеться в первом ряду зрителей не удалось. Придется выйти на сцену и принять непосредственное участие в представлении. Чаг поставил автомат на предохранитель и с глубоким вздохом посмотрел на гору мебели. Зря старались — не понадобилась. Хотя, учитывая залет с подготовкой запасных позиций, лучше перестраховаться, чем недостраховаться.

Глава 18. Независимость

Всего на Площади простора укрылось около двух тысяч заключенных. Трудяги роботы и не собирались воевать по всем правилам, штурмовать укрепленные пункты и снимать с убитых солдат Народной армии пороховые автоматы. Каждый из них думал только о собственном спасении. Едва одетые в синие борги блатные остались далеко позади, как роботы разбежались по всему городу, как тараканы.

Чагу с товарищами по роте пришлось до самого утра прочесывать Финдос дом за домом и отлавливать выживших зеков. Особо пронырливые умудрились просидеть в темных и забытых дырах по два, три и более дней. Но подобных ловкачей набралось немного.

На первых же допросах всплыла судьба заложников. Когда Ярый понял, что «лоханулся по-крупному», то лично расстрелял всех шестерых. Окровавленные останки невинных жертв зеки сволокли в тюремный крематорий.

После бессмысленного и беспощадного бунта уцелела треть заключенных. Многие погибли при последней попытке прорваться в Финдос, чуть меньше полегло на морозном марш-броске по поверхности планеты. Кажется — куда больше? Но витус Тонк, глава Независимого правительства, все равно сдержал данное обещание. За гибель шестерых заложников поставили к стенке и расстреляли ровно шесть сотен заключенных. Как и предсказал Шнык, в первую очередь в расход отправили остатки теневой администрации Глотки. Блатные прошли вне конкурса.

К сожалению, Ярый, последний авторитет Глотки, избежал публичной казни. Долгое время думали, что он погиб при штурме и затерялся в массе трупов. Но на самом деле он бросил свою никчемную армию и самым постыдным образом удрал с поля боя. Спустя месяц, в ста километрах от Финдоса, группа горняков нашла Ярого, точнее его труп, на дне глубокого ущелья.

Что касается самой Глотки, то Независимое правительство предпочло не рисковать. Лишь спустя неделю бойцы первой роты Народной армии обследовали тюремный комплекс и огромный медный рудник под ним. Больше пустых коридоров и холодных камер Чага поразило другое.

Администрация колонии очень любила показывать тюрьму Глот по телевизору. Считалось, что вид надраенных до блеска полов и сидящих за решеткой заключенных успокаивает жителей Дайзен-2. Но когда подали напряжение и Глотка вновь озарилась светом, крайне неприятно поразил бардак и запустение. В камерах кучи мусора и грязи. По углам валяется замусоленное тряпье и покореженные стулья. А пол. Такое впечатление, будто зеки гадили прямо под ноги. От бывшего казарменного лоска не осталось и следа.

Поначалу многие горожане думали, что выживших заключенных отправят обратно в Глотку наводить порядок, чинить порушенное и вновь добывать медь, но у нового правительства нашлись на тюрьму собственные планы. Уцелевших зеков отправили на распродажу.

Спрос на дармовую рабочую силу очень велик. Фермеры из отдаленных районов охотно разбирают отмотавших свой срок заключенных. Чтобы таскать мешки с удобрениями, рыхлить грядки и соскребать навоз, ума много не надо. Ну а если кто вздумает взбрыкнуть, или, не приведи Создатель, вспомнить, за что его посадили, то... Судьбой распроданных заключенных правительство не интересуется, вообще никто не интересуется.

Через восемь дней после разгрома заключенных солдат Народной армии отпустили по домам. Торжественный ужин в честь возвращения сына с войны живым и невредимым назначен на пятнадцать часов. Мама вовсю хлопочет на кухне, а папа второй час пытается выбрать галстук для приема гостей. Проблема усугубляется тем, что у родителя всего два парадных выходных галстука. Не зная, как убить время, Чат заперся в своей комнате.

Включенный ридер сполз на пол, наладонник брошен на подушку. Чаг взгромоздился на заправленную кровать. Чем заняться — бог его знает.

Его отпустили на три дня. Как выразился Киборг, в увольнение на трое суток. Только... в увольнение ли? Или сразу в отставку? Судьба Народной армии самообороны повисла в воздухе. Бунт заключенных подавлен. Воевать больше не с кем. Во всю ширь и высь вдруг встал тривиальный вопрос — что делать, как жить дальше?

Выбрать карьеру военного? Было бы очень здорово. Так опять же, сохранят ли армию? Надеть мундир солдата вооруженных сил Федерации Мирема может только тот, кто родился и вырос на самом Миреме. Жителям внешних миров не доверяют даже чистить ботинки космических пехотинцев. Дискриминация? Еще какая! Или вернуться в университет? Инженер очистных сооружений — очень даже уважаемый на Дайзен-2 человек. Да и работу найти по специальности не проблема. Не зря же он продрался через конкурс четыре человека на место. Только... Чаг со вздохом повернулся лицом к стенке.

После трех боевых операций, после бешеного азарта и закипающего в крови адреналина как-то сложно представить себя в роли мирного инженера очистных сооружений. Провести всю жизнь возле баков с активным илом... Семья, работа и пейнтбол по выходным дням... Почетное звание «дед», восторженные взгляды подростков и понимающие улыбки взрослых... Не то, совсем не то. Он же сдохнет от скуки в первый же рабочий день. Не поможет даже пейнтбол. После реальных сражений, после того, как сам Тунн хлопнул по плечу... Игра она и есть игра — все всерьез и все понарошку. Скука.

Еще вариант — стать полицейским. Благо в Управлении полиции большой недоплат. Так ведь служба полицейского не намного опасней работы инженера по очистным сооружениям. Тем более сейчас, когда

Независимое правительство закрыло не только Глотку, но и женскую тюрьму Тал. Зечек, без разбора по срокам, отправили на распродажу. Если армию распустят, то желающих нацепить значок полицейского будет более чем предостаточно. Опять конкурс. А если не повезет? Что тогда?

На подушке завибрировал наладонник. Чаг схватил его раньше, чем маленький компьютер успел упасть на пол. На экране мигает символ звонка, а под ним надпись: «Тана». Вибрация прекратилась, наладонник разразился электронной мелодией. Чаг тяжело вздохнул и сбросил телефонный звонок.

Пока воевал с зеками, то даже не подозревал, какая популярность свалилась на него. А все из-за того, что пару раз мелькнул по телевизору. Особенно в первый раз, когда «обнимался» со свергнутым губернатором на виду у всей планеты. Знал бы — обязательно опустил бы забрало.

Еще как-то можно оправдать Кеану, сокурсницу. В университете Чаг сидел прямо за ней и, вместо того чтобы слушать лектора, частенько любовался ее прекрасными длинными волосами цвета встающего над горизонтом Дайзена. До бунта Чаг оказывал Ксане знаки внимания и пару раз она приняла его приглашения позавтракать в городском кафе.

Но! Когда начали названивать все девушки, с которыми он общался хотя бы раз...

Проблема выбора будущей супруги вынырнула из-за угла и долбанула по голове. К такой дикой популярности среди прекрасной половины человечества Чаг оказался совершенно не готов. Да и где гарантия, что с ним останется хотя бы одна из них, когда эйфория от победы над заключенными постепенно сойдет на нет.

Вот и последняя девушка — Тана, первая красавица в классе. Чаг грустно улыбнулся. Всего-то раз попытался пригласить ее на выпускном балу на танец и получил игривый отказ. И поди-ка, через столько лет узнала и вспомнила. Противно даже.

Надо бы отвлечься, хоть чем-нибудь занять руки и голову. Так и с катушек съехать не долго. Чаг поднял с пола включенный ридер. На экране надпись «Курс общей биологии». Учебные материалы по специальности. Нужно бы повторить, почитать, обновить. Лениво переключая страницы, рассеянно читая по диагонали, Чаг развалился на заправленной кровати.

Дохлый номер. Между страницами то и дело возникают образы. Вот он первый раз стреляет боевыми патронами и пороховой автомат бьется в руках, словно бешеный пес. А это скользкий пол в ресторане на Площади простора, грохот выстрелов и свист пуль над головой. Между прочим, самых настоящих пуль, не игрушечных. Ну а это вообще отпад — заряд динамита, запал и огнепроводный шнур в кулаке. Было время — был я молод. Чаг в раздражении столкнул ридер на пол.

— Чаг! Проснись!

В дверь комнаты забарабанил отец.

— Там! Того! По телеку! — выпалил отец, едва Чаг распахнул дверь. — Витус Тонк выступать будет. Вот. Говорит диктор что-то важное заявит. Собирается.

По среди гостиной развернут большой стол. Столешница немного загорает висящий на стене телевизор. Зато на экране при полном параде витус Тонк.

— ...семьи погибших принять наши самые искренние, самые глубокие соболезнования, — произнес глава Независимого правительства. — Они отдали свои жизни в борьбе за правое дело.

Чаг схватил со стола пульт от телевизора и прибавил громкости.

— Уважаемые жители Дайзен-2. На протяжении веков метрополия только тем и занималась, что обдирала нас. Вместо передовых технологий сливала нам асоциальных типов, законченных уголовников и некомпетентных чиновников. Не по нашей вине Дайзен-2 превратился в свалку человеческих душ.

Чиновникам на Миреме плевать на нас. Для них мы помойная яма, сырьевой придаток и рынок сбыта для собственных далеко не лучших по качеству товаров. Но мы не свалка человеческих душ. У нас тоже есть гордость, чувство собственного достоинства и честь.

Вот это да! Чаг едва не подпрыгнул от удивления. О дурной метрополии, об ущербной торговле и о тупицах на высших административных постах шепчутся на каждом углу. Это так. Но... высказать всю правду по телевизору! Да еще в прямом эфире! Такого ни разу не было.

— Присланные с Мирема неудачники пошли на поводу у банды уголовников. Чтобы подобного впредь не повторилось, чтобы наша планета перестала быть свалкой человеческих душ, мы отделяемся от Федерации Мирема и провозглашаем независимый Дайзен-2. Отныне и навсегда чиновники с метрополии нам не указ.

— Да!!! — Чаг соскочил с дивана и громко захлопал.

— К сожалению, — витус Тонк резко сменил тон выступления. — Метрополия просто

так нас не отпустит. Впереди нас ждет борьба. Тяжелая, изнурительная борьба. Но мы знаем, что делать. Никакой спешки. Никакой импровизации на ходу. У нас есть время. Мирем далеко и не скоро сообразит, в чем дело.

Да здравствует суверенный Дайзен-2! Да здравствует свобода! Победа будет за нами!
Спасибо за внимание.

Глава правительства исчез с экрана. Вместо него появилась заставка с видом Дайзен-2 из космоса: красноватый шар с закрученными циклонами серых облаков и космическая станция «Снежинка».

— Да!!! Мы сделаем их! Мы не свалка! Не свалка! Не свалка!

Витус Тонк закончил выступление, но внутри Чага по-прежнему бушуют эмоции. Так и хочется что-нибудь сделать. Не важно что, главное сию минуту. Аж руки дрожат.

Решилась самая главная проблема — Народной армии самообороны быть. Господи! Как все просто — солдатами не становятся, солдатами рождаются. Только далеко не каждый получает шанс узнать о своем истинном предназначении. Если бы не Глотка, бунт и налет на Западную электростанцию, он так бы и помер простым инженером по очистным сооружениям. Зато теперь...

— Сынок, — осторожно заговорил отец, когда Чаг немного успокоился и сел обратно на диван. — Ты же должен понимать... Это же — война. С метрополией. С технически и экономически более развитым противником.

— Папа, — Чаг потер отбитые ладони. — Метрополия сильна, не спору. Но она крайне не любит терять своих крайне дорогих солдат. Простым жителями Мирема плевать на нас. Они сами потребуют прекратить войну, когда в обмен на увеличение налогов получат цинковые гробы со своими близкими.

— Откуда у тебя такая уверенность? — отец помрачнел еще больше.

— Историю читать надо, — ответил Чаг. — Правда на нашей стороне. Мы победим.

Глава 1. Общая тревога

Точную стрельбу на 200 метров язык не поворачивается назвать любимым упражнением. Скорее наоборот. Но она включена в подготовку солдат Народной армии самообороны Дайзен-2. А если этот солдат не простой ополченец, а кадровый военный, то сам Великий Создатель приказывает терпеть и повышать боевую подготовку.

Чаг лежит на огневой позиции и старательно смотрит в оптический прицел. На той стороне полигона мелькают синие кружки. Каждая мишень подскакивает ровно на пять секунд. За это время ее нужно обнаружить и пристрелить. Желательно с первого раза. Но неплохо, если мишень-попрыгунчик собьет вторая или третья пуля — он же не снайпер.

Слева, на границе зрения, выскочил синий кружок. Прицел чуть влево, поймать синее пятно в перекрестье и плавно нажать на спуск. Ни в коем случае не дергать. А потом еще и еще раз. Автомат три раза дернулся в руках, приклад три раза толкнул в плечо.

Попал? Вроде как. Мишень исчезла чуть раньше, чем истекла пятая секунда. Спрашивается: зачем стрелять три раза, если только у первой пули максимум шансов поразить юркую цель? А затем, чтобы либо добить подстреленного противника, либо не дать ему выстрелить в ответ. На соседнем полигоне снайперов гоняют. Вот пусть они и учатся валить супостатов с первого выстрела.

— Рядовой Ратаг! — раздался в наушниках голос инструктора по стрельбе. — Ваше упражнение закончено. Покиньте огневую позицию.

Наконец-то! Долгожданное облегчение едва не сорвалось с губ. Но вместо этого Чат ответил строго по уставу:

— Вас понял. Покидаю огневую позицию.

В пейнтбольном клубе грузили, грузили правилами техники безопасности, грузили, грузили. Даже специальные зачеты сдавать пришлось. Но в армии эта самая техника безопасности возведена в абсолют. Сморгаться и то по уставу полагается.

Чаг отсоединил магазин, передернул затвор и спустил курок. Раз выстрела не последовало, значит, оружие разряжено полностью. Только теперь можно встать и убраться с огневой позиции.

Сержант Хог, инструктор по стрельбе, стоит позади лежащих на огневом рубеже солдат и быстро чиркает карандашом в планшете.

— Утус сержант! Рядовой Ратаг упражнение закончил! — отрапортовал Чаг.

— Хорошо. Вы свободны, — не поднимая головы, ответил сержант.

Всегда так. А как стрелял? Плохо? Хорошо? Хрен скажет. Даже лицо инструктора невозможно разглядеть из-за глухого шлема, чтобы хотя бы так погадать о полученной оценке. Но! Придется ждать, пока результаты вывешат на доске объявлений в коридоре возле столовой. Чаг строго по уставу отдал честь и пошел в казарму.

Четыре местных года тому назад тюрьму Глот закрыли и тут же открыли Главную военную базу Дайзен-2. Высокое административное здание и четыре жилых уровня под ней пришлись очень кстати. Бывшая тюрьма превратилась в казарму для кадровой армии. Вот только прежнее неофициальное название «Глотка» въелось в печенки, осело камнями в почках и никакими дезинфицирующими средствами не вытравить его из народной памяти.

Пусть репутация у Глотки дурная, но, нужно отдать должное, Независимое правительство приняло мудрое решение. На Базе много простора. Кадровый полк Народной

армии расположился с комфортом, можно даже сказать с шиком. В бывших камерах на двадцать заключенных живет всего десять солдат. Никаких двухъярусных коек и решеток на входе. Заодно в Глотку «влезли» Учебный центр подготовки ополченцев и Министерство обороны Дайзен-2. Кабинет начальника тюрьмы занял министр обороны витус Леран.

Возле административного здания понастроили полигонов. Удобно, между прочим: и до гражданских поселений далеко, и ноги лишний километр мять не нужно. Всего сотня метров и Чаг подошел к административному корпусу. Ветер и пыль прочертили на стенах здания многочисленные полосы. Какая удача! Чаг едва успел проскочить в открытый шлюз, как стальная округлая дверь тут же закрылась.

Внутри Чаг поднял забрало и с превеликим удовольствием вдохнул полной грудью. Сжатый до жидкого состояния кислород вечно отдает металлом. Зато внутри больших зданий, где воздух проходит через мощные очистители и обогатители, всегда свежо и приятно пахнет.

А теперь в раздевалку. Как можно быстрее скинуть борт и забраться под душ. Нет ничего приятней, чем нежиться под струями горячей воды.

— Внимание! Всем внимание! — над головой включились динамики громкой связи. — Сегодня, ровно в десять часов, состоится выступление главы Независимого правительства Дайзен-2 витуса Тонка! — объявил приятный женский голос.

Чаг так и замер посередине коридора. Левая ладонь сама прижалась к груди.

Началось.

— Внимание! Всем внимание! — приятный женский голос завернул по второму кругу, но Чаг уже забыл о громкоговорителях.

О чем именно толкнет речь витус Тонк — догадаться не трудно. С момента победы над земами прошло четыре местных года, или девять стандартных месяцев. Черт побери! Метрополия весьма оперативно отреагировала на дурную весть с далекой колонии. Ответ появился в пределах звездной системы Дайзен и вышел на связь. Вопрос в другом — какой флот прислала метрополия? Если Первый ударный, самый большой и самый мощный, то... Хана! Вся затея с независимостью коту под хвост.

Мало, мало, слишком мало времени, чтобы серьезно подготовиться к отражению такой силы. В его составе Первая десантная дивизия. Это же... Чаг нервно огляделся по сторонам. Вроде все как обычно. В широком коридоре возле шлюза полно народу. Пусть люди замерли при первых звуках динамиков, но, едва сообщение закончилось, двинулись по своим делам дальше. Большие электронные часы над входом в раздевалку показывают 9:30. На все про все тридцать минут. Или сообщение витуса Тонка придется слушать с чужих слов, или стоять перед экраном телевизора с сырой задницей. Нужно торопиться, Чаг поспешил в раздевалку.

Словно сдавая норматив, Чаг быстро скинул борг и комом, совсем не по уставу, затолкал его в шкафчик. Если Шнык увидит такое безобразие, то не посмотрит на давнюю дружбу. Как ефрейтор, как командир отделения, мигом пропишет нарушителю парочку нарядов вне очереди. Плевать! Чаг без должного уважения запихал в шкафчик автомат. Пол в туалете он как-нибудь вымоет. Расталкивая выходящих из душа сослуживцев, Чаг убежал мыться.

Ровно за минуту до начала выступления главы правительства Чаг, помытый и переодетый в повседневную форму, забежал в комнату отдыха. Телевизор уже включен. Из динамиков льется легкая музыка. Жаль, экрана не видно. В комнате отдыха полно народу. Солдаты Народной армии плотной стеной обступили телевизор, не протолкнуться.

Послушать главу правительства собрались все свободные от нарядов и караулов. Кому не повезло пробиться ближе, проявили находчивость и прямо в ботинках залезли на столы.

К черту дисциплину! Чаг подтащил стол и взгромоздился на него. Наконец поверх стриженных голов показался экран телевизора. Вовремя! Цветная заставка исчезла, вместо нее появилась сексапильная телеведущая.

— Уважаемые жители Дайзен-2, — приятным, хорошо поставленным голосом произнесла телевизионная красавица. — Сейчас перед вами выступит глава Независимого правительства витус Тонк.

Экран мигнул, и вот на притихших солдат в комнате отдыха смотрит витус Тонк. Глава правительства очень тщательно подготовился к выступлению. На нем все тот же строгий деловой костюм с темносиним галстуком. Волосы витуса Тонка тщательно причесаны, а глаза такие внимательные, спокойные.

После бешеной круговерти первых дней у власти, когда на бывшего зама по энергетике свалилась масса срочных дел, витус Тонк заметно постарел. Под глазами выступили серые от недосыпания мешки, а в некогда черной шевелюре появились первые седые волоски. Но сейчас, спустя три с половиной местных года, глава правительства похорошел. Мешки под глазами исчезли, а ранняя седина только прибавила ему внушительности и благородства.

— Добрый день, уважаемые жители Дайзен-2, — витус Тонк заговорил спокойным, уверенным голосом. — Сегодня, в пять часов утра, на связь с нами вышел контр-адмирал Виман, командующий Первым крейсерским флотом Федерации Мирема.

По комнате отдыха прокатился всеобщий вздох облегчения. Федерация отреагировала как надо: вместо Первого ударного к ним пожаловал Первый крейсерский флот. Разница примерно такая же, как между домашним котенком и диким тигром.

— В составе тяжелого крейсера «Саблезуб», двух легких крейсеров «Рысюк» и «Ярургор», а также десантного транспорта «Каштома», на борту которого находится Пятая отдельная рота космического десанта, — перечислил витус Тонк. Я, как глава Независимого правительства, как верховный главнокомандующий вооруженных сил Дайзен-2, объявляю всеобщую мобилизацию.

Народную армию самообороны привести в состояние повышенной боевой готовности. Формирования Национальной гвардии выйти в районы дислокации. Остановить и законсервировать все промышленные предприятия, за исключением особо важных для жизнедеятельности городов и поселений. Жителям Финдоса покинуть столицу и рассредоточиться по населенным пунктам, согласно плану эвакуации.

На окончательную подготовку и развертывание в нашем распоряжении сорок дней. Именно столько потребуется Первому крейсерскому флоту, чтобы достичь орбиты Дайзен-2 и приступить к активным боевым действиям.

Витус Тонк умолк. Правильно — зрителям нужно дать немного времени осознать важность происходящего. Чаг стрельнул глазами по сидящим в комнате отдыха сослуживцам. Страх нет, паники нет. Солдаты сосредоточенно внимают главе правительства.

— Уважаемые жители Дайзен-2, — вновь заговорил витус Тонк. — Мы все прекрасно понимаем, что метрополия просто так нас не отпустит. Нам предстоит не на словах, а на деле доказать высокопоставленным бюрократам, что мы не нуждаемся в их навязчивой и очень дорогой опеке, что мы можем сами определять собственную судьбу. К неизбежной войне за независимость мы готовы целиком и полностью.

Мы создали Народную армию самообороны, вооружили и обучили ее. Более того: мы произвели столько оружия, что в самые кратчайшие сроки сумели создать многочисленные отряды Национальной гвардии, а также обучить их не хуже кадровой армии.

Противнику нас не запугать. Наоборот! Он будет харкать кровью, терять солдат, бронетехнику, респов. И так будет до тех пор, пока он не осознает собственное бессилие повернуть ход истории и не уберется домой.

Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Благодарю за внимание.

Изображение витуса Тонка, главы Независимого правительства, пропало. На экране вновь появилась цветная заставка и полилась легкая музыка.

— Ну что, бойцы!

С первого ряда поднялся старший сержант. Когдато он играл в пейнтбол, но покинул клуб еще до того, как Чаг добрался до Высшей лиги.

— В воздухе запахло порохом. Подпалим крысам с Мирема задницы?

— Да! — дружно рявкнули солдаты.

Чаг едва не свалился со стола. Не нужно столь бурно махать руками, когда у тебя под ногами скрипучий стол. Так и упасть недолго.

— А теперь разойтись! — скомандовал старший сержант.

Солдаты разом загомонили. Парами и группами бойцы Народной армии потянулись из комнаты отдыха. Кто-то выключил телевизор, легкая музыка тут же смолкла. Чаг оттащил стол на прежнее место и пошел на выход. Жаль, Шныка в комнате отдыха нет. Поделиться бы впечатлениями.

Все эти три с половиной местных года Первый ударный флот дамокловым мечом висел над молодым независимым государством. Об этом было не принято говорить вслух. Но! Окажись на орбите Дайзен-2 именно он, то войну за независимость можно было бы смело считать проигранной.

Государственная пропаганда постоянно твердит о готовности народа Дайзен-2 в любой момент отразить агрессию Федерации. В реальности это не совсем так. Времени на производство пороховых автоматов и мундиров солдатам Народной армии вполне хватило. Это правда. Но большинство оборонных программ только-только набрали обороты. Под Северным плоскогорьем полным ходом идет строительство подземного комплекса Арфан. Говорят, еще что-то будет.

Не нужно быть великим аналитиком, чтобы понять простую истину — планы Независимого правительства рассчитаны на восемь местных лет, или около двух стандартных. Причем сначала должен появиться Первый крейсерский флот, как вполне естественная реакция метрополии, и лишь затем Первый ударный. Через восемь лет Дайзен-2 будет действительно готов схлестнуться с метрополией в главном сражении за независимость, насколько подобное вообще возможно.

Рота космического десанта физически не сможет разгромить Народную армию самообороны. Это понимают все на планете. Но нельзя скидывать со счетов три крейсера, точнее, их ядерные арсеналы.

Города и поселки Дайзен-2 закопаны под землю. Там же находятся все коммуникации и дороги. Массированное применение ядерного оружия не приведет к массовым жертвам среди мирного населения, но гарантированно сорвет подготовку к главному сражению. Хватит ли у контр-адмирал Вимана решимости пустить в ход ядерное оружие? Вот в чем

загвоздка.

— Поберегись!

Незнакомый солдат задел Чага плечом. За раздумьями совершенно не заметил, как дошел до раздевалки. Вокруг кипит привычная армейская жизнь. Кто-то только что вернулся с полигона и снял присыпанный красной пылью борг. Кто-то успел помыться и надеть повседневную форму. Черт! А где же Шнык?

Только Чаг напрасно искал друга в многочисленных коридорах и комнатах бывшей тюрьмы. Нив столовой, ни в спальне его не оказалось. Чаг на всякий случай заглянул в санчасть, где нашел только пустые коечки, застеленные серыми одеялами.

Как выяснилось немного позже, ефрейтора Чинина с парой солдат отправили на склады аж в самом Финдосе. Вернулся Шнык перед ужином. Зато Чаг вдоволь набродился по Глотке и наслушался разговоров. Невольно, конечно же. Общий настрой солдат Народной армии невероятно высок.

Все, начиная с зеленых юнцов, которые едва натянули зеленые штаны и научились завязывать шнурки на ботинках, и до дедов, которые служат в Народной армии с первого дня ее создания, смотрят на предстоящую войну с правительственными войсками с большим оптимизмом. Чаг слышал столько соленых шуток в адрес космических десантников, что впору выпускать самый свежий сборник армейских анекдотов. Бестселлер будет. Стопудово.

Часа через два Чаг присел на свою койку в общей спальне. Если даже те, кому через сорок дней предстоит встретить космических пехотинцев на поле боя, настроены так оптимистически, то что творится в самом Финдосе? Так сказать, на гражданке? Насколько можно судить по собственным родителям, старшее поколение одобряет идею независимости Дайзен-2, но боится мести Федерации.

Впрочем, ясно и другое. Когда загрохочут пушки, когда от мощных взрывов содрогнется земля, а над головой засвистят пули, мирные жители не поднимут вой. Бунтовать и требовать немедленной капитуляции никто не будет. Метрополия, чего уж там, достала всех. Да и сам Чаг смело поприветствует хваленых космодесантников из всех стволов. Приносить себя в жертву не нужно. Лучше остаться в живых и принести в жертву как можно больше солдат противника. Вот и вся философия.

Чаг поднялся с коечки и аккуратно поправил смятое одеяло. Нужно вернуться в раздевалку и заняться боргом. Без автомата еще можно оказать серьезное сопротивление противнику, хотя бы забросать его камнями. А вот без борга, без надежной защиты от лютой стужи и адской жара, не протянуть и пары минут.

Глава 2. Прибытие Первого крейсерского

Подъем из ледяного анабиоза похож на утреннюю побудку после бурной попойки. Кости ноют, руки дрожат, голова гудит, а во рту такой гадкий привкус, будто вчера на спор съел содержимое помойного ведра вместе с самим ведром.

Да еще слизь, так называемый анабиозный раствор. Ей в самый раз грешников в аду мазать. Пока влажная — еще ничего. Но когда начинает подсыхать, — господи, спаси и сохрани! Сопливая зараза так стягивает кожу, что впору завывать дурным голосом и броситься на стенку. Смыть с себя эту гадость — первейшее дело.

Фесс Инес, рядовой Пятой отдельной роты космического десанта, с превеликим трудом добрался до душевой кабинки и врубил горячую воду. Самую горячую. Чтоб кипятком по коже.

Как было бы здорово растянуть удовольствие до бесконечности... Но вот зараза, счетчик литров стремительно летит к нулю. Легкий щелчок и блаженство закончилось. Это дома, на Миреме, можно плескаться сколько угодно. А здесь, на борту десантного транспорта «Каштома», раз положено восемьсот литров воды после пробуждения — будь добр уложиться в эти самые восемьсот литров и баста! Фесс стряхнул с лица капельки воды и вышел из душевой кабинки.

Сушилка отлично заменяет полотенце, особенно когда на голове коротко стриженный ежик. Фесс щелкнул ногтем по выключателю, тело тут же охватили струи горячего сухого воздуха. В отличие от воды, воздух экономить не нужно, правда, и кайф не тот. Спустя минуту Фесс полностью высох. Теперь одеваться и гонять мускулатуру. В здоровом теле — здоровый дух, понимаешь ли.

Первый крейсерский флот вышел из последней пульсации тридцать один день тому назад. Но космических десантников подняли за неделю до выхода на орбиту Свалки. В полете от двухсот накачанных мужиков никакого прока. А так хоть зря не жрут кислород.

Как самого молодого, Фесса разбудили самым последним. Наиболее опытных десантников, дедов иначе, подняли кого вчера, а кого и позавчера. Так у него меньше всего времени на реабилитацию, но он же самый молодой и выносливый. Что касается физической формы, способности прийти в себя после ледяного анабиоза, то молодость дает десять очков вперед зрелости и сто старости. Так что все по чесноку.

Гудящая голова зовет завалиться спать. Приложить затылок к чему-нибудь мягкому и укрыться сверху чем-нибудь теплым. Но Фесс натянул легкий тренировочный костюм и направился напрямиком в спортзал. Марафон на пару десятков километров лучше всяких стимуляторов выгонит из крови остатки анабиозных препаратов. Главное не поддаваться минутной слабости, а смело ринуться в объятия физкультуры.

До обеда Фесс старательно намотал на беговой дорожке несколько десятков километров, прокачал на силовых тренажерах мускулатуру, а под конец выполнил несколько гимнастических комплексов для восстановления ловкости и координации движения. Проголодался до жути! Корову бы сожрал с потрохами и без соли. Зато тошнота отступила, руки перестали дрожать, а голова прояснилась.

В числе первых Фесс прошел через раздачу и загрузил поднос горой еды. Космические десантники и так «золотые мальчики», подготовка и вооружение обходится казне Федерации в очень кругленький совирт. Экономить на еде не имеет никакого смысла. И

слава богу!

Полгода маковой росинки во рту не было. Фесс с наслаждением потянул носом. Борщ в огромной тарелке пахнет восхитительно. Большой кусок жареного мяса с кровавым соусом великолепно добавляет картофельное пюре. А целый литр витаминизированного сока с лихвой утолит исполинскую жажду молодого, цветущего организма. И сейчас... все это великолепие... Ложкой! Ложкой! Ложкой!

— О! Попрыгунчик. Привет. Судя по загрузке тарелок, ты уже очухался.

Рядом, грохнув полным подносом, присел Оскар Нидан, по прозвищу Вол, напарник и закадычный друг. Общие километры с полной выкладкой, одна БМП и общая каюта по-особому сближают людей. Тем более воевать, а то и умирать, им предстоит вместе.

Фесс проглотил едва разжеванный кусок мяса и лишь затем ответил:

— Привет, Вол. Какие новости?

— А ты и не знаешь? — обрадовался Вол. — Неужели в сеть не заглядывал?

— Откуда? — отмахнулся Фесс. — Меня только сегодня утром подняли. Как обычно: пробежка, физкультура и жратва. Если б не ты, то я доел бы этот великолепный кусок говядины и завалился бы спать до самого ужина. Какая там, к черту, сеть.

Глаза Вола лихорадочно заблестели. Не каждый день выпадает возможность поразить друга свежими новостями. Вол положил ложку на край тарелки и таинственно произнес:

— Знаешь, бунт зеков подавлен.

— Ну, этого и следовало ожидать. За девять месяцев аборигены как-нибудь утомонили бы зеков. Тем более они с ними одной крови! — хохотнул Фесс. — Как обычно, боевой вылет плавно переходит в учебный.

— А вот и нет, — с еще большей таинственностью возразил Вол и тут же демонстративно взялся за еду.

В воздухе запахло жареным. Фесс поставил пакет с недопитым соком на стол и с вызовом спросил:

— Вол! Не тяни вола за хвост. Что случилось?

Напарник вовсю наслаждается игрой в ленивого оракула, хлебает борщ и улыбается от уха до уха.

— Бунт на Свалке подавили, это так. Но... Наш вылет по-прежнему остается боевым.

Упрямый Вол до последнего тянет удовольствие.

— Дружище, не тяни. А то я сейчас ка-а-ак встану и сам залезу в сеть, — пригрозил Фесс.

Угроза подействовала. Вол снова положил ложку на край тарелки:

— Свалка объявила о независимости.

— Ни хрена себе! — воскликнул Фесс.

— Когда адмирал связался с ними, то они вежливо послали его на три веселых буквы, — наконец выдавил Вол.

От восторга сперло дыхание, Фесс широко раскрытыми глазами уставился на напарника. Наверно, так же чувствует себя пропавший игрок, который спустил в казино отцовское состояние до последнего вирта, но на самый последний жетон все же сорвал многомиллионный джек-пот.

— Неужели... Да нас... Самая настоящая война! — радостно воскликнул Фесс.

Детские книжки с яркими картинками о великих полководцах и красочные фильмы о войнах прошлого подтолкнули Фесса к выбору карьеры профессионального военного.

Мальчишкой он очень любил представлять себя эдаким крутым десантником с автоматом наперевес, который одной левой крушит инопланетных захватчиков. Мама, правда, хотела, чтобы он выучился на ветеринара.

Фесс приложил уйму усилий! Каждое утро бегал по десять километров, исправно посещал секцию рукопашного боя и даже учился на одни пятерки. В конце концов ему удалось пробиться через бешеный конкурс в Адаунское пехотное училище космического десанта. Четыреста человек на место — это вам не театральное, круче будет. И это еще после первого отбора, на котором очень высокие нормативы отсекали всех «слабым телом». Но! В позапрошлом году Фесс закончил пехотную десантуру и лицом к лицу столкнулся с суровой действительностью: Федерации Мирема никто не угрожает, воевать свежеиспеченному солдату совершенно не с кем.

От армейской рутины не спасло даже очень удачное место службы — Первый крейсерский флот и Пятая отдельная рота космического десанта. Теоретически у Первого крейсерского больше всего шансов повстречать противника, тех самых злобных инопланетян. Его пихают во все дыры за тридевять земель от родной метрополии. Как сейчас, например.

Из-за катастрофической нехватки противника в космическом десанте сложилась печальная традиция вести счет учебных вылетов, которые так и не стали боевыми. Фесс отслужил больше года, но до сих пор не может ничем похвастаться. В активе Вола, который в десатуре больше семи лет, всего один-единственный учебный вылет, который так и не стал боевым.

И вот теперь, на фоне столь печальной статистики, появился самый что ни на есть реальный шанс заполучить в личный актив самый настоящий боевой вылет. Главное, чтобы аборигены раньше времени не наделали в штаны и не разбежались по хатам.

— В воздухе запахло порохом! — радостно воскликнул Фесс.

— Но! Но! Не ершись. Электромагнитные автоматы стреляют без пороха. К тому же запросто может получиться, как у меня на Гвипел, — напомнил Вол.

Более опытный напарник охладил преждевременный энтузиазм.

— Умеешь же ты, дружище, настроение испортить, — недовольно проворчал Фесс.

История с Гвипел и в самом деле весьма поучительная.

Лет пять назад далекая колония взбунтовалась и отказалась платить налоги. Но! Едва в системе Вакоя появился Первый крейсерский флот, как бунтари тут же задрали лапки. Как выяснилось немного позже, никакая независимость и рядом не валялась. Просто присланный с Мирема губернатор собственным самодурством и фантастической некомпетентностью довел мирных обывателей до такого состояния, что они похватили топоры, вилы и этими самыми топорами и вилами грохнули местного самодура на губернаторской должности. И сами же потом испугались содеянного.

Тогда Пятая рота высадилась на планету и разогнала так называемых бунтарей по хатам. Да никто и не думал оказывать хоть какое-то сопротивление. Ни жертв, ни разрушений. Но Вол все же зачислил в личный актив первый и до сих пор единственный учебный вылет, который так и не стал боевым.

— Ладно, не кисни, — примирительно произнес Вол. — Думаешь, мне не хочется хотя бы разок повоевать самым настоящим образом? Еще как хочется! Я эту армейскую рутину, ядрена вошь, восьмой год жую. Больше мифических инопланетян с трансклюкатарами меня пугают бюрократы в погонах. Да еще Устав.

Фесс широко улыбнулся. Это точно — армейские бюрократы наносят самый ощутимый урон вооруженным силам Федерации.

— Тогда я предлагаю выпить за маленькую победоносную войну, — Фесс поднял пакет с витаминизированным соком. — Пусть аборигены немного покидают в нашу сторону камнями, пусть даже постреляют, а потом дружно разбегутся по домам!

— И пусть в плен к нам сдаются только местные знойные красавицы, — подхватил Вол, — а мы наконец-то станем самыми настоящими ветеранами боевых действий!

Друзья шутливо чокнулись пакетами. Выпить бы чего покрепче, но на борту транспортного свирепствует сухой закон. За бутылочку пива можно запросто улететь в преждевременную отставку. Как любит повторять Юл, сержант Ерлаев, командир отделения, желающих примерить броник космического пехотинца за воротами ну уж очень много.

— Ну все! — Фесс с треском поставил пустой пакет на поднос. — Я в каюту и спать. Не кантовать. При пожаре выносить в первую очередь.

— Иди, иди, отсыпайся, — пожелал Вол. — С завтрашнего утра пахать будем, как суслики на пожаре. Как обычно, до торможения все проверить, перепроверить и вылизать до блеска.

— Это точно, — Фесс поднялся из-за стола.

Пусть предстоящая операция грозит перерасти в учебную, но готовиться к ней нужно, как к боевой. Из всех армейских рутин проверка оружия, амуниции и оборудования — самая рутинная обязанность. Да еще чистоту навести. Как будто рота космических пехотинцев собирается не на войну, а на торжественный парад в честь церемонии инаугурации витуса Букнира, ныне здравствующего президента Федерации. Да не выпадут волосы на его ногах!

Глава 3. Ультиматум

Первый крейсерский флот, погасив скорость, вышел на орбиту Дайзен-2. Флагман флота тяжелый крейсер «Саблезуб» выглядит очень внушительно. Вытянутый закругленный корпус похож на огурец, только гладкий и гораздо более симметричный. Приплюснутые башни главного калибра смотрят на планету спаренными стволами электромагнитных орудий. Вращающийся жилой модуль, похожий на обручальное кольцо на безымянном пальце, сдвинут за орудия главного калибра и немного вдавлен в корпус. После нескольких часов непрерывной работы дюзы главного двигателя дышат жаром.

Десантный транспортник «Каштома» по размерам намного превосходит флагман флота, но не обладает столь внушительной комплекцией. Так себе: длинный бочонок с парой широких колес жилых модулей. Транспортник не предназначен для боевых действий, только для перевозки роты космических десантников со всей боевой техникой и амуницией.

На фоне огромной планеты с ее красноватой поверхностью, грязно-белыми шапками полюсов и спиралями бушующих в атмосфере ураганов Первый крейсерский флот кажется крошечной песчинкой, которую злой ветер забросил на недостижимую высоту. Но на деле флот сила, даже очень большая сила. У Дайзен-2 нет ни военно-космических сил, ни боевых орбитальных станций. Первый крейсерский флот безраздельно и безнаказанно господствует в космическом пространстве над планетой. Оружейные трюмы крейсеров забиты ядерными ракетами со сверхмощными боеголовками. Всего одним залпом флот способен превратить кратер Финдос в радиоактивную пустыню с полями оплавленного гранита.

Орбитальной станции «Снежинка», космическим воротам Дайзен-2, какого-либо оружия иметь не полагается. Но! С бунтующих аборигенов станется. Могут и пару самопальных ракет на внешней обшивке спрятать, и главный реактор заминировать, и кустарных мин-растяжек в коридорах понаставить. Всякое бывало. Как правило, от подобных сюрпризов толку ноль, морока одна.

Взвод космических пехотинцев самым тщательным образом зачистил «Снежинку», но ничего не нашел. На пустой станции ни смертоносных сюрпризов, ни ракет, ни мин, ни прочих попыток напасть напоследок. Это плохо, очень плохо. Орбитальная станция работает в автоматическом режиме, следит за погодой и поддерживает каналы связи. Зато выяснилось кое-что другое.

К грузовым причалам станции пришвартованы три транспортника. Еще один космический грузовик болтается неподалеку от «Снежинки». Аборигены сняли контейнеры с товарами, кроме зеленых с синими полосками. Так называемое «свежее мясо», присланные с метрополии заключенные, по-прежнему болтается на орбите.

Ладно, забрали товары и бросили заключенных. Так ведь аборигены демонтировали с транспортников накопители энергии, силовые установки, двигатели и вирт-привод. Впрочем — все логично: сняли самые главные узлы и механизмы. На Свалке нет верфей для строительства полноценных космических кораблей. А так у аборигенов появилось четыре комплекта для подражания.

Тяжелый крейсер «Саблезуб», кроме орудий главного калибра, установок для запуска торпед и ракет, лазерных башен ПРО, несет пять такшипов и пять АКИ. Перед началом переговоров с бунтовщиками контр-адмирал Виман отправил пару аэрокосмических истребителей на разведку.

Далекие потомки реактивных истребителей, АКИ в первую очередь предназначены для ведения боевых действий в плотных слоях атмосферы. В открытом космосе они прикрывают крупные корабли. Воя мощными движками на всю округу, АКИ несколько раз прошли на бреющем полете над кратером Финдос, космопортом и тюрьмой Глот.

Контр-адмирал Виман залетел в штаб флота.

— Смирно! — громогласно скомандовал дежурный офицер.

— Вольно, — ответил Виман. — Доброе утро, уважаемые.

Штаб флота находится в глубине тяжелого крейсера «Саблезуб», в самом защищенном месте, рядом с рубкой управления. Но, в отличие от капитанского мостика, в штабе нет широких обзорных экранов, которые создают иллюзию кабины АКИ или такшипа. Зато посередине прямоугольного помещения находится большой квадратный стол с голографическим проектором. Вдоль стен пульта управления и два широких экрана над головами штабных офицеров.

Виман с ловкостью, приобретенной за годы службы, оттолкнулся от порога и пролетел точно к большому креслу. Что подделаешь — искусственную гравитацию еще не изобрели. Это только во вращающемся кольце жилого модуля можно пройти пешком и почеловечески принять душ. Во всех остальных помещениях крейсера, в том числе и в штабе, царит невесомость.

Черт! Приперся, зараза. Виман едва успел сдержать эмоции. Рядом со штабным столом пошатывается представитель Министерства колоний витус Арил. Чиновник надушился вонючим одеколоном и нацепил глупый в условиях невесомости деловой костюм. Полы темно-синего пиджака смешно оттопыриваются, будто пышная юбка.

Высокопоставленный чиновник в святая святых флота — гарантированный источник неприятностей. Витус Арил никогда не держал в руках ничего страшнее ручки. Но за полтора месяца полета представитель министерства начал считать себя ветераном военнокосмических сил. И при этом все бродит и бродит по крейсеру в ботинках-липучках, словно муха, которая по собственной глупости прилипла к разлитому варенью.

Как обычно. Министерство колоний спихнуло в экспедицию на Свалку самого тупого и самого бездарного чиновника. Неудивительно, если в его портфеле найдется запечатанный приказ о назначении его же губернатором Свалки. Виман налетал на «Саблезубе» тысячи световых лет, по самое горло налюбовался губернаторами богом забытых колоний и великолепно изучил подобный тип напыщенных неудачников. Сначала таких идиотов пинком повышают с Мирема куда подальше. А потом аборигены дальних земель, измученные тупостью и некомпетентностью присланных губернаторов, хватаются за топоры и вилы. Пока витус Арил не подозревает о запечатанном подвохе и с видом знатока взирает на электронную карту Финдоса.

Невесомость — штука коварная. Контр-адмирал Виман пристегнулся широкими ремнями к большому креслу. А то в самый неподходящий момент можно запросто воспарить к потолку. Часы в верхнем левом углу электронной карты Финдоса показывают 8 часов 56 минут. Едва Первый крейсерский вышел из последней пульсации, как все корабельные часы перевели на местное время. Обходиться двадцатью часами вместо привычных двадцати четырех неудобно. Да еще хор, последний псевдочас из девятнадцати минут. Но лучше не противиться природе, а приспособливаться к ней. Человек привык спать ночью, когда темно, и бодрствовать днем, когда светло. Из-за несовпадения корабельного времени с местным произошло немало глупых казусов.

Переговоры с мятежниками должны начаться ровно в девять часов. Да-а-а... Виман в очередной раз взглянул на карту кратера Финдос. Свалка подкинула очень неприятный сюрприз, когда в первом же сообщении в мягких дипломатических выражениях послала Первый крейсерский флот ко всем чертям. Впрочем, Свалка далеко не первая что-то там пишит о независимости. И до нее далекие колонии объявляли о выходе из Федерации, но, как правило, все заканчивалось, так и не успев толком начаться. Ничего кроме лишней мороки и необходимости писать пространные отчеты так называемая независимость не обещает. Грустно даже.

Вести переговоры, когда каждое слово долетает до собеседника за час с лишним, очень неудобно. Лучше дожидаться выхода на орбиту. Одно дело, когда флот где-то там, далеко на подлете, и совершенно другое, когда он у тебя над головой.

Часы на электронной карте показали 9:01.

— Что-то не спешат бунтари на связь выходить, — заметил витус Арил, хотя его никто не спрашивал.

Виман, демонстративно не замечая чиновника, громко спросил:

— Где связь с Дайзен-2?

— Сейчас будет, — отозвался офицер связи. — Настраиваю видеопоток.

Над штабным столом возник голографический экран, виртуальный аналог домашнего телевизора.

Да-а-а, примитив. Глупо ожидать от дикой колонии продвинутой передачи объемного изображения, всего лишь плоская картинка. Да и та переплетение черно-белых полос вместо нормального изображения.

— Внимание! — рявкнул незнакомый голос. Смесь черно-белых полос сменилась на изображение мужика в черной спецовке техника.

— Внимание, — гораздо тише повторил техник со Свалки. — Крейсер «Саблезуб» Сейчас с вами будет говорить глава Независимого правительства Дайзен-2 витус Тонк.

Представитель министерства скорчил лицо, будто подавился кислым лимоном.

На голографическом экране появился глава самозванного правительства.

— Доброе утро, адмирал, — вежливо поздоровался витус Тонк.

— Доброе утро, витус, — ответил Виман.

Противника нужно знать досконально. Или хотя бы то, что записано в официальном досье. Виман заранее прочитал личное дело Васана Шимича Тонка, бывшего зама начальника Управления по энергетике. Самозваному главе полных 54 стандартных года, но на вид не больше пятидесяти. Лицо широкое, черты крупные, глубоко посаженные глаза уверенного в себе человека, который привык командовать. Главарь мятежников вырядился в старомодный деловой костюм. Примерно так одевались чиновники среднего ранга лет двадцать назад. И, наверно, так же облил себя пахучим одеколоном. Слава богу, радиоволны не передают запах. А то еще одного воняющего чиновника на борту «Саблезуба» система регенерации воздуха не выдержала бы.

— Заявляю протест, — официально, чеканя каждое слово, заговорил витус Тонк. — Первый крейсерский флот вторгся в пределы независимого государства Дайзен-2. Подобное деяние мы расцениваем как грубое вмешательство во внутренние дела нашего государства и требуем, чтобы Первый крейсерский флот Федерации Мирема в самый кратчайший срок покинул пределы звездной системы Дайзен. Впредь вы не имеете права заходить в звездную систему Дайзен без официального разрешения.

Вожак бунтарей слово в слово повторил первое послание, которое получил Виман, когда Первый крейсерский флот вышел из последней пульсации. Три боевых корабля на орбите ничуть не смутили бунтовщиков — плохой признак. Как бы не пришлось пальнуть пару раз. Для острастки, так сказать. Но прежде придется до конца исчерпать возможности дипломатии.

— Планета Дайзен-2 звездной системы Дайзен является неотъемлемой частью Федерации Мирема, — еще более официально ответил Виман. — Ваше так называемое Независимое правительство является незаконным. Я, как полномочный представитель правительства Федерации Мирема, отказываюсь его признавать.

Первый обмен словесными ударами закончился вничью. Главарь бунтовщиков не сообщил ничего нового. Пусть Федерацию Мирема еще ни разу не сотрясали колониальные войны, но кое-какие прецеденты уже были. Подобные случаи прописаны в типовой инструкции.

— Вы должны распустить так называемое Независимое правительство и признать законную власть Федерации Мирема. В противном случае я буду вынужден применить силу, — глядя витусу Тонку прямо в глаза, заявил Виман.

Вот он, момент истины! Обычно на этом всякая возня вокруг независимости заканчивается. Никто не хочет воевать и подвергать родную хату опасности. Но главарь мятежников выдержал пристальный взгляд и никак не отреагировал на угрозу.

— Вам нас не запугать, — спокойно ответил витус Тонк. — Мы приложим все силы, все возможности для защиты нашего суверенитета. Не доводите дело до войны, адмирал. Просто покиньте нашу систему. Мы не собираемся воевать с Федерацией Мирема. Более того! Мы выступаем за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество.

Проклятье! Виман превратился в камень. Все гораздо хуже, чем показалось с первого взгляда. Простым словесным финтом главарь бунтовщиков сотворил убойный аргумент для убеждения жителей Свалки: «Вот видите! Это они первыми начали войну. А мы всего лишь обороняемся». И будет, черт побери, прав.

Холостые патроны не помогут. Придется пальнуть боевыми, раз бунтовщики отказываются понимать по-хорошему. Но тщательно подготовленный ответ испортил представитель Министерства колоний.

— Вы что? С ума сошли? — витус Арил самым наглым образом влез в разговор. — Да мы вас в порошок сотрем. А вас, витус Тонк, лично, засунем в Глотку до скончания веков.

Виман сжал подлокотники кресла. Господи! Лишь бы удержаться! Лишь бы удержаться! Так и хочется встать и врезать тупому представителю по морде. Идиот! Тот, кто первым скатывается на эмоций, тем самым раскрывает собственную нервозность и неуверенность.

— Это ваш окончательный ответ? — тут же спросил вожак бунтарей.

— Нет, — с трудом ответил Виман. — Пока ботинок космического пехотинца не коснулся поверхности вашей планеты, досадное недоразумение можно решить миром. Если вы признаете законную власть Федерации и не станете оказывать вооруженного сопротивления, то участников бунта ждет амнистия. Вы, витус Тонк, просто лишитесь своей должности и уйдете в отставку с сохранением всех пенсионных выплат.

Если же вы вынудите меня применить силу, то всех участников и руководителей вооруженного сопротивления ожидает преследование по закону Федерации Мирема. Вы, как руководитель вооруженного бунта, действительно можете закончить свои дни в тюрьме Глот.

Язык дипломатов — язык лжецов и льстецов в одном флаконе. Одеты в дипломатические фраки угрозы не произвели на главаря мятежников ровным счетом никакого впечатления. Витус Тонк далеко не дурак и прекрасно понимает последствия вооруженного сопротивления для себя лично. Вот кого бы следовало назначить губернатором Свалки.

— Наша позиция остается прежней, — не моргая и не краснея, заявил главарь бунтовщиков. — Мы готовы с оружием в руках отстоять свою свободу.

— Это ваше последнее слово? — спросил Виман.

Главное сохранить спокойствие, хотя бы внешне.

Незаметно для главарей бунтовщиков Виман сжал кулаки.

— Да, — ответил витус Тонк.

Идиот! Но вслух Виман произнес:

— Очень жаль, витус Тонк. С этого момента я, как командующий Первым крейсерским флотом, как полномочный представитель Федерации Мирема, вынужден объявить о начале военной операции по подавлению бунта в колонии Дайзен-2 с целью восстановления на ее территории конституционного порядка. Всего вам хорошего, витус Тонк. Одумайтесь, пока не поздно.

— Всего хорошего, адмирал, — вежливо попрощался витус Тонк. — Но мы не передумаем.

Голографический экран над центральным столом пошел рябью и пропал.

— Связь с Дайзен-2 утеряна, — доложил офицер связи.

Проклятье! Виман нахмурил брови. Не такой, совсем не такой должна была быть миссия на Свалку. За долгую службу Виман много раз участвовал в так называемых операциях по подавлению мятежей. Обычно подобные вылеты заканчиваются учениями для космических пехотинцев, чтобы не совсем зря летать. Но на этот раз у главаря бунтовщиков хватило наглости в спокойной, дипломатической форме отказать полномочному представителю Федерации, у которого под рукой мощь Первого крейсерского флота, а за спиной сама метрополия. Мало того что отказал, так еще пригрозил применить силу, будто у него есть такая. Да хватит ли аборигенам храбрости, когда рядом с их домом приземлится космический челнок с десантниками?

Впрочем, кого он пытается обмануть? Эпоха мирного освоения космоса длится четвертую сотню лет. Ясно как день божий — рано или поздно она закончится. Рано или поздно колонии вырастут численно и окрепнут экономически. Рано или поздно они перестанут терпеть тупых губернаторов, а будут ставить их к стенке и расстреливать по приговору революционного суда. Неужели с него, Риэла Вимана, начнется эпоха колониальных войн? Не приведи господи.

— Адмирал! И это все, на что вы способны? — Виман посмотрел на представителя министерства. — Вам нужно было надавить на него. Напугать. Пригрозить физической расправой. Пальнуть из главного калибра по Финдосу и дело с концом.

Тупость чиновника не знает границ. Если остальные офицеры молчат, то витус Арил распахнул пасть.

— Саон, ты болван, — не повышая голоса, произнес Виман.

Чиновник удивленно вылупил глаза, но заткнулся.

— У них было девять месяцев на то, чтобы обдумать собственное поведение и просчитать различные сценарии. Если бунтовщики не передумали сразу, то вряд ли

передумают, если давить на них эмоциями. К тому же от огня главного калибра Свалку отлично защищает плотная атмосфера.

— Тогда шарахните по ним ракетой, — предложил чиновник.

— Ядерной? Мегатонн на пятьдесят? Чтобы разнести столицу Свалки в клочья?

— Ну... — чиновник задумался. — Зачем сразу пятьдесят тонн? Какой-нибудь простенькой ракеткой. Больше пыли, больше шуму. Но чтоб ничего не рушить. А то восстанавливать еще. Потом.

Со скрипом и скрежетом до высокопоставленного болвана дошла очевидная истина: бунтующая Свалка — это не внешний враг, которого можно и нужно уничтожить в кратчайшие сроки всеми имеющимися в распоряжении средствами, с минимально возможными потерями. Шпарить по своим, таким же людям, сверхмощными ядерными боеголовками — последнее средство, когда все прочие, более деликатные, не сработают.

В штабе, кроме дежурных офицеров за пультами управления, присутствуют лейтенант Гоу, командующий авиацией флота, и капитан первого ранга Генар, командир тяжелого крейсера «Саблезуб». Пока Виман вел переговоры со Свалкой, офицеры стояли в стороне. Командующие легкими крейсерами «Рысюк» и «Ярургор», а также капитан Келтум, командир Пятой отдельной роты космического десанта, остались на своих кораблях, но постоянно висят на связи. Ничто не мешает тут же начать совещание.

— Итак, уважаемые, — Виман обратился к офицерам. — Как вы только что видели, попытка образумить бунтовщиков и решить дело миром — провалилась. Приказываю начать боевую операцию. Разведка! Что у вас?

К центральному столу подлетел лейтенант Ваиж, глава разведки Первого крейсерского флота.

— Наблюдение с орбиты и аэросъемка не выявили каких-либо сооружений, которые можно было бы соотнести с подземными фортами, ракетными базами или иными подземными сооружениями военного назначения, — быстро заговорил лейтенант Ваиж. — Но!

Важная особенность Дайзен-2 как раз в том и состоит, что все поселения на планете и пути сообщения находятся под землей. Единственное исключение — административное здание тюрьмы Глот.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Как раз вокруг административного здания тюрьмы Глот обнаружены полигоны для подготовки личного состава пехотных подразделений. Как считают наши аналитики, бунтовщики превратили тюрьму Глот в военную базу. Для сбора более детальной информации необходима разведка непосредственно на поверхности Дайзен-2, а также подземных сооружений, находящихся в ее глубинах.

Виман внимательно выслушал офицера разведки и спросил:

— Что с космопортом?

— Никаких новых сооружений в Космопорте имени Пилата не обнаружено. Площадки для хранения грузовых контейнеров закрыты, космические челноки не обнаружены. Предположительно — заперты в ангарах космопорта.

Чисто внешне Дайзен-2 не ведет какую-либо подготовку к обороне. Но внешность обманчива. Благодаря развитой системе подземных путей сообщения, бунтовщики могут передвигаться по освоенной территории совершенно незаметно для наблюдения из космоса.

— Вопросы будут? — громко спросил Виман.

Секундная пауза. Внизу электронной карты Финдоса появилось изображение капитана Келтума, командира десантников.

— Вопрос к разведке, — произнес капитан Келтум. — Какие именно учебные полигоны вы обнаружили возле тюрьмы Глот?

Лейтенант Ваиж пощелкал пальцем по электронному блокноту. Карта на штабном столе тут же сдвинулась в сторону и увеличилась в размерах. Вместо кратера Финдос появилась аэрофотография административного здания тюрьмы Глот и прилегающая к ней территория.

— Мы идентифицировали плац для строевой подготовки, полосу препятствий и два стрельбища, — ответил офицер разведки.

— Какое именно оружие использовали бунтовщики на стрельбищах? — попросил уточнить капитан Келтум.

— По имеющимся официальным данным, на Дайзен-2 находится всего один склад оружия в тюрьме Глот. На момент последней проверки в нем находилось сто электромагнитных автоматов, десять электромагнитных пистолетов, двести гранат со слезоточивым газом и еще двадцать с усыпляющим.

— Иначе говоря, вы не знаете? — заключил капитан Келтум.

— Достоверно — нет, — ответил лейтенант Ваиж. — Недостаточно данных. С уверенностью можно сказать только то, что на этих стрельбищах тренировались в стрельбе из стрелкового оружия и в метании ручных гранат.

— Тогда у меня все, — произнес капитан Келтум.

Виман выждал еще пару секунд, посмотрел на присутствующих в штабе и повторно спросил:

— Еще вопросы будут?

В ответ тишина.

— Тогда приступаем к проверке бунтовщиков на прочность. Будем надеяться, что наша миссия все же закончится как учебная. Капитан Келтум!

— Я! — отозвался командир десанта.

— Готовьте десант к высадке на планету.

— Есть!

— Ваша задача — взять Космопорт имени Пил ага.

— Вас понял.

— А почему вы решили начать с космопорта? — подозрительно поглядывая на Вимана, поинтересовался витус Арил.

Этот штатский болван надоел хуже сушеной капусты на завтрак, обед и ужин. Причем надоел настолько, что даже орать на него не хочется.

— Капитан Келтум, — произнес Виман. — Объясните представителю Министерства колоний, почему целесообразнее всего начать именно с космопорта.

Вопрос удивил бывшего космодесантника, но он тут же ответил на него:

— Когда силы и возможности противника неизвестны, то лучше всего начинать с наименее опасного объекта. В данном случае Космопорт имени Пилага подходит лучше всего. Он мал в размерах и находится на поверхности планеты. При необходимости наступающей космической пехоте будет оказана огневая поддержка боевых машин пехоты, а также аэрокосмических истребителей и такшипов.

— Все правильно, капитан, — согласился Виман.

Приятно командовать толковыми офицерами.

— Тогда... Из чего же они стреляли? На том стрельбище, возле Глотки, — витус Арил не желает униматься.

А гражданский чинуша не настолько туп, как хочет казаться.

— Ответ на этот вопрос завтра узнают бойцы капитана Келтума, — ответил Виман. — Капитан Келтум, с вас детальный план наступления на космопорт. Часа через четыре, как будете готовы, свяжитесь со мной.

— Есть, — ответил капитан Келтум.

— Все свободны, — Виман закрыл совещание.

Представитель министерства неуклюже заковылял к выходу. Ей-богу! Как будто в штаны наложил.

Виман отстегнул ремни и, легко оттолкнувшись, поднялся из кресла. Он уже ухватился за скобу возле дверей, а чиновник не протопал и трети до выхода. Вот почему настоящие космонавты липучками не пользуются. Перемещаться по кораблю короткими прыжками гораздо быстрее, чем ковылять по полу, словно муха с оторванными крыльями.

Виман направился в свою каюту. Всесильная бюрократия требует очередное жертвоприношение. Раз переговоры с бунтовщиками с треском провалились, то придется писать очень толстый отчет. Главное максимально правдоподобно оправдать расход казенных средств и, не приведи господи, солдатских жизней.

Чем больше звезд на погонах, тем больше кадровый офицер превращается в бюрократа. Эту простую истину Виман усвоил больше тридцати лет назад, когда свежее испеченным младшим лейтенантом прибыл на линкор «Ингар» для прохождения военной службы.

— Э-э-э, витус! Минутку! Подождите!

Кретин от Министерства колоний что-то там пищит вослед. Но Виман сделал вид, будто по старости туг на оба уха и нырнул в колодец-переходник между уровнями. Пусть себе орет. Пусть. Бог даст, сорвет горло — все тише будет.

Глава 4. Штурм космопорта

Первый этап спуска на поверхность планеты занимает больше всего времени, зато он самый спокойный и безопасный. Сорок минут назад десантный челнок «Торнадо» покинул борт транспорта «Каштома», преодолел безвоздушное пространство и погрузился в верхние слои атмосферы. С каждой секундой трясет все больше и больше.

Для космических пехотинцев высадка на планету происходит вслепую. Что в боевой машине пехоты, что в спускаемом модуле, в котором заперта БМП, начисто отсутствуют окна. Что поделаешь — военная необходимость. Любая дырка в бронированном корпусе — потенциальная уязвимость. А как было бы здорово выглянуть наружу и полюбоваться на Свалку с огромной высоты. Но... Не положено. Настоящий солдат не должен страдать излишним любопытством.

Мелкая вибрация переросла в жестокую тряску. Кажется, будто при очередном толчке желудок, печень и селезенка вылетят через ненароком открытый рот. Пилот челнока меньше всего думает о комфорте десантников, зато головой отвечает за их безопасность. А ведь дальше будет только хуже.

Кто знает этих чокнутых аборигенов? Могут и зенитной ракетой пальнуть. Чем ближе челнок к поверхности планеты, тем больше вероятность поражения. Да, их прикрывает звено АКИ. Но наипервейшая цель для вражеской ПВО более громоздкие и менее юркие десантные челноки.

Недаром спускаемый модуль, в котором заперта БМП, называют летающим гробом. Очень хреново, когда от тебя ничего не зависит. Сиди, жди и надейся. Можно еще молиться. Фесс нервно сжал губы. Хреново, когда приходится доверять собственную жизнь кому бы то ни было, пусть даже это профессиональный пилот «Торнадо». Он ведь, зараза, в любой момент может катапультироваться из подбитого челнока. А запертые в двойном гробу десантники обречены на гибель.

Сильная тряска чуть стихла, зато добавилась боковая болтанка. Значит, «Торнадо» достиг поверхности.

Свалки. На бреющем полете десантный челнок повторяет рельеф местности и, для большей надежности, дергается из стороны в сторону. Пусть у Фесса в активе нет ни одного боевого десантирования, зато выматывающих душу учений в обстановке, максимально приближенной к боевой, хоть отбавляй. Одних только спусков с орбиты не меньше двух десятков.

Прибыли, почти. Последние минуты перед высадкой самые мучительные. Как хорошо, что лицо укрыто бронированным забралом. В БМП светло. Белые лампочки над узким проходом освещают сидящих вдоль стен пехотинцев. Бронескафандры покрашены под местный ландшафт в несколько оттенков красного. В такт рывкам космодесантники качают головами.

Фесс скосил глаза влево. Вол, друг и напарник, сидит молча. Из-за непрозрачного забрала невозможно разглядеть его лицо. Каждый раз, после очередной учебной высадки, Вол торжественно клянется на вилке с котлетой, что в этот самый момент выражение его лица самое что ни на есть решительное. Каждый раз Фесс пытается проверить его слова, и ничего не получается.

Проход между пехотинцами упирается в двухстворчатую дверь. А за ней... Фесс отвел

глаза

Волнение накапливается в груди и все больше и больше мешает дышать. Скоро, совсем скоро, сбудется давняя мечта — повоевать по-настоящему. Пять лет в пехотном училище... Целый год в Пятой роте... И все ради сегодняшнего дня. Слава Великому Создателю: операция по подавлению мятежа на Свалке не скатилась к очередному учебному десантированию. «Ветеран боевых действий» — звучит здорово. Когда еще подвернется такая удача.

Едва прозвучит команда на выход, как отделение за считанные секунды выскочит наружу через ту самую двухстворчатую дверь. Как самый молодой, Фесс сидит дальше всех от выхода. Хотя нет: самым последним из БМП выбежит сержант Ерлаев, командир отделения. Интересно, за какие заслуги его прозвали Юлой?

В зажиме над левым плечом покоится автомат «ЭМА Импульс 2М». Над черным стволом выделяется коробка электронного прицела. Электромагнитный автомат — основное оружие космического пехотинца. Уж сколько с ним побегано по всяким полигонам и расстреляно мишеней. Зато сегодня, скоро совсем, через электронный прицел он наконец-то увидит реального противника, а не нарисованный на куске пластика силуэт на той стороне стрельбища. Скорей бы.

Фесс скосил глаза вправо. За символической перегородкой из двух стальных стержней сидят операторы РСПП — роботизированных систем поддержки пехоты. Четыре боевых робота «Муравей — 4М6» притаились на внешней броне «Шельмы». Когда БМП выскочит из спускаемого модуля, они соскочат на землю и прикроют выпрыгивающих из боевой машины пехотинцев. «Муравьи» вполне могут действовать самостоятельно, они даже понимают голосовые команды, но до полноценного разума им все равно далеко. Операторы направляют респов на путь истинный и не дают заблудиться в трех соснах.

Фесс невольно вздохнул и уставился на собственные коленки. От вынужденного безделья в голову лезут глупые мысли. Когда вчера вечером капитан Келтум объявил о боевой высадке на планету, Фесс от радости едва не станцевал танец живота прямо на столе. А сейчас, когда до выхода осталась жалкая минута, к сердцу подступил страх. Вдруг война окажется самой настоящей? Такой, какой ее описывают очевидцы — боль, разрушения и гибель близких людей.

Фесс улыбнулся. Наверно, только от избытка чувств можно додуматься до такой ерунды. Скорее всего, колонисты не сдюжат и разбегутся по норам. Да что они могут противопоставить вооруженным по последнему слову науки и техники космическим пехотинцам Федерации Мирема? Дубинки, рогатки и катапульты?

Под полом заурчал движок «Шельмы». Началось! Сердце испуганно екнуло.

— Внимание! Мы на месте, — прозвучал в наушниках голос Юла.

Десантный челнок сильно трянуло. Движок под ногами взревел, «Шельма» резко дернулась с места. Боевая машина наклонилась немного вперед и тут же с легким толчком выпрямилась. Сейчас будет команда на выход. Фесс приготовился резко выдернуть из зажима верный автомат.

Команды нет. Фесс немного расслабился. Без толчков и рывков боевая машина уверенно катит вперед. Перед высадкой Юл объяснил, что командование решило посадить первый и второй взвод на взлетнопосадочной полосе местного космопорта, в двух — трех километрах от центрального здания. Раз «Шельма» уверенно катит по бетонной полосе, значит, противник не проявляет активность вовсе. Хреново. Неужели аборигены уже разбежались по

норам? Будет очень обидно.

— Внимание! Отделение, приготовиться! — скомандовал Юл.

На этот раз точно высадка. Фесс рывком выдернул автомат из зажима и положил на колени.

— Отделение... На выход! На выход!

«Шельма» резко сбросила скорость. Сверху раздался противный скрежет — «Муравьи» соскочили на землю. Дверь в БМП распахнулась настежь. Фесс подогнул колени и слегка наклонился вперед. Вот уже Вол вскочил на ноги и, пригнув голову, побежал на выход. Пехотинец напротив сорвался с места. Наконец его очередь. Фесс вскочил на ноги и рванул на выход.

Высадка из «Шельмы» отработана до полнейшего автоматизма. Фесс выпрыгнул из БМП и отскочил влево. Встать на колено, оружие на изготовку. Отделение покинуло боевую машину и рассыпалось широким полукругом. Но... Никого. Все чисто. Противника нет. Или уже разбежались? Вот козлы!

— Всем встать! Построиться цепью! Выдвигаемся к космопорту! — команды сержанта Ерлаева образец лаконичности.

Раз противника до сих пор нет, то десант продолжает наступление на здание космопорта. Фесс опустил автомат и поднялся на ноги. Самое время посмотреть по сторонам.

В первой волне на Свалку десантировался первый и второй взводы. Всего шесть отделений, шесть БМП и двадцать четыре «Муравья». Раз противник не удосужился вступить в бой, то оба взвода перестроились в широкую линию и двинулись в сторону космопорта. Впереди шустро перебирают лапами «Муравьи». За ними на небольшом удалении катят «Шельмы». Как самые ценные, пехотинцы шагают позади респов и боевых машин.

Блин! Как на показушных учениях. Еще только трибуны с толстомордыми генералами не хватает. Соблюдая дистанцию, Фесс шагает в цепочке своего отделения. До космопорта около километра — не так уж и много. Да и пейзаж вокруг не радует. Куда ни глянь, унылая серость с красноватым оттенком. Ветер, пыль и холод. И как тут можно жить?

Утро. Говорят, первый день весны. Местное светило укрылось за треугольной горой. Тень накрыла космопорт и кусок площади перед ним. О! Щитовая гора — вот как она называется. Как раз прикрывает космопорт с северной стороны. В ее глубины уходят портовые постройки. За Щитовой горой, словно задний фон на фотографии, выглядывают прилизанные горы гигантского кратера Финдос. Где-то в том направлении закопана столица Свалки.

Оба взвода развернулись широким фронтом. Крайние «Шельмы» съехали со взлетно-посадочной полосы, но проблем с проходимостью нет. За краями темного бетона начинается бескрайняя, уходящая на юге за горизонт каменистая пустыня. Посыпанный красной пылью снег забился в малейшие впадины и выровнял ее, словно исполинский стол.

Фесс постарался рассмотреть поближе чернеющее впереди здание космопорта и сощурил глаза. Автоматика боевого скафандра тут же поняла его желание и увеличила картинку. Без какого-либо бинокля Фесс разглядел космопорт в деталях и подробностях. Слева широкое здание с полукруглыми воротами. Три ангара для атмосферных челноков наглухо заперты. Административный корпус справа похож на утопленную в скалу круглую башню с выпуклым конусом на самом верху. Ни малейших признаков жизни. Хуже того. Фесс усилил приближение до максимума. Окна на круглой башне заварены стальными

листами. Единственная дверь на первом этаже надежно забаррикадирована бетонными плитами. Значит, аборигены все же ждут их, раз усложнили задачу по проникновению вовнутрь.

Рассмотрев подробности, Фесс расслабил глаза. Автоматика скафандра тут же сняла приближение. Космопорт разом отпрыгнул назад. Встроенная в бронескафандр система наблюдения классная вещь.

Первый и второй взводы космической пехоты приближаются к затихавшемуся космопорту. Командование не ожидало такой «бешеной» активности. Но команды остановиться до сих пор нет. И что дальше? Подойти к закрытым воротам и вежливо постучать?

* * *

За день до выхода Первого крейсерского флота на орбиту Дайзен-2 Народная армия самообороны выдвинулась на исходные позиции. За три с половиной года через Главную военную базу прошло несколько тысяч национальных гвардейцев. Против одной роты космического десанта Дайзен-2 может выставить четыре полностью укомплектованных полка по три тысячи ополченцев в каждом.

К чести Независимого правительства, оно решило не посылать на убой малообученных ополченцев. Против Пятой отдельной роты космического десанта выступит первый полк Народной армии. Пусть всего один, зато целиком и полностью укомплектованный кадровыми военными, которые три с половиной года усиленно занимались боевой подготовкой.

План вторжения правительственные войска предоставить забыли. Первый полк Народной армии раскидали по нескольким объектам. Часть назначили гарнизоном Финдоса, часть осталась в Глотке. Первой роте, в которой служит Чаг, выпала честь защищать Космопорт имени Пилата — самую вероятную цель первого удара.

Рота расположилась в административном здании космопорта. На каждом этаже теплые туалеты, а на первом отличная столовая с горячим питанием и обеденными столиками на четырех человек. Первому взводу достались два больших кабинета. Судя по письменным столам и мягким стульям, здесь не так давно обитали бюрократы. Конечно, поджидать врага со всеми удобствами очень даже приятно, но не менее утомительно.

На мирного инженера очистных сооружений широкого профиля Чаг так и не выучился. Самое время проверить правильность принятого решения. Три тысячи недавних обывателей, рабочих, студентов и служащих против двух сотен профессиональных пехотинцев метрополии — неплохой расклад, если не считать Первого крейсерского флота на орбите и кружащих в небе АКИ. Несколько раз аэрокосмические истребители пролетали над космопортом. Вой мощных движков пробивается через толстые стены и закладывает уши.

Нужно признать — рота космического десанта обладает чрезвычайно мощной огневой поддержкой. Встретить такого противника в чистом поле — самый верный способ проиграть первую же битву за независимость. Командование выбрало другой путь.

Последние часы перед бурей хороши по-особому. Чаг в блаженной неге валяется на самодельном ложе из подушек и ковриков на полу возле стены. Армейская служба быстро научила ценить маленькие удовольствия и приятные мелочи. Боевой борт аккуратно

разложен на столе, автомат лежит там же. Еще бы одеяло и телевизор на стену — был бы полный кайф. Кто не умеет расслабляться в минуты тишины, тот быстро сгорит на войне. Нервные клетки не восстанавливаются.

— Внимание! — ожил динамик. — Боевая тревога! Боевая тревога! На восточном конце взлетно-посадочной полосы противник высадил шесть боевых машин пехоты! Личному составу занять места согласно плану обороны!

Началось! Блаженное оцепенение моментально испарилось. Чаг бойко вскочил на ноги. Шесть БМП — как и следовало ожидать. В первой волне противник высадил треть сил. Чаг накинул на плечи борг и быстро застегнул молнии с липучками. Вокруг суетятся товарищи по отделению. Первая рота пришла в движение.

Боевой борг круче любой гражданской модели: суточный запас кислорода, камуфляжная раскраска, самая прочная металлизированная ткань и даже некая броня из сверхпрочного пластика. Создатели боевого борга утверждают, что он невидим в инфракрасном диапазоне и мало заметен для радаров. Хотя последнее явный перебор — даже на ощупь в борге полно металлических частей. Правда, и весит он круче гражданских моделей — двадцать пять килограмм.

Отработанным движением Чаг закинул на плечи разгрузку и схватил со стола оружие. Вместе с боевым бортом ему выдали самый настоящий боевой автомат с очень выразительным названием «Надежда». От игрушечной «Марки» его отличает более длинный ствол, удобный приклад и самый настоящий оптический прицел. Рядовой Ратаг к бою готов! Чаг выскочил в коридор.

За двое суток пребывания в космопорте Тапок, командир первой роты лейтенант Брадан, провел больше десяти учений. Ноги привычно понесли в сторону лестницы, на первый этаж и далее в ангар № 3. Солдаты первой роты в рекордное время разбежались по местам. Не зря, видать, Тапок гонял. Каких-то пять минут и космопорт полностью готов к обороне. Господи! Первое боевое столкновение с войсками метрополии. Да будет крепок мой дух, а тело послушно.

В ангаре было бы совсем темно, если бы не маленькие красные лампочки под сводчатым потолком. Чаг, переступая через бетонные блоки, пробрался до своей огневой позиции.

— Ну Шнык! Вечно тебе везет! — Чаг бухнулся на пол рядом с другом.

— А то! — весело ответил Шнык.

На всякий случай треть роты постоянно дежурит на позициях. В момент тревоги Шнык как раз сидел в третьем ангаре. Ему не пришлось в бешеной спешке натягивать борг, греметь плохо застегнутыми карманами и бежать сломя голову.

Они по-прежнему закадычные друзья. После разгрома заключенных Шнык тоже предпочел карьеру военного. Более того, они вместе договорились об этом, когда обмывали победу над Глоткой в кафе его родителей на Зерновой улице. Вот только Шнык вскоре получил ефрейтора и возглавил третье отделение. Чаг командовать людьми не любит, не умеет и не хочет уметь. А с такими данными лучше быть рядовым.

Ангары пусты. Атмосферные челноки, самое ценное имущество молодого независимого государства, куда-то увезли и спрятали.

Пустые ангары подготовлены к обороне. С пола убрали все, что только может служить прикрытием. Мастерские, кладовки и прочие вспомогательные помещения вдоль стен забаррикадировали. Если противник залезет в глубину ангара, то немедленно попадет под

кинжальный огонь. У задней стены и на втором уровне уложили бетонные блоки повышенной прочности. Пусть ни у кого на Дайзен-2 нет практического опыта организации обороны, зато командование самым тщательным образом изучило научнопопулярные книги по воинскому искусству.

Место командира отделения там, откуда лучше всего наблюдать за полем боя. Второй уровень возле задней стены ангара самое опасное место. Противник будет шпарить по нему прямой наводкой. Шнык выбрал огневую позицию повыше, у левого края. Как раз за спиной выход в коридор, проход вглубь Щитовой горы и дальше до подземной станции. Но Шнык не уйдет с поля боя, пока его не покинет последний солдат отделения.

Чаг рядовой стрелок. Основное оружие — пороховой автомат «Надежда». Но Независимое правительство прекрасно понимает, с какой силой столкнется Народная армия. Космические пехотинцы метрополии закованы в боевые скафандры, как рыцари далекого прошлого, даже глаз не видно. При стрельбе в упор очередями «Надежда», может быть, и раскусит современный композитный материал бронескафандров, а вот броню респов, и тем более «Шельм», только пощекочет. Поэтому пехоту Народной армии насытили пулеметами, ручными и реактивными гранатами.

В отделении Чага десять человек. Двое вооружены пулеметами «Грозный» калибра 7 миллиметров, двое реактивными гранатометами «Угроза». У каждого пулеметчика и гранатометчика по одному помощнику, который таскает обоймы с боеприпасами. Кроме того, каждый автомат укомплектован подствольным гранатометом. Два больших кармана разгрузки набиты выстрелами к нему. На огневой позиции перед Чатом лежат четыре ручные гранаты, ребристые шарики, полкило взрывчатки и убойных осколков в каждой. Еще четыре в карманах разгрузки. По идее, такая огневая мощь и карманная артиллерия должны с успехом противостоять космической пехоте метрополии. Но это все теория, практика будет сейчас.

Чаг едва успел устроиться поудобней между бетонными блоками, как погас и без того тусклый свет. Ангар погрузился во тьму. Снаружи, сквозь толстые ворота, долетает еле слышный рокот моторов. Противник уже подошел вплотную к ангарам? Или это только кажется? Нервы. Нервы. Все нервы!

* * *

Да-а-а! Как-то глупо война начинается. Фесс посмотрел на плотно запертые ангара. Да и будет ли она вообще? Или сейчас Колун со смехом заявит на общем канале: «Ха! Ха! Уважаемые. Начинаем учебный штурм космопорта. Стены не царапать. Заходя вовнутрь, вытирайте ноги». Ужас! Только не это.

Два взвода космической пехоты, шесть БМП, двадцать четыре РСПП выстроились широким фронтом и тупо уставились на Космопорт имени Пилага. От злости Фесс даже вспомнил его полное название. Враждебной активности как не было, так и нет. Фесс только зря напрягает автоматику скафандра и щупает взглядом серые стены с наглухо закрытыми воротами. Ничего. Абсолютно ничего. Противник безмолвствует и бездействует тоже.

Стоящая рядом «Шельма» бабахнула из пушки. От неожиданности Фесс вздрогнул. В центре ворот с большой цифрой «3» с грохотом расцвела рваная дырка. С брони БМП поднялась пара «Стрекоз», малых летающих разведчиков. Воя крошечными двигателями,

«Стрекозы» устремились к воротам.

Дыра посередине цифры «3» светит черным провалом в пустоту. «Стрекозы» сбросили скорость и зависли перед ней. Но вот разведчики выстроились в линию и разом нырнули в темноту.

Фесс едва не вспотел от нетерпения. Если и сейчас ничего не произойдет, значит, долбанные аборигены разбежались-таки по хатам. Сидят у себя в норах, трясутся от страха и сжигают декларацию о независимости. Во блин! Неужели опять боевая миссия Пятой роты превратится в учебную... Но нет! Фесс широко улыбнулся. Через дыру в воротах вылетели звуки самой настоящей стрельбы. Не разбежались, сволочи. Веселье будет.

— Отделение! Внимание! — в шлеме Фесса, словно глас божий, раздался голос сержанта Ерлаева. — Приготовиться к атаке! Сейчас «Шельмы» разнесут ворота и сразу же наступаем! Наша цель — ангар номер три. Вместе с нами объект атакует второе отделение. Внимание...

Последние слова сержанта потонули в оглушительном грохоте. БМП открыли беглый огонь. Скорострельная пушка «Шельмы» выплевывает снаряд в секунду и даже чаще. Ворота ангаров покрылись огромными дырками. Дырка на дырке. Дырка на дырке. Цифра «3» почти полностью исчезла под сплошными дырками. Еще немного и массивные ворота с грохотом обвалились вовнутрь ангара.

— Отделение! В атаку! В атаку!

Первыми в снесенные ворота устремились респы. Прыгая по рваным обломкам, «Муравьи» заскочили вовнутрь. За ними, набрав приличную скорость, спешат «Шельмы». Фесс рванул со всех ног.

Успеть! Успеть! Нужно успеть! А то на его долю ничего не останется. Боевая техника в момент перестреляет аборигенов.

* * *

В ангаре царит гробовая тишина. Кажется, будто темнота обрела физическое воплощение. Вытяни вперед руку, и ладонь тут же увязнет в холодном липком сиропе. Господи! Как же тихо. Чаг, стараясь не шевелиться, лежит на огневой позиции. Ствол «Надежды» упирается в бетонный блок.

Сильный удар разнес тишину вдребезги. В центре ворот вспыхнула большая дыра. Куски рваного металла гулко загрохотали по бетонному полу. Но первый выстрел оказался последним. Продолжения не последовало. Что за черт? Чаг навел перекрестье оптического прицела на дыру в воротах.

Снова тишина. Что они там задумали? Почему пальнули разок и на этом успокоились? Вопросы и никаких ответов.

— Что это? Психическая атака?

У кого-то в отделении сдали нервы. Нетерпение и неизвестность кого хочешь доведут до психушки. Кто именно спросил — непонятно, но Шнык тут же прервал возможную дискуссию:

— Эфир не засорять! Быть готовыми к отражению атаки!

Не зря Шныка назначили командиром отделения. Чаг с уважением покосился на друга. Тут не знаешь, куда собственные эмоции девать, а еще за подчиненными смотри.

Томительную тишину прервал вой крошечных реактивных двигателей. Чаг, вытянув шею, выглянул из-за бетонного блока. Они что там, снаружи, модельки запускают? Точно запускают. Напротив дыры зависла пара каких-то аппаратов. Но вот непонятные модельки выстроились в линию и лихо влетели вовнутрь. Яркие лучики озарили ангар изнутри. По стенам забегали кружочки света. Один из них упал на бетонный блок перед Чатом.

— Отделение! Внимание! Разведчиков уничтожить! — скомандовал Шнык.

Чаг прицелился в правый источник лучей и нажал на спуск. Пороховой автомат выпустил короткую очередь. Отделение разом открыло огонь. Стальные пули разнесли мини-разведчиков в клочья.

Точно — мини-разведчики. И как только не сообразил? Космопорт наглухо запечатан. Сам же помогал таскать стальные листы и заваривать окна. Десантники проделали дыру в воротах и запустили пару разведчиков. Прежде чем лезть напролом, нужно убедиться в наличии противника. Раз убедились, значит полезут. Чаг вжал голову в плечи и понадежней укрылся за бетонным блоком.

Снаружи загрохотали пушки. Ухающие артвыстрелы при всем желании не спутать с автоматной очередью. Стальные ворота прямо на глазах выворачиваются вовнутрь. Дырка. Дырка. Еще дырка. Дырка на дырке. Кажется, будто в ангар врываются яркие снопы света. Гул. Лязг. Визг.

Бетонный блок мелко дрожит. В стене за спиной разорвался снаряд. Чага осыпало мелкими камешками. Ворота, точнее то, что от них осталось, с грохотом обвалились вовнутрь.

Обстрел прекратился. Чаг осторожно высунулся наружу.

Ее!!! В ангар, перебирая стальными лапами по останкам ворот, валит целая куча респов. Точно муравьи: зад, брюшко и большая голова с двумя пулеметами. Только лап не шесть, а восемь. Мутанты хреновы.

— Отделение! Огонь! Огонь!

Чаг упер приклад в плечо и спустил курок подствольника.

Выстрел!

Приклад больно толкнул в плечо. Разом пальнуло все отделение. К самому шустрому респу метнулись два огненных шара. Яркие вспышки лазеров ИПРО и сдвоенный взрыв Противоракетная оборона «Муравья» успела отследить цели и дать залп, но слишком поздно. Взрывная волна подхватила подбитый респ и швырнула назад к воротам.

По респам застрекотали пулеметы. Голова ближайшего «Муравья» окуталась сетью искр. Проклятье! Чаг от обиды стукнул кулаком по полу. Стальные пули пачками отскакивают от «Муравья». Зато респ не остался в долгу и открыл бешеный огонь. Бетонный блок перед носом покрылся пылевыми фонтанчиками. Чаг отложил автомат в сторону и взял ручную гранату.

Как учили: гранату в правую руку, левой выдернуть чеку и плавным замахом кинуть набитый взрывчаткой шарик как можно дальше. Чаг от души швырнул первую гранату. Предплечье едва не выскочило из сустава. Но левая рука уже вытащила из ниши под бетонным блоком вторую гранату.

Как на учениях: пулеметчики и гранатометчики шпарят по наступающим респам, остальные кидают гранаты. Чаг швырнул вторую гранату и выглянул наружу. Многочисленные взрывы накрыли подступающих респов. Внизу яркие вспышки и облака белесой пыли — ни черта не видать. Проклятье! А это хуже: в открытый ангар с ревом

влетела парочка «Шельм» — серьезный, очень серьезный противник.

Левая «Шельма» натужно ревет движком и яростно отстреливается парой пулеметов. Но, долетев до середины ангара, боевая машина резко затормозила и дернулась в сторону.

— Ага! — радостно взревел Чаг. — Попалась! Паскуда!

Армия метрополии славится СОМами, системами обнаружения мин. Поэтому командование решило не минировать ни взлетно-посадочную полосу, ни площадь перед космопортом. Зато с десятков мин установили прямо посередине ангара. Более юркие респы просто перепрыгнули их или обежали, а вот гораздо более массивная «Шельма» прыгать не умеет. Чуткая электроника вовремя предупредила водителя об опасности, да не фиг было лезть на рожон! Совсем нас за идиотов держите!

Хитрость сработала на все сто. Левая «Шельма» с разворота врезалась в стену. Аж пыль во все стороны. Зад машины занесло вперед. Под задними колесами БМП ухнул взрыв. «Шельма» смешно подпрыгнула и шмякнулась на пол. В довершение в бок боевой машины ткнулась реактивная граната. На дверце водителя вспыхнул и погас огненный шар. Некогда грозная машина пехоты затихла. Пулеметы и пушка усталились в стену. Одним меньше!

Бой в ангаре набирает обороты. Респы как очумелые скачут по полу и грохочут пулеметами. Бетонный блок перед Чагом доблестно держит оборону. Пули отскакивают от него пачками. Рука нащупала третью гранату. Чаг выдернул чеку и кинул убойный шарик под лапы беснующихся роботов.

Век бы смотрел. «Муравей» дернулся в сторону от одной гранаты, чтобы напороться на другую. Сильный взрыв подбросил респа и толкнул вперед прямо на мины. Финальный взрыв. Еще одна боевая единица противника разлетелась на куски.

А это очень плохо. В ангар подтягивается пехота. На входе мелькают зловещие фигурки. Используя малейшие укрытия, рывками и короткими перебежками, вовнутрь просачиваются космические пехотинцы. Умело, черт побери, просачиваются. Без суеты и судорожной спешки. Профессиональные солдаты не тупые машины. Они не будут безбожно тратить боеприпасы, пулять во все, что шевелится. Нет. Пехотинцы начнут прицельно и методично давить огневые точки.

— Отделение! Внимание! Уходим! Уходим!

До сознания, сквозь грохот боя, пробилась команда командира. Отделение и рота в целом выполнили задачу — всыпали космическим пехотинцам по самые помидоры. Пора сматывать удочки. Держаться зубами за космопорт бесполезно. Только зубы обломаешь. На стороне десанта колоссальное превосходство в огневой мощи. Одни респы самоубийцы чего стоят.

Чаг выкинул последнюю гранату, развернулся и пополз к заранее намеченному выходу. За спиной рвануло дай боже. Бетонный блок до последнего берег его от пуль и осколков, но снаряд из скорострельной пушки расколол его на части. Шнык, дергаясь всем телом, лихо прополз через дыру в стене. Там, по другую сторону, большая мастерская. Чаг ухватился за края дыры и рывком протолкнул себя вовнутрь. На все воля Великого Создателя. Пусть третье отделение без потерь уберется с поля боя.

* * *

Как хорошо быть человеком из крови и плоти. Еще лучше, когда ты космический

пехотинец. Тупая автоматика не идет ни в какое сравнение с живыми десантниками. Вот ее и суют вперед в пекло. Сперва в ангар № 3 заскочили респы. Туда же на полном ходу въехали обе «Шельмы». Электронное железо приняло на себя первый самый тяжелый удар. А Фесс с товарищами по отделению только сейчас подтягивается к главному месту событий.

— Во дают!!! — бешеный восторг переполняет Фесса.

Невероятно! В ангаре бушует самый настоящий бой. Респы танцуют на бетонном полу и шпарят во все стороны из пулеметов. «Шельмы» спешат сблизиться с противником и грохочут сразу из всех стволов. И никаких посредников за спиной, картонных мишеней и безобидных взрывпакетов.

Правая «Шельма» резко завернула в сторону и со всего маху врезалась в стену. Зад боевой машины занесло вперед. Под массивными колесами ухнул взрыв. БМП смешно подпрыгнула на месте и затихла. Зато посреди ангара появилось отличное укрытие. Как учили, Фесс рывками и короткими перебежками подобрался к подбитой «Шельме» и присел под защитой бронированной туши.

— Ну, Прыгун! Ну ты пряткий! — рядом, эффектно проехав на согнутых коленях, притормозил Вол.

— А как же! — согласился Фесс и тут же крикнул: — Ложись!

Из стены напротив вырвался пучок пламени! Из незаметной дыры застрочил пулемет. Над головой засвистели пули. От борта подбитой БМП посыпались искры. В довершение рядом бабахнул подствольник.

Граната угодила в зад боевой машины. Фесс тут же навел автомат на огневую точку. Но... никого не видно. Зеленый квадрат прицела бессильно рыскает по стене. Вражеский стрелок выдал себя вторым залпом из подствольника. Фесс тут же навел прицел на то место, откуда выплеснулось пламя, и нажал на спуск.

Автомат лихо всадил пару десятков пуль в десятку. За спиной загрохотал автомат Вола. Кинжальный огонь очень опасен. Давить его нужно в первую очередь.

Противник за стеной тут же заткнулся. То ли убит, то ли сменил позицию — не понять. Да и не важно. Главное, что больше не стреляет. Фесс высунул автомат поверх подбитой «Шельмы».

Вот что значит технический прогресс: мини-камера с автомата выводит картинку прямо на внутренний экран перед глазами. Не нужно подставлять голову под огонь. Так даже стрелять можно. Главное, навести квадратик прицела на нужное место и нажать на спусковой крючок.

Проклятье! В ангаре пыль столбом. Снаряды и пули крошат бетон и тут же расплескивают его в воздухе. Да еще аборигены шпарят реактивными гранатами и щедро кидают ручные. И где только надыбали? Уроды!

На глазах Фесса взрыв подбросил респа в воздух и, словно пинком под зад, швырнул вперед. Пол под «Муравьем» разразился кустом пламени. Респа разнесло на запчасти.

— Ни хрена себе! — удивленно воскликнул Фесс. — Вол! Ты не поверишь! У них тут мины. Настоящие!

— Ну и хрен с ними! — отозвался напарник.

К черту эмоции, воевать надо. Наверху, на втором уровне, из-за бетонного блока торчит ствол. Фесс тут же выпустил в его сторону длинную очередь. Зря только — пули отскочили от бетона и закрыли аборигена завесой пыли.

Ах так! Тогда есть оружие помощнее. Фесс прицелился более тщательно и пальнул из

подствольника. Яркий взрыв расколол блок на куски. Ствол исчез. Да и хрен с ним.

— Отделение! Внимание! — ожил канал связи. — Противник отступает по всему фронту! Приказываю организовать преследование!

— Вас понял! — охотничий азарт накрыл Фесса с головой.

— Побежали-и-и!!! — воскликнул Вол.

Фесс осторожно высунулся из-за подбитой «Шельмы». Респы по-прежнему щедро заливают позиции аборигенов огнем, но ответной стрельбы не слышно.

— Туда! — Фесс показал автоматом на неприметную дверь.

В место, где должен быть замок, Фесс от души всадил остатки магазина. Тонкая стальная дверь задрожала и чуть приоткрылась.

— Погодь, Прыгун! — Вол вытащил из разгрузки гранату.

Правильно: при зачистке помещений, первой в комнату входит граната. Фесс воткнул в автомат полный магазин.

— Давай! — Фесс пнул стальную дверь.

Дверь с треском стукнулась о косяк и тут же широко распахнулась. Вол швырнул гранату.

Фесс прильнул спиной к стене. Внутри ухнул взрыв. Взрывная волна выбила замаскированное окно. Стекланные осколки градом осыпались на пол. Фесс тут же заскочил вовнутрь, напарник следом.

Прямоугольная комната, столы, шкаф, пыль столбом, красный сумрак и никого. Фесс дернулся вперед к проходу в глубь космопорта, но остановился. Слева стальная лестница вверх. А по ней что-то брякает...

Рефлексы быстрее разума. Фесс развернулся, мощным толчком вышиб напарника обратно в ангар и плюхнулся на него сверху. Вовремя! За спиной рванула граната. Осколки с визгом оцарапали скафандр.

— Умеют, падлы, воевать, — зло заметил Вол.

— Да и меня не пальцем делали, — со смехом ответил Фесс, слезая с напарника.

Быстро подняться на ноги.

— Давай еще! — скомандовал Фесс.

В комнату улетела вторая граната. Едва ухнул взрыв, как Фесс тут же заскочил вовнутрь.

Пыли еще больше. Шкаф развалился на куски, а крайний стол встал на дыбы. Зато никого и никаких ударов металла о металл. Дверь в глубину космопорта сорвало с петель. За ней узкий коридор. Пятна светильников едва разгоняют тьму.

Фесс присел на колено возле стены и громко произнес:

— Юл! Мы внутри! Выдвигаемся в сторону подземной станции!

— Отставить! — отозвался командир. — Минута! К вам идет подкрепление! Ждите!

— Вас понял! Ждем! — ответил Фесс.

Позади пристроился Вол. С позиции у левой стены стрелять гораздо удобней. Рука, которая держит автомат, не упирается в стену. Только стрелять не в кого. Через пяток метров узкий коридор вливается в еще один точно такой же.

* * *

В бою человек тупеет, разум не успевает анализировать бешеную смену обстановки. На

первый план выходят условные рефлексy, как у цирковой собачки. Ей-богу! Пусть голова не соображает, зато ноги сами несут по коридорам и лестницам космопорта. Не зря же за пару суток набегались всей толпой по намеченным путям отступления. Спасибо дорогому Тапку.

Тридцатимиллиметровые снаряды «Шельмы» пробили заднюю стену ангара. Пол большой мастерской усыпан рваными кусками и бетонной крошкой. Да еще пыль дымовой завесой — ни хрена не видно. И как только из мастерской выбрались? Боевые борги из темно-красных превратились в грязно-белые.

Уже в коридоре Чаг услышал, как внизу под лестницей в ангар бабахнула граната. Зачистка, враг близко. Не раздумывая, Чаг вытащил из кармана осколочную гранату и бросил ее вниз. Пусть десанты порадуются.

Подземная станция спрятана в глубине Щитовой горы. Постоянно приходится спускаться вниз, но это даже к лучшему. Шнык прыгнул с очередной лестницы и рванул через металлическую дверь в коридор, но неожиданно влетел обратно. Чаг едва успел отпрыгнуть в сторону, как стальную дверь прошила пулеметная очередь.

— Козлы!!! Болваны!!! Недомерки!!! — от души выматерился Шнык. — Не стрелять!!! Свои!!!

— Кто?! — потребовал уточнить голос с той стороны коридора.

— Шнык, Непоседа. Первый взвод. Третье отделение.

— Виноват, командир. Проходите, — Чаг узнал Пулю, пулеметчика.

— Ты что? Сдурел? — Шнык накинулся на Пулю. — Да я тебя сам пристрелю!

В гневе Шнык опасен, но голову не теряет.

— Десанты, мать их, во все щели лезут. Белые от пыли. Не видно ни хрена. Спутать легко, — залепетал пулеметчик, но Шнык оборвал его на полуслове:

— Да хрен с ними! Уходим. Дуй вперед. Мы прикроем.

— Есть! — ответил Пуля и убежал вдаль по коридору.

Маневр отхода от нападающего противника Чаг освоил еще в пейнтбольном клубе. Если бежать, как стадо баранов, то перестреляют, как баранов. Автоматная очередь в спину и все кончено. А так нельзя. Перекатами, по очереди, прикрывая друг друга. Иначе никак.

— Кажись, нет никого. Мы последние. Пошли! — скомандовал Шнык.

Прикрывая друг друга, Чаг с напарником торопливо прошли по пустым коридорам космопорта. Кругом разруха и запустение. Даже не верится, что совсем недавно здесь ярко горел свет и жизнь была ключом.

Наконец они вышли в широкий коридор. Отсюда до подземной станции рукой подать. Двое бойцов караулят у двери. К счастью, нервы у них крепкие. А то у одного в руках пулемет, у другого реактивный гранатомет. Поймать на лету «Угрозу», пару кило первоклассной взрывчатки, сомнительное удовольствие.

— Уходите! Оба! — Шнык махнул рукой в сторону подземной станции. — Мы с Непоседой прикроем!

— Есть! — дружно рывкнули бойцы и отбежали от двери.

Первая рота прикрывала космодром. Ей же выпал жребий первой схлестнуться с противником. Дело сделано, пора уносить ноги. Солдаты торопливо отступают по широкому туннелю. Сначала уносят раненых. Пуля закинул пулемет на спину и подхватил тяжело раненного товарища, которого уже тащит под руку один из солдат. Чаг и Шнык остались у входа в узкий коридор. Поток отступающих быстро иссяк.

— Тапок идет! — Шнык ткнул пальцем в приближающуюся фигуру. — Приказывает

уходить. Больше нет никого.

Можно и нужно бежать к подземной станции, но все не так просто. На той стороне узкого коридора раздался перестук и скрежет. Во блин! Из-за угла высунулась башка «Муравья». Респ, как обычно, впереди космических пехотинцев.

— Респы!!! — Чаг отпрыгнул от двери.

По ушам долбанула пулеметная очередь. Стальная дверь разлетелась на куски. Спарка на башке «Муравья» это нечто с чем-то. Просто так уже не смыться. Чаг вытащил из кармана гранату. Робот должен отреагировать как надо. Он же железный. Рискуя остаться без руки, Чаг закинул гранату в коридор.

Один! Два! Три!

Граната прокатилась по полу и рванула дай боже. Дверь, точнее ее жалкое подобие, с треском распахнулась. Чаг от души закинул в глубь вторую гранату и только тогда рванул со всех ног вслед за Шныком.

Бегать так быстро и так отчаянно еще никогда не приходилось. Страх подстегивает похлеще самой суровой плетки. Не приведи господи, недобитый респ высунется в широкий коридор и пустит вдогонку пару десятков 15-миллиметровых пуль... Хоронить будет нечего!!!

Чаг с ходу сиганул с платформы в спасительную глубину железнодорожного пути. Космических пехотинцев поджидает последний сюрприз. На краю платформы стоит пара тяжелых пулеметов «Защитник». Два бойца с реактивными гранатомерами маячат рядом. «Угроза» она и на Свалке угроза.

— Наконец-то! — с облегчением порадовался Чаг. На какой-то хрен командование приберегло

12-миллиметровые пулеметы, самые мощные, между прочим, напоследок. Они там, в ангаре, по «Муравьям» и «Шельмам» из автоматов шпарили, тогда как самое мощное стрелковое оружие простаивало без малейшей пользы в глубинах космопорта. Но теперь настал момент проверить его боевые возможности.

Едва не спотыкаясь о бетонные шпалы, Чаг убежал в спасительную глубину железнодорожного туннеля. За спиной разом ухнули реактивные гранатометы и застрочили пулеметы. Ну и всыпят же они десантам. По самые помидоры.

* * *

От боевого азарта вскипела кровь. Маленькие молоточки бьют по вискам. Сейчас бы плюнуть на устав, своевольничать да приударить за аборигенами. Ясно же как пень — драпают гады. Каждая секунда на вес золота. Но Фесс все равно остался на месте. Знаменитая армейская дисциплина крепче стальных цепей приковала его к месту возле сорванных дверей.

Из прохода со стороны ангара долетели лязг и шорох. Фесс инстинктивно развернулся и приготовился к стрельбе. Квадрат прицела заметался по пылевому мареву и покраснел. Перед глазами вспыхнула грозная надпись: «Свой!». Фесс тут же поднял ствол. Система «свой — чужой» в очередной раз уберегла от убийственного огня по своим же товарищам.

Из-за пыльного занавеса высунулась овальная голова «Муравья». Стволы 15-миллиметровых пулеметов, словно усики антенн, вращаются из стороны в сторону. Вот где

пригодилась компактная форма респов.

РСПП созданы для поддержки пехоты. «Муравьи» могут пройти в стандартную дверь, протиснуться по стандартному коридору и взобраться по стандартной лестнице. Иначе говоря, респы поддерживают космических пехотинцев не только в чистом поле, но и в жилых помещениях. Фесс, пропуская «Муравья», прижался спиной к стене. Пусть идет вперед, башка железная.

Вслед за респом подошли еще четверо пехотинцев. Правда, они из другого отделения. Как обычно, в бою личный состав перемешивается. Но это не важно — цель общая.

— Пошли! — воскликнул Фесс.

Зачищать космопорт с респом — одно сплошное удовольствие. Стальная башка уверенно лезет вперед и не боится поймать в лобешник пару пуль. Встроенные в «Муравья» датчики СОМ заметят взрывоопасные ловушки. Если респ сам не сможет обезвредить мину, то обязательно предупредит идущих следом пехотинцев. Прикольно, когда железная башка приятным женским голосом сообщает о найденной мине или растяжке. Да и поводырь из «Муравья» великолепный. Маленький отряд космических пехотинцев уверенно, а главное быстро, продвигается вглубь вражеского космопорта.

С учетом уже пройденного, они вот-вот должны достичь широкого коридора, который ведет к подземной станции. Ее нужно блокировать в первую очередь. Иначе аборигены сделают ноги, удерут, как крысы по канализационным трубам.

На очередном повороте респ высунул голову за угол и тут же открыл огонь. Ого! Противник! Фесс бросил взгляд на индикатор боезапаса. На маленьком экранчике горит число 67, вполне достаточно. Наконец-то они столкнутся с бешеными аборигенами лицом к лицу.

Неожиданно респ отпрыгнул назад. В коридоре за углом рванула граната. Фесс всем телом подался вперед и упал на пол. Вовремя! Из-за угла вылетела вторая граната и разорвалась в паре метров от присевшего респы.

Осколки с визгом пронеслись над головой. Самые убойные куски отлетели от бронированной морды респы. «Муравей» поднялся на лапы и снова выглянул за угол. Стрельбы не последовало.

— Черт побери! — расстроился Фесс. — Удрал! Зараза.

— Может быть! — хохотнул Вол и ловко, на повороте, обошел Фесса.

Аборигены умеют драпать. Очень хорошо умеют. Да еще Вол, лучший друг называется, вперед выскользнул. Фесс побежал следом за напарником.

Злость распирает грудную клетку. Так и хочется поддать напарнику ускорения через пятую точку. Пропустить друга вперед и тем самым позволить ему сорвать лавры победителя... Да ни за что! Но — делать нечего. Коридор узок. Двум десантникам в бронескафандрах не разойтись. Разве что осторожно, прижимаясь спинами к стенам, протиснуться мимо друг друга. Вот только вряд ли Вол пропустит его вперед.

«Муравей» выскочил в тот самый широкий коридор, который ведет к подземной станции. Впереди мелькнула спина Вола. Наконец-то появился шанс обогнать напарника. Нужно поднажать!словно спринтер на короткой дистанции, Фесс прибавил ходу. Еще немного! Еще чуть-чуть! И тогда...

Там, впереди, в красноватом сумраке, подземная станция. Но... Что это? Прямо на них, озаряя стены, несутся огненные шары. Респ впереди окутался импульсами ИПРО. Сдвоенный взрыв вмял «Муравья» в бетонный пол. Взрывная волна остановила Фесса и едва не

опрокинула на спину. Загрохотали пулеметы. Над перроном подземной станции возникли пульсирующие огни.

Время растянулось до бесконечности. Как в дурном сне, когда страстно желаешь проснуться, да никак не получается. Фесс заметил, как от пола, стен, потолка отскакивают вражеские пули. Искры, кусочки сколотого бетона и маленькие тучки пыли. Бегущий впереди Вол почему-то остановился и как-то неестественно задергался всем телом. Такое впечатление, будто кто-то невидимый стоит перед ним и тычет в него палкой то в грудь, то в правое плечо, то в левую ногу. Вол нехотя разжал пальцы. Автомат, основное оружие космического пехотинца, его сила и мощь, выпал из рук и отлетел в сторону.

Фесс, ничего не понимая, постарался подойти поближе к другу. В душу закралось беспокойство за напарника. Что-то с ним не так. Вот только ноги почему-то прилипли к полу, а руки как будто увязли в трясине. Фесс с превеликим трудом передвигается с места на место. Как сквозь густой кисель, ей-богу.

До лучшего друга пару метров. Пустяк сущий. Вол ни с того ни с сего опасно выгнулся всем телом назад и начал падать. Странно как-то, будто в замедленной съемке. Фесс попытался подхватить напарника, придержать его и не дать брякнуться головой о землю. Это же больно, очень. Мозги отбить можно, запросто. Но тут затылок напарника странно вспух и раскрылся, словно цветок. На Фесса выплеснулся кровавый фонтан. Время резко рвануло вперед!

Вол, падая, опрокинул Фесса на спину. Даже через броник чувствуется, как в тело напарника впиваются вражеские пули. Кругом пули. Совсем рядом чиркают о бетон, выбивают пыль и летят дальше. Фесс столкнул убитого в сторону и резко перевернулся на живот. Нужно срочно убираться из-под пулеметного огня.

По-пластунски, привычно перебирая руками и ногами, Фесс пополз обратно к узкому коридору, откуда они выскочили пару секунд назад. Пулеметы на платформе подземки щедро осыпают пулями. Вот одна чиркнула по правой руке, вторая прошла по макушке, а третья столкнулась с блоком жизнеобеспечения. Внутри вспоротых пластин вспенился гермогель, который тут же закупорил щели и восстановил герметичность.

Наконец Фесс дополз до спасительной двери. Пренебрегая опасностью, товарищи по роте подхватили его и втянули в глубь узкого коридора. Последняя пуля чиркнула по пятке. Чуть ступню не свернула, зараза.

Товарищи по роте оттащили Фесса в глубь узкого коридора и прислонили к стене. Понадобилось больше двух минут, чтобы отойти от шока и заново осмыслить мир логическими связями. Убойная мысль, словно пуля, выстрелила в голову — Вол, лучший друг и напарник, погиб. Хуже того! Он погиб и собственным телом спас от неминуемой гибели.

Проклятье! Ну как же так? Если бы он не обогнал на повороте, то сейчас, на этом самом месте, сидел бы Вол. А там, в широком коридоре, недалеко от взорванного респа, валялся бы...

— Великий Создатель, неисповедимы пути твои, — прошептал Фесс.

Опять нервный шок. Фесс так и замер каменным истуканом, памятником самому себе в натуральную величину. Если бы, если бы Вол не обогнал на повороте...

Фесс просидел возле стены бог знает сколько времени. Постепенно нервное потрясение сошло на нет. Оказывается, перед глазами уже давно пульсирует надпись: «Внимание! Вы повреждены!». И как только сразу не заметил? Впрочем, надпись желтая — ничего

страшного. Бронескафандр принял на себя убийственный огонь и спас ему жизнь. Как Вол, спас. Черт! Точно такой же бронескафандр, последний писк науки и техники, оказался не в силах спасти лучшего друга и напарника.

— Великий Создатель, да будет на все воля твоя.

С губ опять сорвались слова древней молитвы. Фесс никогда не был глубоко верующим человеком. Но в момент смертельной опасности о Великом Создателе вспоминают даже закоренелые атеисты и продажные политики.

Глава 5. Итоги первого боя

В штабе Первого крейсерского флота висит напряженная тишина.

Встроенный в центральный стол голографический проектор показывает трехмерное изображение космопорта, часть Щитовой горы и площадь перед ангарами. Сквозь полупрозрачные стены отлично видно, что творится внутри космопорта. Синие столбики символизируют пехотинцев, поваленные набок овалы — роботизированные системы поддержки пехоты, а синие кирпичики изображают боевые машины пехоты. Разрешение голографической проекции достаточно большое, чтобы не напрягая зрение следить за перемещениями каждого космического пехотинца в отдельности.

Штурм космопорта напоминает продвинутую компьютерную игрушку в трехмерном оформлении и с большой командой участников. Но! Не приведи Создатель забыть, что за синими фигурками скрываются живые люди и реальная боевая техника.

Космопорт имени Пилага построили очень давно. Еще первый губернатор Свалки определил место для строительства, утвердил проект и подписал строительные ведомости. В памяти компьютера «Саблезуба» нашелся подробный план космопорта со всеми ангарами, мастерскими, переходами и подземной станцией. Пока десантники торчали снаружи, на трехмерной карте не было никаких признаков противника.

«Стрекозы» синими точками влетели в ангар № 3. Почти сразу мини-разведчики окутались желтыми шариками огневого контакта и пропали. Зато в ангаре вспыхнули красные фигурки противника. Впрочем, красные столбики замерли на месте и начали тускнеть. Если местонахождение вражеских солдат известно точно, то их изображения горят насыщенным красным цветом. Если контакт потерян, то фигурки замирают на месте, бледнеют и со временем пропадают вовсе.

Общий штурм космопорта вызвал целый веер отметок. Между синими и красными фигурками вспыхнули желтые шарики огневого контакта.

Это была очень захватывающая игра. Покруче любого реалити-шоу. Капитан Келтум, командир десантников, отлично знает свое дело. Да и сами космические пехотинцы действуют грамотно, всюду пользуются прикрытиями и не лезут вперед респов в пекло. Вон! Адмирал Виман скосил глаза. Представитель Министерства колоний прилип к полу, как таракан в дешевой ловушке. За весь штурм не проронил ни слова. Все пялился и пялился на тактическую карту. Даже рот открыл от немого восхищения. Идиот. Нет здесь никакого удовольствия, только тяжкая ответственность за каждую солдатскую жизнь.

Черт побери! Хреново дело. Очень хреново. Через пару минут красные фигурки быстро и слаженно покинули ангара. В административном здании космопорта их не нашлось вовсе. Последние красные столбики подтянулись к подземной станции и пропали. Несложно догадаться: аборигены отступили по подземным туннелям. Весь Первый крейсерский флот, один тяжелый крейсер и два легких, не в силах помешать противнику уйти. Обидно даже.

Передовым отделениям так и не удалось вовремя пробиться к подземной станции. Синие овалы респов и столбики солдат вышли к перрону, а новые красные фигурки на тактической карте так и не появились. Пехотинцы только зря чистят административное здание космопорта и пустые ангара. Какой можно сделать вывод? Противник отошел в организованном порядке. Не сбежал, а именно отошел. Отступивший враг это далеко еще не разбитый враг. Совсем хреново.

Обычно так называемые бунтовщики разбегаются, как тараканы по полу, драпают во все стороны без оглядки. Здесь же продуманная оборона и отработанное взаимодействие. И, что самое печальное, аборигены не держались за космопорт. Постреляли, побросали гранаты, подбили пару респов, вон — даже «Шельму» зацепили, и отошли. Больше всего это представление напоминает пробу сил. Да! Именно пробу. Аборигены надкусили мощь армии метрополии и не подавились. Сволочи.

— Наконец-то! — радостно заржал витус Арил. — Побежали как миленькие. Только пыль столбом.

Восторг чинуши не знает границ. Даже в ладоши хлопал, идиот. Как будто не было бесчисленных шариков огневого контакта, которые, между прочим, прямо указывают на горячую перестрелку. Виман, стараясь не замечать тупого представителя, скомандовал нарочито громко:

— Потери личного состава и бронетехники Пятой роты.

На маленьком тактическом экране, который закреплен на торце штабного стола, появилась длинная надпись: «Потери личного состава Пятой отдельной роты космического десанта: убито 9 человек или 4,28 %, ранено 32 человека или 15,24 %, потеряно РСПП 18 штук или 50 %, потеряно БМП 1 штука или 6,25 %».

— Быть не может! — удивленно воскликнул Биман.

В это невозможно поверить! Почти десять космических пехотинцев убито и больше трех десятков ранено? Впервые за три сотни лет вооруженные силы Федерации понесли самые настоящие боевые потери.

Не ожидал. Никак не ожидал от аборигенов такой, такой... гадости. Да как только посмели?! Да как только смогли?! Да на кого батон покрошили?! Да они хоть понимают, что наделали? Этого Тонка и всю его банду к стенке поставить надо!

— Э-э-э, адмирал!

Сзади подковылял представитель министерства и самым бесстыдным образом заглянул через плечо.

— Ваш комп набит вирусами? Или он так шутит? Не смешно, между прочим. Ладно раненые, бывает. Но убитые. Откуда?

Виман сжал кулаки и закрыл глаза. Главное сдержаться... Сдержаться... Глубокий вдох и медленный выдох... Собрать всю силу воли в кулак, чтобы кулаком же, с развороту, не врезать чинуше по тупой морде!

— Перед каждой боевой операцией бортовой компьютер «Саблезуба», вообще все компьютеры флота, проходят обязательную проверку. В том числе на наличие компьютерных вирусов, — сухим от избытка официальности голосом ответил Виман. — Если бортовой компьютер «Саблезуба» показывает девять человек убитыми, значит, ровно девять космических пехотинцев погибло при штурме Космопорта имени Пилата. На самом деле погибли! Ясно вам?

Сдержался, почти. Виман с трудом разжал судорожно сведенные пальцы. Длинную фразу удалось произнести ровно, на одном дыхании, а главное, — не сорваться на визг. Гнев по-прежнему бурлит глубоко внутри. Но, хвала Великому Создателю, наружу не выплеснулся. Почти не выплеснулся.

Категорическое заявление озадачило витуса Арила.

— Тогда потрудитесь объяснить, как это получилось? — с вызовом потребовал чиновник.

Классический прием подковерной борьбы — как можно быстрее спихнуть ответственность на другого, пока ее не взвалили на тебя самого. Так сказать, с больной головы на здоровую. Но Виман не стал бы контр-адмиралом, не командовал бы сейчас Первым крейсерским флотом, если бы не обладал парочкой данов в драке без правил в коридорах власти.

— Это вас надо спросить: как ваше министерство управляло Свалкой триста лет, если за каких-то девять месяцев у аборигенов появился целый арсенал неустановленного оружия, из которого они убили девять отлично подготовленных солдат, уничтожили шестнадцать роботизированных систем поддержки пехоты и даже умудрились подбить одну «Шельму»?! — с еще большим вызовом спросил Виман.

Один-один — ничья. Чиновник насупился, нахохлился как клонутый петух и отвалил в сторону. Но вопрос остался. Интересно — из чего же они стреляли? Ясно дело, не из запасов тюремного арсенала. Тогда из чего? Впрочем, вопрос с оружием скоро выяснится. Раз поле боя, то есть космопорт, остался за десантом, то будут трофеи.

Но... само присутствие представителя Министерства колоний, типичного тупоголового бюрократа, заставляет задуматься над очень серьезной проблемой — что делать дальше? С одной стороны, все понятно: впервые в новейшей истории космической экспансии отдаленная колония взбунтовалась самым настоящим образом. Втройне обидно от мысли, что он сам, точнее Первый крейсерский флот под его командованием, закрыл страницу мирного освоения космоса. На новой странице окрепшие колонии возжелают независимости и возьмутся за оружие. Свалка первая, но не последняя. Дурной пример заразителен, как чума. Будут и другие. Если так пойдет дальше, то очень скоро космические десантники начнут коллекционировать самые настоящие военные операции, а не учебные вылеты, которые так и не стали боевыми. Не приведи господь, и до скальпов дойдет.

Роты космического десанта не хватит, чтобы усмирить Свалку. 210 человек физически не смогут взять под контроль два миллиона аборигенов и 380 тысяч квадратных километров одного только кратера Финдос.

Но... совершенно ясно и другое: нельзя просто так объявить общий сбор и убраться со Свалки подобрупоздорову. Девять погибших десантников слишком мало, чтобы чиновники в Министерстве обороны насытились кровью. В аккурат, как жестокие боги седой древности, такие же всемогущие и черствые.

Что такое девять человек? Всего лишь четыре с небольшим процента невосполнимых потерь. «Муравьев» и «Шельму» можно не считать — железо, его не жалко. Склады и так забиты под самые потолки, все равно со временем списывать.

Виман тяжело вздохнул и стер надпись с тактического экрана. Очень не хочется, но все равно придется провести как минимум еще одну операцию. Например, Фесс убрал с тактического стола изображение космопорта и вывел карту кратера Финдос, взять

Глотку — отличный вариант. А там дальше видно будет.

— Адмирал! Что вы молчите, как истукан? Теперь можно жахнуть по Свалке ядерной бомбой, ракетой, или что там у вас есть, — заявил представитель министерства.

Ну и настырный же этот чиновник. Не иначе и до него дошел смысл боевых потерь. Осознал, к сожалению, что за ними стоит.

— А что дальше? — вопросом на вопрос ответил Виман. — Захватить побольше заложников и публично казнить половину из них? Вы лично хотите вешать женщин и детей?

— Да ну, бросьте, адмирал. Это слишком, — отмахнулся витус Арил. — Свалка далеко

не Мирем, да и от самого Мирема далеко. Ядерный взрыв не нанесет слишком большой урон экономике, зато до смерти напугает аборигенов. Вот увидите — описаются от страха.

В чем-то витус Арил прав. Но спорить с представителем министерства абсолютно не хочется.

— Хорошо, мы придумаем что-нибудь, — неопределенно пообещал Виман.

— Главное, побольше шуму и пыли. В конце концов, ядерную бомбу можно взорвать на Финдосом. На высоте.

Глава 6. Отрезвление

— Ну! Как ты? — рядом присел пехотинец из второго отделения.

— Цел. Поврежден только. А как там? — Фесс неопределенно кивнул.

— Космопорт мы взяли. Аборигены ушли по подземным туннелям. «Муравьи» караулят на перроне, — пояснил пехотинец.

— Спасибо, — ответил Фесс.

— Рядовой Инес! — в разговор вклинился ротный. — Ваш бронескафандр поврежден. Приказываю немедленно выйти из боя и покинуть место огневого контакта!

— Вас понял. Выполняю, — машинально ответил Фесс.

Надо бы встать, принять вертикальное положение и как можно быстрее выбраться из космопорта на свежий воздух. Колун сидит в штабной «Шельме» где-то снаружи. К нему стекается вся телеметрия от «Шельм», «Муравьев» и броников. Капитан точно знает местонахождение каждого пехотинца и его состояние. Фесс поврежден, значит, потерял боеспособность. Согласно уставу, он обязан покинуть поле боя. Скрипя блоком жизнеобеспечения по стене, Фесс поднялся на ноги и закинул автомат в зажим на спине. В широком коридоре, который выходит на подземную станцию, тихо.

Оружие аборигенов грохочет дай боже. Сам Хессан в страхе заткнет уши и уберется в ад. Но! Раз бой закончился... Фесс, опираясь рукой о стену, вышел в широкий коридор. Нарушать устав, игнорировать приказ самого ротного — очень большой залет. За такое на гражданку в два счета выгонят. Но... Фесс упрямо побрел вдоль коридора, он не может, не имеет права просто так взять и уйти. От жгучих вопросов чешутся руки, а ноги сами несут на перрон подземной станции.

То, что когда-то было дверью, окончательно осыпалось. Пятнадцатимиллиметровые пули превратили ее даже не в решето, а в хилый обрубок. В стороне, где находится подземная станция, мелькают лучи света и доносятся голоса. С трудом перебирая ногами, Фесс подошел к убитому другу.

В тусклом свете аварийных ламп многочисленные бурые пятна выделяются на более светлом фоне бронескафандра. Пули аборигенов пробили защитный костюм во многих местах. На руках, ногах, груди зияют глубокие ямки. Кровь темными полосками стекла на пыльный пол. Роковая пуля пробила голову друга навывлет. Забрало шлема — самое слабое место бронескафандра, ахиллесова пята перед самым лицом.

Пули аборигенов поцарапали бронескафандр Фесса. Научно-техническое превосходство метрополии уберегло его. Убитому напарнику он обязан ни больше ни меньше, а собственной жизнью. Если бы Вол не обогнал его на повороте, не выскочил бы вперед... Думать противно. Но... Что же убило его? Какое такое оружие все же сумело вскрыть далеко не слабенький броник? Фесс пошел дальше. Убитому уже ничем не помочь. Двигаясь словно в вязком тумане, Фесс дошел до подземной станции.

Как и во всем космопорте станция едва-едва освещена красными лампами. Внизу под перроном отсвечивают полированные рельсы. Влево и вправо черные провалы туннелей. «Муравьи», словно застывшие статуи, стерегут выходы на станцию. Рядом суетится целое отделение космических пехотинцев. Только все равно не верится, будто аборигены полезут из всех щелей и попытаются отбить космопорт.

Пока шел бой, пока свистели пули и рвались гранаты, думать было некогда. Как боевая

машина, Фесс воевал на автопилоте: стрелял, перемещался и укрывался, как учили. Но теперь космопорт взят, настало время поработать мозгами.

Если верить ветеранам учебно-боевых вылетов, обычно так называемые бунтовщики драпают, как тараканы. Но то, что здесь произошло, что успел заметить, никак не похоже на паническое бегство. Аборигены, как самые настоящие солдаты, отошли и унесли с собой все свое оружие. Или не все?

На перроне, как раз напротив выхода на станцию, валяются цилиндрики весьма странной формы. Фесс подошел к краю платформы и посмотрел вниз. Точно! Возле натертого до блеска рельса навалено аж две кучи точно таких же цилиндриков, стальных, кажется. Фесс подобрал один из них и поднес к глазам.

Сталь, не сталь, но то, что цилиндрик металлический — абсолютно точно. Один конец закатан наглухо, причем недалеко от края продавлена небольшая канавка. Не заводской брак, а технический элемент, уж чересчур правильная и ровная получилась канавка. Другой конец металлического цилиндрика несколько сужен. Идеально круглая дырка диаметром 10–12 миллиметров. Фесс так и эдак повертел странную находку. Ясно одно — ответ у него в руках. Понять бы его.

С большим трудом из памяти всплыли кадры учебного фильма о Последней мировой войне. Несколько веков назад электромагнитное оружие только-только покинуло стены секретных лабораторий. Но и до создания высокотемпературных сверхпроводников люди убивали друг друга миллионами. Но как? Точнее, чем?

Перед внутренним взором появились артиллеристы Последней мировой. Вот brave в темно-зеленом камуфляже из простой ткани лихо затолкнул в пушку снаряд... Отошел от орудия... Пушка выстрелила... Затвор отскочил вниз... И... Фесс напряг память. Наружу вылетела... Гильза. Точно! Металлическая гильза. Почти такая же, широкая на одном конце и узкая на другом, только размерами побольше.

Цепочка ассоциаций сломала стену забвения. Сразу вспомнились лекции по истории войн. До технологии электромагнитного разгона люди с большим успехом использовали эффект расширяющихся при горении газов, пороховых газов. Да, точно — пороховых.

В стальную гильзу засыпают порох и вставляют пулю. В доньшке установлен специальный капсюль-воспламенитель. Фесс перевернул гильзу и посмотрел на закатанный конец. Все сходится: капсюль-воспламенитель выделяется ярким пятном, а в нем маленькое углубление, словно гвоздем ткнули. Точно ткнули! Достаточно ударить по капсюлю, как от тут же воспламенит порох. Газы под большим давлением вытолкнут пулю из гильзы и разгонят ее в стволе оружия. После выстрела пустая гильза выбрасывается наружу. Блин! Как же просто.

С перрона подземной станции два пороховых пулемета вели прицельный огонь по наступающим пехотинцам. Вот откуда взялись пульсирующие в полутьме огни: при стрельбе из стволов вылетает самое настоящее пламя. А калибр пуль почти как у «Муравьев».

Гнев и обида ударили в голову. Фесс едва не зарычал и сжал гильзу. Не тут-то было — металлический цилиндр не поддался. Крепкий, зараза.

Никто из увешанных большими погонами генералов и адмиралов представить себе не мог, что на богом забытой Свалке аборигены воспроизведут анахронизм многовековой давности. Как же! Порох уступает электромагнитному импульсу по всем статьям. Зато, черт побери, превосходит его в простоте изготовления. Достаточно хорошей слесарной мастерской, что-бы сделать пороховой пулемет. Ну а промышленных мощностей Свалки как

раз хватило, чтобы за девять месяцев наштамповать горы пороховых пулеметов и целые горные хребты патронов к ним. Какие еще убийственные анахронизмы воспроизвели и размножили местные жители?

— Рядовой Инес! — от грозного рыка ротного Фесс аж подпрыгнул. — Почему до сих пор не покинули место огневого контакта?!

— Виноват, утус капитан, — по привычке Фесс вытянулся по стойке смирно. — Разрешите идти?

— Идите! — Келтум отключился.

Фесс облегченно выдохнул. За подобное непослушание можно запросто схлопотать строгий выговор с «занесением в грудную клетку», как любит говорить, точнее... любил говорить, Вол. Только что-то подсказывает, что игнорирование прямого приказа самого ротного на этот раз сойдет с рук. Хотя еще неделю назад все галюны на десантном транспортнике были бы его. Фесс, не желая больше искушать судьбу, торопливо покинул станцию.

Тело друга уже унесли. На том месте, где напарника настигли пороховые пули, остались бурые пятна крови — его крови. А вот раздолбанный респ попрежнему валяется поперек коридора. А в него чем попали? Какой еще анахронизм времен Последней мировой за секунду превратил робота в металлолом?

Космопорт целиком и полностью под контролем десанта. Наружу можно выбраться по кратчайшему пути. Благо компьютер бронескафандра вывел на забрало перед глазами подробную карту с маршрутом. Но Фесс направился в ангар № 3. Оружие аборигенов не дает покоя. И не даст! Если сразу не разобраться с ним до конца.

В ангаре бардак и разруха. Подбитая «Шельма» стоит уткнувшись носом в стену. Под ногами хрустят бетонные камешки и рваные куски металла. Живых и мертвых пехотинцев уже унесли, а вот очередь до битой техники еще не дошла.

Возле задней стены ангара аборигены оборудовали несколько огневых точек. Нужно отдать должное — хорошо оборудовали, с умом. Продолбили в полу неглубокие ямы и поставили перед ними бетонные блоки. О том, что колонисты и не собирались любой ценой цепляться за космопорт, красноречиво говорят продолбленные в задней стене дырки. В аккурат выскользнуть из-под огня и благополучно смыться. Но повезло не всем. Два трупа в красноватых костюмах по-прежнему лежат за бетонными блоками. Фесс подошел ближе и присел на корточки.

Похоже, абориген очень некстати высунулся из-за укрытия, пуля «Муравья» пробила ему голову навывлет. На убитом боевая модель борга, местного защитного костюма. Камуфляжная раскраска из красных пятен разных оттенков, а не положенная по правилам ТБ синяя или зеленая. Пусть борг аборигена уступает бронескафандру, но для местных условий самое то: стоит недорого, прост в эксплуатации и великолепно защищает от химического оружия и радиоактивных осадков. А вот и оружие местного жителя.

Фесс вытащил из-под убитого пороховой пулемет: длинный ствол со складными сошками, пластиковый приклад, в подствольной коробке шуршат патроны, из приемника торчит конец металлической ленты. Догадаться не трудно: из этого темно-красного ящичка лента доставляет пороховые гильзы с пулями в затвор, а потом пустая выходит наружу. Конструкция пулемета очень проста, никакой электроники, чистый металл и пластик. Фесс прикинул вес пулемета — довольно тяжелый. А вот калибр явно не тот. Диаметр дула не больше 7–8 миллиметров. Там, на перроне подземной станции, стреляли из более крутого

калибра. Фесс отложил пулемет в сторону.

А вот и то, что разнесло респа вдребезги. Из маленькой ниши под бетонным блоком Фесс достал самую настоящую гранату, слегка вытянутый шарик, расчерченный глубокими бороздками на квадратики. Сверху торчит примитивный запал со спусковым рычагом, а сбоку кольцо предохранительной чеки.

Еще один убийственный анахронизм, хоть сейчас в музей на полочку: полкило взрывчатки в чугунном корпусе. Такая фигня рванет под ногами, не то что без потомства, без ног останешься. Но в том широком коридоре что-то другое прилетело со стороны перрона и вмяло респа в пол.

Фесс подошел ко второму труп. Этому шальная пуля угодила в горло. А вот в руках у него явно не пороховой автомат. Фесс потянул убитого за плечо и отвалил тело в сторону.

Вот это да! Мертвый сжимает в руках самый настоящий реактивный гранатомет. Впереди торчит граната с обтекаемым кончиком. На другом конце гранатомета характерный раструб для выхода пороховых газов. И снова никакой электроники и прочих наворотов типа прицела с лазерным наведением.

Теперь ясно, чем прибили «Муравья»: летящая граната оставляет за собой шикарный огненный след. Ну а если в полумраке широкого коридора несется прямо на тебя, то и в самом деле похожа на огненный шар.

Фесс выдернул из рук убитого гранатомет. По весу не меньше шести килограммов. Граната кило на два тянет — мощная штука. Ловко, гады, пристрелялись. ИПРО «Муравья» зацепила одну гранату, а вторая все равно разнесла его в клочья.

Но... куда стрелял убитый? Фесс проследил взглядом вероятное направление стрельбы.
— Проклятье.

Фесс подскочил к подбитой БМП. В боку «Шельмы» вмятина и оплавленная дырочка, словно в воск воткнули раскаленный гвоздь. Кумулятивная, значит, была граната.

Перебирая пальцами по броне, Фесс обошел подбитую «Шельму». Створки десантной двери распахнуты настежь. Неброский номер над входом в машину. Если присмотреться... 482. Господи! Это же его «Шельма». Это же в ней он спустился на Свалку.

По спине пробежал неприятный холодок.

— Рядовой Инес! Почему до сих пор не покинули поле боя?

Двойное непослушание разгневало ротного не на шутку.

— Любуюсь на свою «Шельму», капитан, — бесцветным голосом ответил Фесс.

— Не залезай туда, сынок, — голос Колуна неожиданно смягчился. — Водитель погиб на месте. Операторы респов ранены. Там нечего смотреть. Уходи оттуда.

— Слушаюсь, — ответил Фесс.

Через широкий вход льется серый свет. На той стороне площади перед космопортом вовсю кипит работа, стучат отбойные молотки и гремят строительные взрывы.

Пока первый и второй взводы штурмовали космопорт, с орбиты спустились остальные силы десанта, а также техническая служба. Командование решило разбить базовый лагерь в непосредственной близости от космопорта.

За площадью перед космопортом в прочном скальном грунте пробили несколько котлованов и путей сообщения. Пока Фесс пересекал площадь, «Торнадо», осторожно маневрируя реактивными двигателями, опустил в квадратный котлован очередной универсальный модуль.

Всегда и везде, в любой местности и при любых условиях, базовый лагерь

разворачивают по одной и той же схеме. В центре площадка для десантных челноков. В первом круге вокруг нее штаб, склады, техпомощь и госпиталь. Во втором казармы для десантников. По периметру окопы для «Шельм», «Муравьев» и космических пехотинцев. Если совсем прижмет, то десант вполне может занять круговую оборону в базовом лагере и отбиваться до последнего.

Если честно, то глубоко в душе Пятая десантная рота является полицейским отрядом быстрого реагирования. По этой причине ей придали четыре реактивных вертолета «Дрозд». Стальные птички легко бронированны и вооружены парой пулеметов калибра 15 миллиметров. Хотя ИПРО на них поставили, а то совсем полицейская модель получилась бы.

Фесс направился в модуль технической помощи. Его броник либо починят, либо выдадут новый. Над головой, оглашая окрестности ревом турбин, пролетел еще один десантный челнок.

Старший механик Бор, немолодой усатый дядька по прозвищу Шпунтик, долго разглядывал бронескафандр, цокал языком и качал головой.

— Снимай броню! — приказал старший механик.

— Что? Неужели так плохо? — Фесс принялся расстегивать зажимы.

— Плохо? — Шпунтик сделал большие глаза. — Для броника еще как плохо. А для тебя, дурень, еще как хорошо. Еще чуток и внесли бы тебя в санчасть ногами вперед. А так радуйся, несмышлениш: на своих двоих в лагерь вернулся.

Обижаться на грубые шутки механика последнее дело. Шпунтик мужик добрый, особенно если подойти к нему со стаканом чего покрепче. Но — раз сказал снимай, значит, снимай. И баста!

Фесс остался в нательном белье. Неуютно как-то. За годы учебы и службы боевой костюм стал как вторая кожа. Без него будто голый.

— Клади сюда! — Шпунтик показал грязным пальцем на верстак возле стены.

— Как быстро вы сможете его починить? — Фесс аккуратно уложил бронескафандр на металлический стол с тисками и фигурными дырочками.

— Починить? — Шпунтик страшно выпучил глаза. — Ты что, парень, не понял? Отвоевался твой броник. Хана ему! В утиль. Или на запчасти, в лучшем случае. Дуй на склад новый получишь.

Последняя фраза прозвучала как приказ. Фесс непроизвольно вытянулся по стойке «смирно». Но утус Бор повернулся к нему спиной.

На вещевом складе выдали новый бронескафандр. Совершенно новый, муха не сидела, крыса не нюхала. От долгого хранения в складках и на упаковочной ленте скопилась пыль. Настроить броник под себя не трудно. Фесс развернул боевой костюм и слегка потрянул его. Благо не зря, оказывается, учил назубок размеры собственного тела. Пригодилось, кто бы знал.

Фесс нашел казарму своего отделения. Как поврежденному, ему полагается маленькая привилегия — забраться в койку, пока отделение не вернется с боевого задания на отдых. Или, не приведи Создатель, ротный лично не вытащит его из постели.

Казалось бы — все беды и неприятности этого дня должны остаться там, в космопорте. Но при виде пустой койки направо от входа, Фесса аж передернуло. Вол, закадычный друг и верный товарищ, уже никогда не вернется в мобильную казарму и не завалится спать на свое законное место. И никто так и не займет его пустующую коечку, пока рота не вернется на

Мирем для пополнения. Дурная примета занимать спальное место покойника.

Глава 7. Наблюдательный пункт

Оборона Космопорта имени Пилага прошла успешно. Пусть войска центрального правительства заняли космопорт, зато Первая рота Народной армии сумела отойти в организованном порядке. Космодесантники дошли до подземной станции, но дальше в темноту туннелей не сунулись, побоялись. А жаль.

Народная армия получила первый и от этого бесценный опыт войны с правительственными войсками. Оказывается, разрекламированных космических пехотинцев вполне можно бить. Без своих БМП и поддержки с воздуха они мало чего стоят. Роботизированные системы поддержки пехоты, так называемые респы, представляют куда большую опасность. Но железо не отличается особым умом. В ангарах и в глубинах космопорта бойцы Народной армии передавали немало «Муравьев».

Первая рота отошла по подземному туннелю на Главную военную базу Дайзен-2 на отдых и пополнение. Их встречали как героев. Солдаты третьей роты, гарнизона Глотки, разве только цветы под ноги не бросали. Восторженным охам, ахам и крепким рукопожатиям не было конца.

Небольшой отдых быстро закончился. Первая рота присоединилась к гарнизону Глотки. Командование планирует навязать противнику серьезный бой возле базы и нанести десанту серьезные потери. Рядовых, как обычно, в подробности предстоящей операции не посвятили. С утра пораньше Чагу дали в напарники рядового по фамилии Павут и отправили на седьмой этаж административного здания вести наблюдение за подступами к Глотке.

Наблюдательный пункт разместился в кабинете на южной стороне здания. Пусть единственное окно давно и наглухо закрыто, но наблюдателям и не нужно пялиться в бинокли на равнину перед бывшей тюрьмой. Так недолго и на снайперскую пулу напороться, а то и на прицельный залп «Шельмы». Несколько подвижных видеокамер на внешней стене обзеревают окрестности. Дежурный наблюдатель просто сидит на маленьком стульчике перед широким монитором и смотрит за восточными и юго-восточными подступами.

Если верить хроникам времен Последней мировой войны, то они обустроились с комфортом. НП—18 не какая-нибудь сырая яма во влажном подлеске, не фальшивая могила на заброшенном кладбище, а служебное помещение. Светло, сухо, здесь даже туалет имеется.

Рядовой Инэсс Павут молодой парень внушительной комплекции. За что его прозвали Гаргулом и что означает это слово — непонятно. Павут почему-то считает, что маленькие жиденькие усики ему очень даже к лицу. Зато Гаргул, как все физически сильные люди, добряк добряком. Вот только с интеллектом у него не очень. То ли в шутку, то ли в знак большого уважения Гаргул называет Чага командиром. Хотя по званию они оба рядовые.

Гаргул сидит перед монитором и старательно следит за окрестностями. Кнопка переключения камер чуть слышно щелкает под толстым пальцем. И как только такой маленький стульчик держит на себе такую массивную фигуру? И ведь даже не скрипит.

Чат с комфортом развалился в кресле. Чтобы ранец жизнеобеспечения не мешал получать удовольствие, чья-то заботливая рука вырезала в спинке специальное углубление. Задание боевое, снимать борги категорически запрещено. Да и при всем желании их не снять. Административное здание Глотки больше трех дней назад отключили от систем жизнеобеспечения. В кабинете относительно тепло, но кислород на нуле.

— Командир, — не оборачиваясь, прогудел Гаргул, — что так печально вздыхаешь?

Чаг, не открывая глаз, ответил:

— Инэсс, только не обижайся — из-за тебя. Как глаза открою, как тебя увижу, так сразу же вздохну.

— Пошто страшной такой? — Гаргул оглянулся.

— Гораздо хуже, — ответил Чаг. — Ты — живое напоминание о потерях, которые понесло наше отделение. Там, в космопорте, погибли двое отличных парней, еще трое ранены.

— А я тут при чем? — удивился Гаргул.

— А при том, уважаемый, что ты — пополнение, призванное заменить павших, — нехотя объяснил Чаг. — Ведь и я сам мог остаться там, в ангаре номер три. Надо мной свистели самые настоящие пули. От «Муравья» еле ноги унес. Знаешь ли, приятного мало.

— Зато ты уже стреляный, — возразил Гаргул.

— Не понял? — от удивления Чаг выпрямился в кресле.

— Ну бишь обстрелянный, — уточнил Гаргул. — Ты прошел через огненное посвящение и тебе уже не так страшно будет.

— Эх, Гаргул, Гаргул, — Чаг снова откинулся на спинку кресла. — Через это самое огненное посвящение я прошел три с половиной года тому назад, когда из игрушечной «Марки» зеков на суд к Создателю пачками отправлял.

— Да ну! — воскликнул Гаргул. — Так ты, того, с самого начала в нашей армии?

— С самого что ни на есть начала. Начальней некуда, — ответил Чаг. — Но! Поверь мне на слово, Инэсс: хорошего в этом мало.

— Может быть, я только...

Что только, Гаргул не успел сказать.

— О-о-о! Командир! К нам гости, — Гаргул ткнул пальцем в экран. — Надо докласть.

Павут переключился на другой радиоканал и громко произнес:

— Центральный! Говорит НП—18. С юга замечено приближение четырех реактивных вертолетов противника типа «Дрозд». Внимание! Повторяю: с юга замечено приближение четырех реактивных вертолетов противника типа «Дрозд». Центральный! Как поняли? Прием.

— НП—18. Говорит Центральный. Вас понял. Продолжайте наблюдение. Конец связи.

— Центральный. Вас понял. Продолжаем наблюдение. Конец связи.

Гаргул доложил о вертолетах и снова уставился в монитор.

— Командир, я только не понял — ты рад быть воякой али нет?

Любопытство сильнее страха. С юга к Глотке приближаются четыре боевые машины противника. Черт его знает, какой приказ у пилотов «Дроздов». Ладно если только разведка. А если не только?

Чаг улыбнулся. Инэсс родился и вырос на ферме далеко на юге кратера Финдос. Благодаря бычьему упорству, он сумел пробиться через дебри конкурсного отбора и добился чести стать кадровым военным Народной армии самообороны. Пусть поначалу в Стратегическом резерве, зато теперь он в действующей армии. Инэсс исполнил заветную мечту, а заодно покинул опостылевшую семейную ферму по выращиванию картошки и разведению свиней.

— Вопрос не в том, рад я или не рад быть кадровым военным, — Чаг поднялся с кресла. — Я уже не могу быть мирным обывателем, Гаргул. Завяну от скуки, от недостатка

адреналина. Вопреки расхожему мнению, солдатами рождаются. Только далеко не все узнают об этом.

— А! Так ты узнал, — сообразил Гаргул.

— Узнал, на собственную голову, — ответил Чаг.

Вой реактивных двигателей пробивается сквозь стены и давит на уши. Четверка «Дроздов» приблизилась к административному зданию и, подлетая все ближе и ближе, закружила вокруг него. На мониторе наблюдения мелькают черные вытянутые тушки. Легкобронированные «Дрозды» вооружены парой крупнокалиберных пулеметов. Особого вреда от них не будет. Шумят, да и только. Но у командования на их счет другие планы. Ожил общий радиоканал связи:

— Внимание! Боевая тревога! Боевая тревога! Вертолеты противника уничтожить!

Пункт наблюдения заодно огневая точка. На подставке возле окна стоит крупнокалиберный пулемет «Защитник». Металлическая лента с толстыми гильзами заправлена в ствольную коробку. Подальше от окна, на полу у входа, лежит гранатомет «Угроза» и шесть реактивных гранат в пластиковом ящике с ручками.

— Щас повеселимся! — радостно воскликнул Гаргул.

С невероятной легкостью для столь массивного тела Гаргул сорвался со стульчика и подскочил к окну. Тяжелый засов с грохотом улетел на пол, напарник толчком распахнул окно. Металлические ставни с размаху стукнулись о внешнюю стену. Снаружи показался «Дрозд».

— Гаргул! Берегись! — крикнул Чат.

Но необстрелянный новичок рвется в бой. Предостережение потонуло в реве реактивных двигателей. В распахнутое окно влетело облако красной пыли.

— А теперь вот та-а-ак! — Гаргул взялся за пулемет.

Он так и не успел передернуть затвор, «Дрозд» первым открыл огонь. Крупнокалиберные пули забарабанили по внешней стене. Вокруг Гаргула взметнулись фонтаны пыли. Его буквально отбросило от «Защитника». Новичок упал на пол. На красной ткани борга выступила еще более красная кровь.

Чаг отскочил в глубь кабинета. «Дрозд» щедро поливает пулями пространство перед окном. Проклятье! Напарнику уже не помочь. Чаг поднял реактивный гранатомет. Вот что заставит пилота «Дрозда» изрядно понервничать.

Через прицел гранатомета реактивный вертолет похож на жирную птичку с короткими крыльями. Небольшое упреждение... И плавно нажать на спуск.

Выстрел.

Гранатомет дернулся в руках. Черное облако окутало Чага. Граната вылетела в распахнутое окно. Плюющий огнем «Дрозд» судорожно рванул в сторону и выскочил за край окна. Граната прошла мимо и взорвалась далеко впереди.

Открыв ящик, Чаг вытащил реактивную гранату и вставил ее в ствол гранатомета. Игра еще не окончена. Первый выстрел напугал пилота, но «Дрозд» по-прежнему висит недалеко от стены и обстреливает окно. Пули потрошат бетон и дырявят металлические ставни.

Идиот! Чаг присел на колено и взял прицел. Так ведь и попасть могу. Пули с визгом крошат пол в метре от колена. Не обращая внимания, Чаг поймал «жирную птичку» в прицел и нажал на спуск.

Выстрел.

Реактивная граната, едва не задев косяк, с воем ушла в окно. «Дрозд» судорожно

крутанулся в противоракетном маневре. Пилот едва не выдал «мертвую петлю». Далеко, далеко за вертолетом граната взорвалась всплеском яркого пламени.

Пусть и второй выстрел прошел далеко от цели, но пилот «Дрозда» предпочел больше не дергать судьбу за усы. Задом, продолжая стрелять, реактивный вертолет пошел прочь от тюрьмы.

Снизу в сторону «Дрозда» вылетела еще одна реактивная граната. Дымный след перечеркнул силуэт вертолета. Значит, в охоту на «Дроздов» включилось подкрепление. Если через минуту они не уберутся к чертовой матери, то на земле возле Глотки появятся четыре свежие воронки.

Но вот реактивный вертолет крутанулся на месте и прибавил газу. Четверка «Дроздов» дала деру на полной мощности. Чаг подскочил к пулемету. Какая удача! «Защитник», кроме нескольких царапин и дырки в станине, не пострадал. Чаг передернул затвор и прицелился в убегающего «Дрозда».

Выстрелы мощного пулемета частыми ударами отзываются в голове. «Защитник» запрыгал на широком подоконнике, но Чаг намертво вцепился в ручки. Силуэт «Дрозда» быстро тает в прицеле, но Чаг с остервенением стреляет и стреляет ему вослед. Гильзы с грохотом падают на пол, звенят и разлетаются по кабинету.

— Внимание! Прекратить огонь! Отбой! Отбой!

Приказ по общему радиоканалу словно ушат холодной воды на горячую голову. Чаг тут же отпустил пулемет. «Защитник» затих. Дисциплина — великая вещь. Приказ командира прошел мимо сознания, но Чаг все равно его выполнил. В коридоре загрохотали торопливые шаги. Хлопнула входная дверь.

— Чаг! — в кабинет ворвался Шнык. — Жив?

— Жив. Жив, — Чаг обернулся.

— Что с Гаргулом? — Шнык присел рядом с убитым.

— Отвоевался Гаргул, — Чаг подошел ближе.

В груди рядового Павута зияют большие дырки. Пятнадцатимиллиметровые пули не оставили Гаргулу ни малейших шансов. Даже медицинский гель, который сработал при ранении, не смог закупорить глубокие раны. Кровь тонкими струйками стекла на пол. Гаргул умер мгновенно. Словно издеваясь над убитым, «Дрозд» раздробил ему ноги.

— Как он так? — спросил Шнык.

— Повоевать захотелось, — нехотя ответил Чаг. — Распахнул окно прямо перед стволами «Дрозда». Ну и...

— Хреново дело, — согласился Шнык.

Через минуту в кабинет вошли пятеро солдат. Шнык, как командир отделения, вызвал подчиненных.

— Тебя сменить? — участливо предложил Шнык.

— Не нужно, — отмахнулся Чаг. — Лучше я еще понаблюдаю.

— Хорошо. Как знаешь, — согласился Шнык. — Рядовой Ялкон!

— Я! — вперед выступил один из солдат.

— Остаешься на наблюдательном пункте. Рядовой Ратаг за старшего, — приказал Шнык.

— Есть! — Ялкон козырнул в ответ.

Чаг с интересом посмотрел на нового напарника. Армейские борги совершенно одинаковые, но этот почти новый: камуфляжная раскраска еще не утратила заводской блеск,

а пески Дайзен-2 еще не успели обветрить и потрепать защитный костюм. Рядовой Ялкон высок ростом, но худ. Стратегический резерв, пополнение, замена выбывших после космопорта.

— Ладно, парни, — произнес Шнык. — Забираем Гаргула и уходим.

Солдаты подхватили убитого и вынесли из кабинета. От бесформенной лужи на полу в сторону выхода протянулись тонкие полоски крови. Раз так называемый налет отбит, то основным силам совершенно нечего делать в административном здании. Основная масса солдат должна отсиживаться в безопасном подземелье. В большом здании осталось несколько наблюдателей.

— Э-э-э... — неуверенно протянул рядовой Ялкон. — Разрешите обратиться?

Чаг невольно улыбнулся. Новичков в Стратегическом резерве гоняют дай боже. Киборг в «Песчаной буре» и то так не изгалялся. Строевой устав так и сыплется из пополнения при каждом шаге и при каждом слове.

— Расслабься, ты не на плацу, — произнес Чаг. — Можешь звать меня Чаг или, еще лучше, Непоседа. Да! Тебя как зовут?

— Лей, или просто Як — так меня в учебке прозвали.

— Это сокращенно от фамилии?

— Так точно! — ответил Як и тут же смутился вновь. — Я вот что хотел спросить: мне начать наблюдение?

— Не нужно, — Чаг присел на маленький стульчик возле монитора. — Засекай время, через час сменишь меня. А пока, вон, кресло в твоём полном распоряжении.

— Слушаюсь! — ответил Як.

Новичок подошел к широкому креслу и неуверенно присел на краешек. Впрочем, строевой устав, как и пиво, надолго в организме не задерживается.

Чаг сосредоточенно уставился в монитор. Палец на кнопке переключения дрожит от нервного возбуждения. Так всегда бывает: скоротечный бой уже закончился, а тело только сейчас начинает колбасить от избытка адреналина. Запоздалые эмоции рвутся наружу, аж руки трясет. Указательный палец в толстой перчатке из металлизированной ткани через раз попадает на малюсенькую кнопку переключения внешних камер. Да и сердечко стучит несколько быстрее обычного.

Наблюдение за подступами к Глотке — важное и ответственное задание. Оно же самый лучший способ совладать с эмоциями. Сидеть внизу, в тепле и безопасности, значит перегреться от внутреннего напряжения. Работа — самое лучшее лекарство во все времена.

Чаг в очередной раз нажал на кнопку переключения видеокамер. По меркам Народной армии, он ветеран, каких мало. В активе разгром заключенных и первый, самый непредсказуемый бой с правительственными войсками. Но... Что в первую кампанию три с половиной летных года тому назад, что вчера днем в космопорте, судьба уберегла его от страшного зрелища: ни один боевой товарищ не погиб прямо на его глазах.

Сколько он бы знаком с Гаргулом? Сутки с небольшим. Здесь, на этом наблюдательном пункте, на предпоследнем этаже административного здания, они узнали друг друга чуть лучше. Но... Молодой и горячий Гаргул ушел к Создателю, погиб в первом же бою глупо и совсем не по-геройски. Он даже не успел сделать ни одного выстрела. Лучше бы он остался на ферме родителей, выращивал бы картошку и кормил ей хрюшек.

Скучно. Каждая минута тянется бесконечно долго. Чаг старательно пялится в монитор и, словно автомат на фабрике, размеренно нажимает на кнопку переключения внешних

камер. Восточный и южный подступы к Глотке, острая вершина Щитовой горы мелькают на экране в надоевших ракурсах. Ни малейшего движения. Только тени камней и бесформенных глыб еле-еле ползут слева направо.

Минут десять новичок нетерпеливо елозил в кресле. То на один бок повернется, то на другой, то вздохнет некстати, то присядет на краешек, то снова с шумом откинется на спинку. Лежал бы себе да лежал. Нужно отдыхать, пока есть такая возможность.

— Не томи. О чем спросить хочешь? — не оборачиваясь, бросил Чаг. — Выкладывай.

Кресло пронзительно скрипнуло.

— Я вот что хотел спросить, — наконец-то признался Як. — Неужели и в самом деле можно попасть в вертолет из реактивного гранатомета? В Стратегическом резерве ничего подобного нам не говорили.

— Да ни в жизнь! — шутливо воскликнул Чаг. — Граната неуправляемая, летит прямо и медленно. А вертолеты летают далеко и быстро. К тому же на каждом из них стоит ИПРО.

— А-а-а зачем вы тогда стреляли? — ничего не понимая, спросил Як.

— А тебе понравится, если тебе в бочину ткнется парочка килограммов взрывчатки, да еще с кумулятивным эффектом? — вопросом на вопрос ответил Чат.

— Но вы же сами только что сказали — попасть в вертолет невозможно. Да еще ИПРС на каждом.

— Рисковать никто не хочет. Жизнь одна, и пилоты «Дроздов» держатся за нее всеми конечностями и зубами для верности.

— А! Так это вы их просто отогнали? Чтобы не борзели слишком, — сообразил Як.

— Правильно мыслишь, боец. Далеко пойдешь, долго жить будешь.

Ровно через час Як заступил на дежурство. Чаг развалился в удобном кресле. Время перед монитором не прошло даром. Нервы немного успокоились, а сердце перестало излишне резво биться в груди. Теперь положить руки на мягкие подлокотники, закрыть глаза и расслабиться.

— Непоседа! Проснись!

Кажется, будто на секундочку закрыл глаза, а уже снова заступать на дежурство.

— Не ори! Иду, иду, — Чаг шумно потянулся в кресле.

— Да нет — ваша очередь еще не скоро, — торопливо пояснил Як. — «Шельмы» идут!

А это уже гораздо интересней. Сонливость как рукой сняло. Чаг резво соскочил с кресла и в несколько шагов подбежал к монитору.

Точно «Шельмы»! На плоскогорье по старой разбитой дороге взбирается колонна боевых машин пехоты. Красные коробочки на колесиках смешно скачут на глубоких ухабах и лихо маневрируют между огромных камней.

— Центральный! Говорит НП—18! — не дожидаясь напоминания, заговорил Як. — Сюга, по старой грунтовой дороге, приближается группа БМП противника численностью приблизительно шесть — восемь машин. Как поняли? Прием!

Секундная пауза.

— НП—18. Говорит Центральный. Вас понял. Что делают БМП противника? Прием!

— В данный момент БМП противника выстраиваются в линию поперек грунтовой дороги, задирают орудия, и... О господи! Центральный! Они собираются стрелять!

— НП—18! Уходите! Это приказ. Уходите! Конец связи.

— Вас понял! Уходим! Конец связи!

«Шельмы» и в самом деле выстроились поперек дороги и, задрвав орудийные стволы,

дали залп.

— Тикаем! — Чаг хлопнул Яка по плечу.

Свист снарядов и грохот взрывов возле стен Глотки. Чаг первым выскочил из кабинета.

В конце коридора дырка в полу, из которой торчит приставная лестница. Чаг едва присел перед спуском на шестой этаж, как здание дрогнуло от многочисленных попаданий. Через пару ступенек Чаг спрыгнул на пол. Сверху, чуть ли не на голову, слетел Як.

— Туда! — Чаг ткнул пальцем в темный конец коридора.

— Но лестница здесь! — Як показал на дыру в пяти метрах левее.

Очередной удар потрянул Глотку еще сильнее. Над головой что-то ухнуло, треснуло и с грохотом осыпалось.

— Выполнять! — рывкнул Чаг.

В конце коридора, возле закрытого окна, они остановились. Чаг сел прямо на пол. С каждым новым ударом с потолка сыплется штукатурка.

— Но почему? Непоседа! — Як нервно озирается по сторонам.

— Расслабься, рядовой, — Чаг прислонился к стене. — Над нами два этажа — мы в полной безопасности.

— Но! — Як в недоумении показал пальцем на осыпавшийся потолок.

Словно подтверждая его опасения, очередная порция снарядов накрыла Глотку.

— Какой калибр орудий «Шельм»? — требовательно спросил Чаг.

— Э-э-э, тридцать миллиметров, — ответил Як.

— Будь у них пушки от 150 миллиметров и больше, то остались бы от Глотки груды колотого бетона и тучи пыли. А так, — Чаг махнул рукой, — они только зря расходуют боеприпасы. Хуже того — еще лучше подготавливают Глотку к обороне.

Спокойный вид Чага и уверенный тон произвели на новичка сильное впечатление. Як перестал нервно расхаживать поперек коридора и даже присел рядом.

— Этот как, лучше, подготавливать? — попросил уточнить Як.

— Любая дырка в стене Глотки — потенциальная огневая точка. Почему, кстати, и погиб Гаргул — «Дрозд» не раздумывая пальнул по первому же распахнутому окну и не прогадал. Зато теперь этих самых дыр на внешней стене будет столько, хоть отлавливай и на зиму заготавливай.

— А-а-а... — протянул Як.

Минут двадцать «Шельмы» методично обстреливали Глотку. Синхронность выстрелов поражает. Никакого разнобоя. Никакого дождя с градом. Две три секунды — удар. Две — три секунды — удар. И так до бесконечности. Каждый раз Глотка вздрагивает, а с верхних этажей доносится грохот и треск.

Наконец «Шельмы» расстреляли весь боекомплект и убрались обратно в космопорт. Там, по сообщению разведки, космические пехотинцы развернули базовый лагерь.

— НП-18! Говорит Центральный. Как слышите? Прием.

— Центральный! Говорит НП-18. Слышим вас отлично. Прием, — ответил Чаг.

— Целы? Прием.

— Так точно — целы. Прием.

— «Шельмы» ушли. Возвращайтесь. Конец связи.

— Вас понял. Возвращаемся. Крнец связи.

Чаг поднялся с пола и стряхнул пыль с плеч.

— Вот и все, Як, а ты боялся. Возвращаемся.

Словно не веря в собственное спасение, Як оглянулся по сторонам и задумчиво заметил:
— И чего только хотели? Не понимаю.

— Не забивай голову, брат. В этой жизни много чего непонятного, нелогичного и необъяснимого, — как заправский философ ответил Чаг.

Административное здание основательно подготовили к обороне. Шкафы, столы, стулья и прочую мебель вынесли, красивые ковровые дорожки свернули, светильники и те снимали. Остались лампочки аварийного освещения, которые едва рассеивают темноту и позволяют хоть как-то ориентироваться в большом здании.

Чтобы максимально усложнить штурм, разобрали лифты и снесли все лестницы. Для перехода с этажа на этаж в потолках продолбили дыры и приставили стремянки. Хотя... Как и в космопорту, держаться зубами за Глотку командование не собирается. Отцы-командиры замыслили что-то другое. Какую-то грандиозную пакость. Чтобы космодесантники гарантированно подавились. Что-то невнятное и очень опасное буквально витает в воздухе. Но что? Рядовым знать не полагается.

Южная часть шестого этажа залита светом. Внешняя стена в сплошных дырках. Ветер тихо гудит среди погнутой арматуры. Пол, словно белым ковром, завален обломками.

Наблюдательный пункт на седьмом этаже пострадал гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Снаряды «Шельм» продырявили стену в нескольких местах, пробили потолок на восьмой этаж и частично разрушили тонкую перегородку между кабинетом и коридором. Зато монитор наблюдения как ни в чем не бывало висит на прежнем месте и показывает восточный подступ к зданию.

Чаг пощелкал кнопкой переключения внешних видеокамер. Удивительно! «Шельмы» превратили южную стену Глотки в решето, перепахали землю перед ней, а уничтожена всего одна камера.

— НП—18! Говорит Центральный. Доложите обстановку. Прием.

— Центральный! Говорит НП — 18. Докладываю. Наблюдательный пункт поврежден незначительно. Не работает всего одна внешняя камера видеонаблюдения на южной стене. Прием, — четко, как учили, ответил Чаг.

— Отлично! Продолжайте наблюдение. Конец связи.

— Вас понял! Продолжаем наблюдение. Конец связи.

Уж лучше бы «Шельмы» разнесли наблюдательный пункт вдребезги. Тогда, глядишь, им приказали бы вернуться к своему отделению. А так — как ни в чем не бывало «продолжайте наблюдение».

— Командир! Либо я паникую раньше времени, либо наблюдатели смертники по определению? — спросил Як.

Чаг оглянулся. Молодой напарник смахнул с кресла мелкие камешки и с комфортом развалился на мягком сиденье. И он перешел на «командир». Сговорились, что ли?

— Ты только сейчас это понял? — Чаг повернулся к монитору.

— Если честно, то да, — сознался Як. — Будь у «Шельм» калибр чуток побольше, как ты и обещал миллиметров сто пятьдесят, у нас был бы реальный шанс не добежать до укрытия.

— Так оно и есть, — согласился Чаг. — Такова логика войны: лучше пожертвовать малым, чтобы сберечь гораздо больше. И не гони волну на отцов-командиров. Трезвый расчет и ничего личного.

Поддерживать гнилой базар совершенно не хочется. Молодой понял его настроение и не

задал больше ни одного глупого вопроса. Снова потянулись бесконечные минуты ожидания. Местное «телевидение» обеднело на один канал, но не стало веселей. Тени от камней все так же вяло плетутся слева направо, с запада на восток. Скучно.

Правительственные войска показали шоу танцующих «Дроздов», выступление хора «Шельм» и вряд ли на этом успокоятся. Жаль, в силу веских причин пришлось оставить «телеэкран» на самом интересном месте. Затягивать боевые действия не в интересах космического десанта. Так что у нас дальше по программе?

Продолжение «развлекательного» вещания пришлось ждать довольно долго. За сорок минут Чаг соскучился и потерял интерес к жизни. Противник покинул сцену, и пока ничто не предвещает его скорейшего возвращения. Чаг в очередной раз переключился на камеру, которая показывает Щитовую гору на фоне серого в тучках неба. Хотя... нет. Нужен джойстик. Чаг, дергая маленький рычажок, поднял объектив видеокамеры повыше и включил максимальное увеличение. Точно! Вот оно!

Высоко над облаками, словно предвестник грядущих бед, плывет черная тушка. Эдакая черточка с загнутыми вверх крылышками. И инверсионный след нанизывает облака, словно пушистая нитка пронзает серые камешки.

В голове будто щелкнул переключатель.

— Мать честная! — воскликнул Чаг.

— Что! Пора? — отозвался Як.

Не обращая внимания на молодого, Чаг заорал во все горло:

— Центральный!!! Центральный!!! Говорит НП— 18! С юга такшип! Такшип! К нам приближается такшип! Как поняли? Прием! Прием!

— НП—18! Говорит Центральный! Мотайте!!! Конец связи!

Чаг сорвался с места. От резкого толчка стульчик грохнулся на пол. Як, даром что полусонный, при первом же упоминании такшипа аж подпрыгнул.

Из кабинета. Как можно быстрее. В укрытие.

Чаг выскочил в коридор и затравленно оглянулся.

Черт побери! Не успеть!

Так хочется взвыть от тоски и безнадёги. Но — делать нечего. Чаг добежал до северной стены и с ходу плюхнулся на пол. Сила инерции протащила дальше и звонко припечатала головой о стену. Рядом шлепнулся Як. В момент страха срабатывает стадный инстинкт: людей тянет друг к другу.

— Превеликий Создатель, все в руках твоих, — торопливо зашептал Як.

— Смилуйся над нами. Подари крупицу своего божественного внимая, — невольно подхватил Чаг.

В минуту, когда из-за угла выходит вечно хмурый Тунн, даже самые конченные атеисты вспоминают о создателе всего сущего. АКИ Первого крейсерского много раз пролетали над Финдосом. Шумели, как же без этого, но не гадили. Другое дело такшип.

Малый тактический корабль создан для крупномасштабных сражений в открытом космосе. По сути, космический корабль в миниатюре, пусть и без виртпривода. Просто так гонять его не будут. Но! Если такшип все же показался в плотных слоях атмосферы, значит, у него в брюхе нечто очень, очень-очень серьезное и очень, очень, очень мощное. Как минимум — ядерная бомба!

В атмосфере такшип летает чуть лучше кувалды, зато очень-очень быстро. Что для него три — четыре маха? Так, легкий взмах крылышками. Черная тушка парит над облаками

обманчиво тихо, но это ненадолго.

Мощный гул, словно цунами, накрыл Глотку. Свистящий звук сводит с ума. Чаг отчаянно пытается заткнуть уши, но ладони без видимой пользы уперлись в шлем. Камешки и крупные песчинки мелко прыгают на дрожащем полу.

Сейчас рванет!

Сначала от мощного удара содрогнется земля. Глотка, словно маятник, дернется из стороны в сторону. Стены покроются трещинами, но так и не успеют упасть. Взрывная волна сорвет верхние этажи к чертовой матери!!! Они и так ослаблены обстрелом.

Повезло, как утопленнику! От ужаса Чаг вжался в пол. Превеликий Создатель!!! За что? Уж лучше бы «Шельмы» разнесли НП к ядерной матери!!!

Сквозь адский вой пробился едва уловимый грохот. Точнее, цепочка взрывов, сильных хлопков, быстрее...

Звуковая волна прошла над Глоткой. Такшип улетел дальше на север. Мощный гул быстро пошел на спад.

— Не понял? — Як оторвал голову от пола и уставился на Чага. — Бомба? Где?

— Радуйся, дурак! — огрызнулся Чаг.

— Но ведь что-то было! Я слышал! — уверенно заявил Як.

Значит, Чаг очумело посмотрел на напарника, не померещилось. Такшип пролетел над Глоткой, и что-то действительно взорвалось. Причем не один раз, а несколько. Но не ядерная бомба. Будто не веря собственным глазам, Чаг огляделся по сторонам. Точно не она! Тогда что?

Чаг поднялся на ноги и неуверенно заковылял по коридору к наблюдательному пункту. Голова гудит, руки трясутся, как после грандиозной пьянки, а ноги сами по себе завязываются в тугие узлы. Не-е-е — конкретно с Тунном побазарили! За жизнь литр водяры раздавили. Без закуси. Бывает же такое.

— Что за хрень? — удивленно воскликнул Як.

Действительно, Чаг остановился посреди коридора. Хрень, и еще какая. Через дыры в стенах и в потолке в коридор вливается черное облако. Как пар в бане, только цвет другой. Ноги по колено утонули в маслянистом тумане. Впрочем, странное облако уменьшается прямо на глазах и оседает жирной пленкой на полу и стенах.

Чаг осторожно заглянул в кабинет. Монитор видеонаблюдения работает как ни в чем не бывало. Во, зараза! Ну ничто его не берет! Кресло, стульчик, пулемет и гранатомет с ящиком перекрасились в черный цвет. Бред какой-то! Голова отказывается воспринимать происходящее. Между тем Як пересек кабинет и через пролом в стене выглянул наружу.

— Ее!!! — удивленно воскликнул Як. — Непоседа, ты только глянь на это!

Что еще? Чаг подскочил к ближайшей дырке и выглянул наружу.

— Ни хрена себе! Ведь... не поверит же никто.

— Как пить дать — не поверят, — согласился Як.

Глотка по самое горлышко укутана черным облаком. Жирный туман клубится под напором северного ветра и нехотя, закручиваясь в спирали и воронки, отползает от здания. Странное облако постепенно тает и оседает на землю. Грязно-белые стены Глотки покрылись черным налетом.

— Химия? Боевая? — предложил Як.

— Непохоже, — задумчиво ответил Чаг.

Из-за дурного климата и бешеного перепада температур все без исключения города и

поселки Дайзен-2 построены под землей. Каждый населенный пункт по определению представляет собой отличное убежище от оружия массового поражения. Распылять в атмосфере отравляющие вещества и тем более болезнетворных микробов не имеет никакого смысла. Над Глоткой должна рвануть ну очень мощная ядерная бомба, чтобы столица колонии, которая находится всего в четырех километрах на восток, серьезно пострадала.

— Кажется, я знаю, что это за хрень, — неуверенно произнес Як.

Чаг с интересом посмотрел на молодого напарника. Як вроде как родился в каком-то маленьком поселке на западной части кратера Финдос. Он запросто может быть сыном не шишко образованного фермера или непробиваемого шахтера.

— Лет двадцать назад в нашем поселке мукомольня взорвалась. Да! Точно взорвалась! — уверенно заговорил Як. — Как мне отец объяснил, Сид, пекарь наш, прошил какой-то там уплотнитель. Мукомольный цех заполнился такой мелкой, мелкой пылью. А еще, как на грех, там что-то коротнуло. Искра, в общем, электрическая... Рвануло так! Стальные ворота, что в цех были, с корнем выдрало. Да на самого Сиды и кинуло. Еле жив остался. А то прибило бы к чертовой матери.

— Подожди, а при чем здесь мука, бедняга Сид и стальные ворота? — не понял Чаг.

— А! Так это — объемный взрыв получился. Его еще термобарическим называют. Во — запомнил с тех пор. Если какое-нибудь очень мелкое горючее вещество перемешать с воздухом, точнее, с кислородом в этом самом воздухе, то получится гремучая смесь. Маленькая искра, или огонек какой, — рванет так, костей не соберешь. Вот.

Як не так прост, как кажется. Парень умеет связывать воедино разные, казалось бы, факты. Чага разобрал дикий смех:

— Ну, придурки! Ну, бараны! Во лаханулись!

Чаг схватился за живот и согнулся пополам.

— Умники хреновы! — подхватил Як.

Напарнику самому не лучше. От приступа смеха

Як стукнулся головой о стену.

Теперь все ясно. Адмирал Первого крейсерского флота отправил «Шельм» понаделать в Глотке как можно больше дыр. Заодно вскрыть окопы, доты и прочие огневые позиции, если такие найдутся. В завершение такшип сбросил на Глотку парочку термобарических бомб. Нужно отметить — очень хорошо сбросил, административное здание по самую маковку окуталось горючей смесью. Но... В атмосфере Дайзен-2 нет кислорода. Грандиозный бабах не получился.

Да... Десантники лопухнулись на полную катушку, но их можно понять. Они ведь с Мирема, где атмосфера насыщена кислородом. На метрополии термобарическая бомба такой мощности рванула бы, как маленькая ядерная бомбочка.

Коварство термобарических боеприпасов не только в силе взрыва. Гремучая смесь подобно всем газам просачивается вовнутрь построек. Будь то дома, блиндажи, доты и прочие не закрытые на* глухо помещения. Взрыв происходит не только снаружи, но и внутри. Взрывная волна загоняется вовнутрь здания, проносится по коридорам, выламывает двери и размазывает по стенкам все живое и неживое, что только имело несчастье оказаться на ее пути.

В атмосфере Дайзен-2 нет кислорода. Ну забыл адмирал, с кем не бывает. Зато подчиненные выполнили его приказ согласно уставу, то есть не раздумывая и не возражая.

— Ну рассмешили, юмористы в погонах, — Чаг с трудом отошел от дикого смеха. —

Забыли, понимаешь ли.

— Зато нам показали чудеса взаимодействия, меткости и дисциплины, — давясь смехом, заметил Як. — Если Виман прикажет своим десантам мимо Глотки в голом виде промаршировать — промаршируют обязательно. Да еще задницы гуталином намажут!

— Ну ладно, посмеялись и хватит, — произнес Чаг. — Давай «Защитника» перед дырой в коридоре поставим. Раз уж господа военные с метрополии снабдили нас запасными огневыми точками. А то окно засветилось уже.

До конца дежурства Чаг просидел перед монитором в приподнятом настроении. Группа бродячих клоунов с Мирема сначала напугала до полусмерти, а потом рассмешила на оставшуюся половину смерти. Черное облако окончательно осело на землю маслянистой росой. Расходящейся след протянулся на несколько сотен метров на юг, как будто накрыл черной вуалью многочисленные валуны и камни.

Отсидев час перед монитором, Чаг освободил низкий стульчик, а сам с превеликим удовольствием перебрелся в удобное кресло. Как здорово закрыть глаза и уйти в мир снов и сладких грез. Пока есть время, вспомнить кафешку родителей Шныка и особенно телячий окорок. «Похлебка», синтетическая еда, при всех своих плюсах — гадость редкостная. Блаженство...

— Центральный! Говорит НП—18! — Чаг встрепенулся от громкого возгласа. — С юга, по старой грунтовой дороге, приближается колонна БМП противника. Больше десяти машин. Как поняли? Прием!

— НП—18. Говорит Центральный. Вас понял. Продолжайте наблюдение. Конец связи.

— Центральный. Вас понял. Продолжаем наблюдение. Конец связи.

Долгое наблюдение на седьмом этаже подошло к концу. Чаг поднялся с кресла и подошел к сидящему перед монитору Яку. Как и в первый раз, красные коробочки на колесиках смешно скачут на ухабах старой дороги.

— Баста, Як, — Чаг хлопнул молодого напарника по плечу. — На сегодня трансляция телепередач окончена. На этот раз они пойдут на штурм.

— И что теперь? — Як вопросительно уставился на Чага.

— Готовиться к бою. Наша задача дожидаться приказа, а потом драпать во всю прыть. Доберемся до подземелий Глотки — будем жить.

— А если не доберемся? — Як задал глупый вопрос.

— Тогда еще до рассвета поздороваемся с Великим Создателем. Заодно выясним, есть ли он на самом деле.

Глава 8. Штурм тюрьмы

В космосе над Свалкой висит целый флот. За кратером Финдос постоянно следит уйма спутников. Мышиный писк из-под камня и то засекут. Пятерка аэрокосмических истребителей и такшипов готовы в любой момент оказать огневую поддержку наземным силам. И... никакого толку.

Аборигены живут под землей, передвигаются под землей, размножаются под землей и прячутся под землей. Как будто с кротами воюешь, ей-богу. Еще только не хватало столкнуться с ними под землей. Ведь тогда на поверхности придется оставить «Шельм», а то, не приведи господи, и «Муравьев». Тогда вообще — хана.

Дороги на Свалке одно название, а не дороги. И неудивительно — аборигены ими не пользуются, а если и пользуются, то очень, очень редко. Движок «Шельмы» натужно ревет. Болтанка такая, того и гляди глаза выскочат. Фесс, прикованный ремнями безопасности, сидит у правого борта и старается не замечать пустое место рядом с собой и еще два напротив.

Родная «Шельма», в которой он катался больше года, которую лелеял, как любимую девушку, мыл и приводил в образцовый порядок после каждого учебно-боевого вылета, ремонту не подлежит. Точнее, ее невозможно восстановить в полевых условиях. Техпомощь может заменить колесо, отрегулировать движок, но только не заделать оплавленную дыру в левом борту и восстановить заднюю подвеску.

На складе им выдали резервную БМП и пару новых респов. Но... Запасных космических пехотинцев в бездонных отсеках десантного транспортного средства не оказалось. Во вчерашнем штурме серьезно ранен оператор РСПП, водитель и... рядовой Нидан — погибли.

Фесс сидит на месте убитого напарника. На душе противно, задницу жжет неимоверно. Наиболее опытные пехотинцы сидят ближе к выходу из боевой машины. Такой своеобразный табель о рангах, негласный, как не сложно догадаться. Конечно, очень хочется продвинуться по служебной лестнице, пересест поближе к выходу. Но не такой же ценой.

С утра пораньше рота готовилась к очередному серьезному сражению. Фесс почистил автомат, пополнил запас пуль, гранат, а потом больше двух часов подгонял выданный бронескафандр. В новеньком боевом костюме без единой царапинки и въевшейся грязи он выглядит, как зеленый новичок. А что делать? Старый броник остался в модуле техпомощи. Фесс пошевелил плечами. Вроде сидит идеально, но все равно чувствуешь себя так, словно изменил любимой жене со случайной любовницей. Ближе к обеду пришел приказ рассаживаться по машинам и выдвигаться на исходные позиции.

Черт бы побрал Вимана. Вилы ему в бок! Мало космопорта, так еще и Глотку решил прихватить для коллекции. Эх! Права была мама: зря он пошел в пехотное училище. Старался еще, задницу рвал, будто там медом намазано. Идиот! Но самобичевание помогает слабо. Фесс снова отвел глаза от пустых мест напротив.

— Внимание! Отделение! Приготовиться к выходу!

Долгожданная команда сержанта Ерлаева. Хватит сидеть на месте и наливать черными мыслями. Еще минут двадцать болтанки, прыжков на местных ухабах и можно смело записываться на прием к психиатру. Активные действия — самое лучшее лекарство от хандры. Нужно собраться, подтянуться и выбросить из головы все лишнее. Взгляд опять упал на пустые места напротив. Даже если это лишнее — память о погибших товарищах. Впереди

самый настоящий бой. Учения, такие миленькие и опрятные, где все так реально и все понарошку, остались в прошлом.

— Отделение!

Фесс рывком выдернул из стойки автомат.

— На выход! На выход!

Занимать круговую оборону не требуется, но момент выхода из боевой машины самый опасный. «Шельма» замедляет ход и секунд десять едет прямо — самый удобный момент подцепить на борт шальную гранату.

Отделение дружно выскочило из БМП и рассыпалось за «Шельмой» широкой цепью. Четыре «Муравья» соскочили на землю и выбежали вперед перед боевой машиной. Как самый последний, Фесс оказался в центре цепочки.

Техническая обслуга и пара десятков «Муравьев» остались караулить базовый лагерь. Командование бросило на штурм Глотки все силы. Фесс посмотрел по сторонам: куцые силы. Космические пехотинцы широким фронтом наступают на тюрьму, как говорится, в лоб. Не разбить бы.

Глотка похожа на конус с выпуклыми боками, к которому прицепили два крыла. Центр административного здания выделяется более толстым и круглым основанием. Говорят, с Глотки началась история Свалки. Поэтому тюрьма так и осталась единственным крупным зданием на поверхности планеты.

Адмирал обещал сравнять Глотку с землей и как следует шугануть аборигенов — не получилось. Пушки «Шельм» превратили стены в сыр, а термобарическая бомба большой мощности перекрасила тюрьму в черный цвет. Аборигены, поди, до сих пор давятся от смеха. Это надо же так лопухнуться.

Если возле самой Глотки аборигены немного разровняли поверхность земли, то уже в пятистах метрах от здания начинается первозданная пустыня. Обточенные водой и ветром валуны торчат из плотноутрамбованного снега. Пусть звуковые фильтры великолепно отсекают вой ветра, но все равно чувствуется, как при каждом шаге шальная атмосфера Свалки норовит опрокинуть тебя на спину.

Дальше за Глоткой торчит гладкая вершина с тупым названием «Три дробь восемь». Правее от нее не менее умная «Четыре дробь два». Между ними находится Ущелье ветров, крупнейшая на Свалке электростанция — вот что надо хватать в первую очередь. Без электричества аборигены быстро признают законную власть.

Четвертому и пятому взводам выпала самая блатная задача — обойти административное здание с флангов и прикрыть основные силы от возможного удара в тыл. Остальные три взвода штурмуют Глотку в лоб. Видать, первый и второй взводы мало потеряли бойцов. Капитан держит аборигенов за дураков. Как будто они вылезут из своих нор под стволы «Шельм». Для прикрытия флангов вполне хватило бы и взвода. Первого, например.

«Шельма» перед Фессом натужно гудит перегруженным двигателем. Широкий корпус едва пролезает между больших камней. Толстые колеса пробуксовывают в засыпанных снегом канавах и ямах. Только «Муравьи», перебирая стальными лапами, без видимых усилий бегут впереди пехотинцев — вот что значит превосходство ног над колесами по пересеченной местности.

Громко фыркнув, «Шельма» встала. Дальше бронетехника не пойдет. Загонять внутрь Глотки ее не будут, трехсот метров для огневой поддержки вполне достаточно.

Едва цепочка пехотинцев отошла на десяток метров, как БМП дружно дали залп. Свист рассекаемого воздуха. На подступах к Глотке земля вспучилась земляными фонтанами. Жаль, калибр маловат. Еще залп. На нижних этажах здания появились новые дыры. С интервалом в пару секунд «Шельмы» методично засыпают тюрьму снарядами.

Хорошо воевать, когда на твоей стороне подавляющая мощь. Боевые машины создают так называемый «огненный вал» — давят защитников Глотки, не дают им высунуться из укрытий и открыть ответный огонь. Другое дело, когда пехота подойдет к зданию вплотную, массированный обстрел прекратится — слишком велик риск угодить по своим.

* * *

Вот как выглядит наступление космической пехоты по всем правилам. «Шельмы» растянулись широким фронтом поперек старой грунтовой дороги. На этот раз с боевых машин соскочили «Муравьи», чуть позже высыпали космические пехотинцы. Нужно признать — в кино, в многочисленных фильмах с метрополии, атака пехотного подразделения выглядит куда более грандиозным и захватывающим зрелищем. Наверно, не хватает спецэффектов и бравой музыки.

Но... Вид наступающего противника давит на психику. С высоты седьмого этажа подступы к Глотке как на ладони. Неприятно осознавать размер силы, которая прет на тебя.

— Красиво идут. Только не в ногу, — неудачно пошутил Як.

Нервничает молодой, переступает с ноги на ногу, будто ждет кого-то, очень долго и нетерпеливо ждет. Впрочем, уже дождался.

— Им в ногу и не надо, — ответил Чаг. — Давай-ка отойдет подальше. Не ровен час, стрелять начнут. Не нравится мне, как «Шельмы» стволами водят.

Последнее слово потонуло в грохоте. «Шельмы» дружно открыли огонь. Первый залп лег точно возле стен Глотки. Второй разворотил нижние этажи. Едва Чаг с напарником отбежал вглубь, как третий залп накрыл верхние этажи. На многострадальной стене появились новые дырки.

— Им что? Дыр мало? Или хотят еще добавить? — спросил Як.

— Дурень ты, это «огненный вал» называется, — пояснил Чаг. — «Шельмы» пехотинцев прикрывают, нам высунуться не дают. Тебя чему на курсах учили?

— Так это, — молодой солдат смутился, — подзабыл, если честно. На теории толковали о чем-то там. Наш сержант больше на практику налегал. Маршброски, стрельба, метание гранат, окопы и так далее.

— Ладно, не дрейфь, теорию на практике выучишь, — улыбнулся Чаг.

Человек ко всему привыкает. На этот раз они остались на седьмом этаже, но канонада и треск раздираемого бетона уже не пугают, как раньше. Чаг прислонился к стене. Присесть бы, а еще лучше прилечь, но нельзя.

— И долго мы вот так загорать будем? — спросил Як.

— Не долго, — заверил Чаг. — Сейчас пехотинцы ближе подойдут, «Шельмы» враз заткнутся, чтобы своих не прибить, — предупреждая следующий вопрос, пояснил Чаг.

Как профессиональный военный, Чаг провел гораздо больше часов на теоретических занятиях. Знать тактику врага — первейшее дело. Очередной залп потряс верхние этажи и обстрел прекратился. Что и следовало ожидать.

— Пошли! — коротко приказал Чаг. — Как договаривались: я к пулемету, ты к гранатомету. Только позицию после каждого выстрела меняй. А то пристрелят в два счета.

— Вас понял. Менять позицию, — торопливо ответил Як.

Нервничает молодой. Нервничает. Недаром из него снова посыпался устав. Чаг подбежал к «Защитнику». Крупнокалиберный пулемет не пострадал. Бетонная крошка засыпала ствольную коробку, ленту и ящик с патронами, но это мелочи.

Потянув рычаг на себя, Чаг дослал патрон в патронник и осторожно выглянул наружу. Так и есть: цепочка космических пехотинцев подошла почти вплотную. «Муравьев», которых вечно посылают вперед в пекло, не видно. Чаг насколько возможно опустил ствол. Рукоятка для переноса пулемета едва не уперлась в подбородок.

— Ну держись! — Чаг нажал на спусковой крючок.

«Защитник» мягко запрыгал на станке. Подпружиненные лапы это что-то. Стальные гильзы с лязгом посыпались на пол. Квадратная ручка несколько раз с треском ударилась о шлем борга. За стеной ухнул гранатомет, Як пустил первую гранату. Дымовой след протянулся к стоящим в отдалении «Шельмам».

Черт! Невезуха. Цепочка разрывов прошла далеко за спинами наступающих пехотинцев. Враг слишком близко, а пулемет слишком высоко. Поминая всех демонов ада, Чаг опустил ствол пулемета еще ниже.

Лента с патронами опасно изогнулась дугой. И как только ее не клинит? Держать большой пулемет на вытянутых руках неудобно. Того и гляди сорвется со станины и улетит к чертовой матери. Хуже другое — совершенно не видно, куда стреляешь. Дыра в стене не настолько велика, чтобы высунуть голову.

* * *

«Шельмы» методично заваливают Глотку снарядами — ни одна зараза не высунется. Нужно как можно быстрее добраться до стен. Там легче будет. Цепочка пехотинцев торопливо приближается к тюрьме.

Очередной залп вспахал землю в двадцати метрах от переднего «Муравья». Следующий долбанул по верхним этажам, и обстрел прекратился. Сейчас ползут.

Черт! Сглазил. На предпоследнем этаже затрещал пулемет. В рваной дыре запульсировал огненный круг. Неужели тот самый анахронизм, что убил напарника? Ну и калибр у этой дуры. К счастью, цепочка разрывов прошла далеко за спиной. Промазал! Козел! Из соседней дырки протянулся дымовой след. Реактивная граната. Но это подарок для «Шельм», пусть разбираются.

Под ногами протянулись многочисленные тропки и залитые бетоном пяточки. Осталось чуть совсем. «Муравьи» первыми добежали до стен и открыли бешеный огонь по многочисленным дыркам.

Ступня резко дернулась в сторону. Фесс широко взмахнул руками. Проклятье! Едва не поскользнулся на маслянистой лужице. Черная «краска» стекла со стен и собралась в длинные ручьи. Так и шею свернуть не долго.

— Третье отделение! — голос сержанта подобен раскату грома. — К стене. Налево. Ворота.

Еще лучше. Чем шире дверь, тем легче зайти без приглашения.

Фесс осторожно пробирается вдоль стены. Рядом товарищи по отделению. Аборигены конкретно очухались. Наверху целый хор пулеметов. Только зря патроны переводят. Ручные гранаты гораздо хуже. Один такой сюрприз рванул в двадцати метрах. Фесс инстинктивно пригнулся. Земля и осколки осыпали броник.

Квадратные ворота пострадали не меньше стен. В каждой створке с пяток рваных дыр. В нижнюю полез «Муравей». Робот ухватился передними лапами за неровный край и открыл бешеную стрельбу. В ответ внутри что-то оглушительно грохнуло. Мощный удар отшвырнул респа далеко от ворот. «Муравей» кувырнулся на землю и затих.

Фесс присел на корточки. Что это было? Реактивная граната? Не похоже. Как минимум «Муравей» встретил бы ее импульсами ИПРО. Еще один анахронизм?

— Отделение! Ворота не трогать. Лезть сквозь стены, — приказал Юл.

Это правильно. «Муравей» наглядно предупредил десантников — аборигены взяли ворота под особый контроль.

— Прыгун! — это Калина, новый напарник. — Давай за мной!

Отделение рассредоточилось вдоль стены налево от ворот. Калина сунулся в ту дыру, в которую только что залез «Муравей». Черт побери! Очень умно. Фесс быстро упал на четвереньки и полез следом.

«Муравей», как ангел-хранитель, захватил внутри Глотки маленький плацдарм. Даже из-за спины напарника слышно, как он лихо строчит из обоих пулеметов. Калина вылез из дыры и отпрыгнул вправо. Значит, нужно дергать влево. Задев спиной край дыры, Фесс отпрыгнул в сторону. Главное — рассредоточиться.

Что за черт! Внутри, вместо кабинета или кладовки, просторный цех высотой метров десять. А! Ну да — технический этаж. Вдоль стен тянутся толстые трубы, посреди пролета возвышаются черные движки, вентиляторы, баки, вентили и толстые агрегаты с растопыренными в разные стороны ручками.

Блин! А это очень плохо: за каждым мало-мальски пригодным укрытием, в каждой шелке и за каждым постаментом сидят аборигены и лихо шпарят из автоматов. Внешняя стена аж дрожит от сотен пуль. Бетонное крошево в изобилии сыплется на голову. С десятков «Муравьев» рассредоточилось по фронту. То танцуя на месте, то пользуясь малейшими укрытиями, респы дают аборигенов огнем.

— Прыгун! — рядом присел Калина. — Давай туда! За тот бак!

Справа у стены овальный бак метра четыре высотой. У его основания отличная позиция для стрельбы.

Длинным прыжком Калина первым рванул к новому прикрытие. Когда напарник благополучно закатился за постамент, Фесс прыгнул следом. Блок жизнеобеспечения противно треснул за спиной.

Опасно? Еще как! Но... толпиться еще опасней. «Муравей», укрывшись за толстой трубой, прикрывает дыру в стене. Сквозь нее на технический этаж пробивается еще несколько пехотинцев.

Кругом аборигены. Впереди за трубами и движками, на стенах и даже на потолке... Господи! Да сколько же их? Из малоприметной дыры вылетел сноп пламени. Перед самым носом половая плитка разлетелась на куски. Рядом за стенкой стрелок. Фесс поднял автомат. Квадрат прицела на сноп пламени и нажать курок.

Длинная очередь накрыла дыру. Абориген затих. Убит? Черт знает. Не стреляет и ладно. Чуть дальше, за зеленым ящиком, еще один. Даже без увеличения видно, как в правую

сторону отлетают стреляные гильзы.

В глубине технического этажа вспыхнул сноп пламени. Чудовищный грохот потряс технический этаж. На миг заткнулись все автоматы. Кусок наружной стены с треском вылетел наружу.

— Господи! Что за хрень? — не удержался Фесс.

— Пушка! Думаю, — отозвался Калина.

Напарник обошел бак с правой стороны и уверенно гасит аборигена за зеленым ящиком.

— Во дают! — подивился Фесс.

Теперь ясно, что за сила отшвырнула «Муравья» от ворот. Против снаряда, да еще в упор, никакая НПРО не сдюжит.

На этот раз аборигены не спешат сматывать удочки. «Шельм» на них не хватает. Но и без БМП «Муравьи» и космические пехотинцы уверенно просачиваются вовнутрь тюрьмы. Совсем рядом, за ребристым электродвигателем, залегли еще двое товарищей по отделению. Словно упрямых ослов, десантники загоняют аборигенов все глубже и глубже в Глотку.

— Отделение! Правая сторона! Идем выше! — сквозь горячку боя прорвался приказ сержанта.

— Прыгун! Прикрой!

Калина прижался к стене и уверенно двинулся вперед. Куда? А! Ну да. Дверь в стене, лестница на второй этаж. Напарник забросил в проем гранату и запрыгнул вовнутрь, едва рывкнул взрыв.

— Прыгун! Ко мне! Прикрою!

Теперь его очередь. Фесс, прячась за высоким постаментом, по-пластунски пополз к стене. Вскочить на ноги... И, поймав момент, рывком в распахнутую дверь.

Ух! Едва не сшиб напарника...

— Калина! Прыгун прибыл, — отчитался Фесс.

— Отлично! Давай на лестницу, — приказал напарник.

— Есть! — ответил Фесс.

Короткий коридор вывел... в пустоту. Фесс очутился на дне квадратного колодца. Проход на второй этаж чернеет высоко под потолком. Из стен торчат металлические обрубки. На каждой железяке следы от дисковой пилы. Аборигены, сволочи, аккуратно срезали стальную лестницу. От злости Фесс пнул стену.

— Калина! Облом — лестницы нет, — доложил Фесс.

— Хреново. К нам подкрепление.

Из коротенького коридора вышли двое пехотинцев. Компьютер броника вывел на забрало перед глазами их прозвища — Торт и Глаз.

— Готовьте «кошек», будем забираться, — Калина вошел следом. — Прыгун — со мной.

«Кошки» — встроенное в левый рукав броника приспособление для подъема на высоту, как раз для подобных случаев. Опасно? Еще как!

— Приготовились, — Калина поднял левую руку. — Гранаты!

Торт и Глаз дружно закинули в проход на второй этаж гранаты. Фесс выстрелил из рукава «кошкой». Металлический штырь с визгом потащил за собой тонкий тросик и воткнулся в потолок точно над проходом. Гранаты не успели взорваться, как Фесс и Калина оторвались от пола. Миниатюрные, но мощные лебедки потащили их вверх. На втором этаже грохнул спаренный взрыв.

Чуть более легкий Калина на подъеме обогнал на метр и первым соскочил с «кошки». Выдав в полумрак длинную очередь, напарник присел возле стены — страховка лишней не бывает. Фесс коснулся ногами второго этажа и тут же отцепил наконечник. С легким шуршанием тросик убрался в рукав броника, со стуком стальное острие встало на место. Ох, чует сердце — «летучая кошечка» еще не раз пригодится сегодня.

В глубине коридора лежит мертвый абориген. Осколки порезали ткань борта на куски. Кровь растеклась под убитым уродливой лужей.

— Минус один, — отметил Фесс.

— Прыгун, будь начеку — они парами ходят, — предупредил Калина.

Словно подтверждая его слова, дальше из-за двери высунулся черный ствол. Фесс тут же нажал на курок.

Пули изрешетили тонкую дверь. Ствол бессильно упал на пол.

— Прикрой! Я пошел, — приказал Калина.

Напарник встал и, прижимаясь к стене, быстро продвинулся вперед.

— Чисто! — Калина заглянул в открытую дверь. — Гранаты и этого достали. Не мы, так сам бы сдох.

На второй этаж поднялись Глаз и Торт. Теперь их четверо. Можно зачищать Глотку дальше. А еще лучше зайти аборигенам на техническом этаже в тыл.

— Группа на втором этаже! — это сержант Ерлаев, командир отделения. — Держите плацдарм! Идем к вам!

— Вас понял! — ответил Калина. — Ждем! Держим плацдарм!

Господи! Как не вовремя. Перед третьим отделением поставили задачу зачистить верхние этажи. Кто-то другой вставит аборигенам по самые помидоры. Как обидно.

Пустые гильзы лихо вылетают из «Защитника». Держать на вытянутых руках тяжеленный пулемет трудно. Куда стреляешь — не видно. Зато там, внизу, хваленые десанты изрядно нервничают. Двенадцатимиллиметровая пуля на раз пробивает бронескафандр. А жить-то всем хочется.

Резко кольнуло в груди! Чаг, подчиняясь внутреннему импульсу, резко развернулся и буквально нырнул на пол. За спиной грохот и лязг металла. Рядом шлепнулся искореженный «Защитник». Ствольная коробка вдребезги, кусок ленты застрял в приемном механизме. Ствол погнут. Пластиковых ручек нет вообще. Хана пулемету.

Чаг без сил ткнулся лбом в пол. Как же полезно знать теорию. «Шельмы» боятся задеть своих, но они по-прежнему поддерживают пехоту и прицельными выстрелами давят огневые точки противника. Задержись он у «Защитника» на секунду дольше, и... Тяжелый пулемет непременно убил бы его. Одна ствольная коробка на десяток кило тянет.

— Непоседа! Жив? Прием!

По радиоканалу долетел взволнованный голос Шныка.

— Жив, командир. Жив. Прием, — сиплым голосом ответил Чаг.

— Непоседа! Отступайте. Уходите в подземелье. Как поняли? Прием!

— Вас понял, — Чаг торопливо поднялся на ноги. — Отступать в подземелье. Прием!

— Выполняйте! Конец связи.

— Конец связи, — по инерции ответил Чаг.

Внизу, на техническом этаже, всюю кипит бой.

Даже сюда, на седьмой этаж, долетают треск пулеметов и уханье 45-миллиметровой пушки. Командование наконец-то пустило в ход пороховую артиллерию. Заодно и

выяснится, насколько она эффективна. В коридор, придерживая на плече гранатомет, вышел Як.

— Командир! Отступаем?

Приказ Шныка дошел и до него.

— Отступаем, — ответил Чаг. — Сколько у тебя реактивных гранат?

— Эта последняя, — Як пальцем щелкнул по гранатомету.

— Ладно, стрелять некогда. Ставь на предохранитель и бежим.

Бросать оружие на поле боя ни в коем случае нельзя. Это первый признак трусости. Да и пригодится еще.

Как и вчера, командование не планирует держаться за Глотку любой ценой. Пора сматываться. Дырка на шестой этаж дальше по коридору. Кто не успеет — попадет в плен. Или сразу в рай.

* * *

Аборигены опять драпают по всем направлениям. Технический этаж — последняя преграда перед спуском под землю. Вот и держатся за него до поры до времени. Но вряд ли надолго. Бойцы третьего отделения, так никого и не встретив, без особых проблем забрались на второй этаж. Пара убитых аборигенов у срезанной лестницы не в счет.

Как было бы здорово, если бы сержант Ерлаев приказал зайти в тыл защитникам технического этажа. Неожиданно нарисоваться за спинами аборигенов и всадить в их тупые задницы по парочке пуль. Но... Юл получил другой приказ и повел третье отделение еще выше, зачищать верхние этажи. Как будто воевать больше не с кем. Увы! Приказы не обсуждают.

Через очередную дыру в потолке Фесс с напарником выбрались на третий этаж. Торт и Глаз шуршат где-то поблизости. Если второй этаж занимают душевые для обслуживающего персонала, то на третьем начинается царство бюрократии. Пусть в длинных коридорах давно нет ковровых дорожек, а брошенные кабинеты зияют пустотой и дырявыми стенами, но запах власти по-прежнему витает здесь.

Зачистка помещений — до тошноты отработанная процедура. Фесс и Калина перемещаются перекатами: один идет, другой прикрывает. Внизу по-прежнему кипит бой, но на третьем этаже пусто, как в голове у государственного чиновника. По правилам в каждый новый кабинет первой должна входить граната, но этих самых кабинетов здесь столько! Никаких гранат не хватит. Приходится выставлять в открытую дверь автомат и глазками, через встроенную в оружие видеокамеру, сканировать помещение. Да и некого здесь пугать.

В южной части Глотки света вполне достаточно. Спасибо «Шельмам» — просветили. Чем дальше на север, тем темнее. Аварийные лампы едва разгоняют темноту. Могли бы заодно послать «Шельм» на другую сторону понаделать дырок. Трудно, что ли?

Впрочем — грех жаловаться. Бронескафандры не зря называют последним словом техники. Конструкторы предусмотрели бой в темноте. Встроенный в броник компьютер сам включил режим ночного боя, едва освещенность внутри Глотки упала ниже терпимого уровня. Картинка перед глазами стала чернобелой и потеряла в качестве. А так — жить можно.

Дальнейшее произошло мгновенно. Фесс в очередной раз вышел вперед, как сверху упал абориген.

Рефлексы быстрее мысли. Фесс открыл огонь. Но абориген быстро шагнул навстречу и соскочил с линии огня. Враг, с разворота, попытался ударить прикладом.

Драка без правил. Фесс прогнулся назад, приклад просвистел в сантиметре от носа. А теперь его очередь!

Фесс шагнул навстречу и на излете перехватил руки аборигена. Иначе можно получить обратным ударом по башке.

Ситуация патовая! Он держит аборигена, абориген держит его.

Фесс напряг руки. Вблизи видны малейшие детали. Как же борт не похож на броник. То, что надето на местном, даже скафандром назвать нельзя: бесформенная голова переходит в тело, покатые плечи и нелепая трехпалая рука. Непрозрачное забрало отсвечивает черным.

— Сдохни! Сволочь! — выдохнул абориген.

Кто кого? Фесс что есть сил оттолкнул местного. Но неожиданно сам отлетел далеко назад и рухнул на спину.

Черт! Из дыры сверху торчит ствол.

— Угроза сверху! — истошно крикнул Фесс.

Отчаянный рывок в сторону. Грохнул выстрел.

Один-единственный, не очередь, и взрыв. Фесс ошпаренным ужом завернул в дверной проем. Смотреть назад некогда. Следом загрохотали выстрелы.

Фесс невероятным акробатическим кульбитом выдернул из коридора собственные ноги и развернулся лицом к опасности. Отдышаться бы. В коридоре шипение и стук. Граната! Фесс откатился от двери. Сильный взрыв. Стену напротив входа щедро осыпало осколками.

— Калина! Абориген сверху! Сверху! Как слышишь?! — выкрикнул Фесс.

В ответ тишина. Что-то не то! Фесс выглянул в коридор. Сверху сиганул абориген, тот самый, что стрелял. Да черт с ним! Где Калина?

* * *

Все в этом мире относительно. Когда всеми фибрами души стремишься вниз, седьмой этаж кажется невероятно далеким от земли, а сама Глотка эдакой пронзающей высь башней. До спасительного подземелья, как грешнику до рая — далеко, опасно и никаких гарантий.

Дыра на шестой этаж. Осторожно присесть рядом, оглянуться, убедиться в отсутствии противника и лишь затем спрыгнуть. Дыра на пятый этаж. Осторожно присесть рядом, оглянуться, убедиться в отсутствии противника и лишь затем спрыгнуть. Господи! Да сколько ж можно? Так и опоздать недолго. К черту! Все к черту!

— Непоседа! Ты где? Прием!

Это Шнык. Волнуется друг, ох как волнуется. Но и ему самому несладко. На заднем плане грохочет бой. На миг, забивая автоматные очереди, ухнула пушка.

— Мы на пятом! Спускаемся! Прием! — ответил Чат.

— Рви быстрее! Наши отходят! Десанты прут во все щели! Ради бога — не опоздай! Конец связи!

Глотка еле заметно трясется. На техническом этаже гудит бой. Что там творится? Это

хваленные десанты осторожничают, дрожат, сволочи, за собственные жизни. А тупые «Муравьи» прут напролом. Если еще и «Шельм» вовнутрь нагнали...

— А-а-а черт с ним!

В очередную дыру на четвертый этаж Чаг сиганул без оглядки.

— Командир! Опасно же!

Напуганный Як выглянул в пролом в потолке.

— Не опасней, чем опоздать! — парировал Чаг.

Где дыра на третий? Должна быть здесь... А! Вот она! Едва сбавив ход, Чаг прыгнул вниз. Чему быть, того не миновать.

— Е-е-е!!!

Перед носом застыл десант. Автомат прямо в грудь.

Шаг навстречу. Левая рука отвела ствол в сторону, грохнули выстрелы. Десант промедлил самую малость. Автомат в правой руке. Сейчас по морде!

Чаг, перехватив оружие, попытался треснуть десанта по башке. Но чертов пехотинец прогнулся назад. Приклад едва не задел засранца. Вот гадюка!

Десант не дурак — шагнул навстречу и поймал руки на излете, чтобы не получить обратным махом по морде. Чаг уставился на вражеского пехотинца. Кто кого — черт знает.

На десанте крутой броник — последний писк моды. Квадратное забрало, как у рыцаря седой древности. Только за ним не видно ни хрена. На плечах красные точки инфракрасной подсветки. Экипирован по высшему разряду.

— Непоседа! Впереди еще один! — крикнул Як.

Черт! Чат бросил взгляд за плечо пехотинца. Точно! Была не была!

— Сдохни! Сволочь! — выдохнул Чаг и что есть сил толкнул десанта.

А, черт! Неожиданно Чаг отлетел далеко назад и грохнулся на спину. Под потолком яркая вспышка и взрыв. Як шарахнул из подствольника по второму десанту и, для верности, пальнул очередью.

Чаг приподнял голову. Попал, кажись. Второй десант опрокинулся на пол.

Справа распахнутая дверь. Чаг закатился в кабинет. Акробатика высший класс — циркачи сдохнут от зависти. Финальный кувырок через голову, и вот Чаг сидит на полу, поджав под себя правую ногу.

— Як! Прыгай! Я прикрою! Кину гранату, а ты сигай, как грохнет! Понял? — скороговоркой выдал Чаг.

Рука в подсумке нащупала ребристый бок.

— Давай! — коротко ответил Як.

Выдернув чеку, Чаг выглянул из кабинета и кинул гранату дальше по коридору. Где-то там засел второй десант. Убег, зараза!

Чугунный шарик проскакал по бетонному полу. Сильный взрыв. Осколки ошпарили стены. Сверху, с грохотом, спрыгнул Як. Молодой тут же запрыгнул в кабинет. Реактивный гранатомет за его спиной едва не ткнулся гранатой в пол.

— Командир! Цел? — тяжело дыша, спросил Як.

— Все пучком! — ответил Чаг. — Уходим!

На полу, в паре метрах от дыры в потолке, в неестественной позе лежит Калина. Руки и ноги широко раскиданы. Граната из подствольника угодила точно в грудь. Даже отсюда заметна вмятина на его броне. Отбегался Калина.

Прилив крови раскалил щеки. В глазах потемнело. Фесс до хруста в суставах сжал автомат. Как?! Опять?! Второй напарник, который даже не успел стать другом, убит. Да сколько же можно?! Фесс рывком вскочил на ноги. Где эти чертовы аборигены? Догнать и прибить хотя бы одного!

Фесс сорвал с пояса гранату и с ходу зашвырнул ее в кабинет. Взрывная волна сорвала хилую дверь с петель. Тем лучше.

Прыжок внутрь. От дверного проема рывок в сторону. Длинной очередью, широким веером, Фесс опустошил половину магазина. Пули со свистом вспороли бетонные стены. Теперь снова отпрыгнуть в сторону. Чтобы не попали. В ответ.

Ну! Где вы? Дайте добить! Фесс замер в темном углу с автоматом наперевес.

В кабинете полумрак и тишина.

Фесс перевел дух. Пусто. Совершенно пусто. Ни живых, ни мертвых. Куда подевались?

В это невозможно поверить. Фесс выпрямился в полный рост. А, черт! За поваленным шкафом, в углу, еще дыра Ушли! Гады! Сволочи! Смотались!

Фесс, рыча от злости, подскочил к дыре и открыл бешеный огонь. Пули разнесли в щепки пол нижнего этажа. Щелчок, автомат замолк. Последняя, сотая по счету пуля ушла вниз. Эффект нулевой.

Фесс замер с опущенным вниз автоматом. Аборигены ушли, смотались, сделали ноги. И с этим уже ничего не поделаешь.

— Прыгун! Жив?

В кабинет, пугливо прячась за дверной косяк, заглянул Торт. Пожаловало долгожданное подкрепление. Да какого хрена... Раньше не могли.

— Жив, — тяжело дыша, ответил Фесс.

— Внимание, — заговорил на общем радиоканале Глаз. — Калина тяжело ранен. Очень тяжело. Медика на третий этаж. Срочно!

Фесс восторженно вскрикнул. Так он жив! Грудь наполнилась радостью. Броник все же спас его! Ну точно: медблок выключил сознание, чтоб не мучился. Такое бывает, при тяжелых ранениях. Значит не все потеряно.

— Внимание! Группа на третьем этаже! — вызвал сержант Ерлаев.

Блин! Юл, как всегда, не вовремя.

— Глаз! Остаешься с раненым.

— Есть! — отозвался Глаз.

— Остальным продолжить зачистку здания. Выполнять!

— Есть выполнять, — по привычке отозвался Фесс.

Фесс торопливо вышел в коридор и на секунду присел перед раненым напарником.

Вот она современная война. При всех достижениях науки и техники они трое ничем не могут помочь раненому товарищу. Встроенный в броник медблок и так сделал все возможное: ввел обезболивающие, стимуляторы и остановил кровотечение. Калину невозможно даже перевязать. Да что там — шлем не снять и то нельзя. На Свалке совершенно нечем дышать.

— Держись, Калина, — Фесс кончиками пальцев дотронулся до плеча напарника. — Ты только не умирай.

— Давайте топайте! — Глаз нервничает. — Не злите сержанта. Он и так заведенный. Я присмотрю за Калиной, пока медики не доберутся.

Очередная нелюбимая реальность войны. Калина тяжело ранен. Не приведи Создатель, умрет. Но живые все равно обязаны продолжить бой и во что бы то ни стало выполнить приказ командира.

Глава 9. Под завалом

Шаг за шагом, кабинет за кабинетом, третье отделение зачищает Глотку. Четвертый этаж — никого. Пятый этаж — еще меньше. Да и не может быть. Бой на техническом этаже стих тридцать минут назад. Третий взвод перекрыл единственный проход в подземелье Глотки, где когда-то жили заключенные.

Длинный коридор с остатками толстой стальной решетки насквозь простреливают несколько крупнокалиберных пулеметов. Командование решило пока закрепиться на достигнутом рубеже, зачистить административное здание и перегруппироваться.

Хотя... Фесс подошел к очередному кабинету с распахнутой настежь дверью. Вряд ли у отцов-командиров хватит мужества полезть вслед за аборигенами в подземелье. Ладно, жилые уровни — худо-бедно, там можно воевать. А еще глубже? Медный рудник, многоярусный лабиринт заброшенных и действующих выработок, тупиков и вентиляционных шахт. Каждый поворот — огневая точка. А каждый проход — потенциальная ловушка. Накопали, черт побери, за триста лет.

Шестой этаж... Да тут есть хоть кто-нибудь! Фесс, выходя из очередного кабинета, зло пнул хлипкую дверь. От тупого повторения одних и тех же действий, осторожных шагов и пустых кабинетов разболелась голова. словно тупой робот с примитивной программой вместо мозгов Фесс крадется к очередной запертой двери.

Плюнуть бы на все. Пинком распахнуть бы эту самую дверь и от души выматериться. Да так, чтобы аборигены от стыда покраснели. Психологи не советуют держать гнев в себе. Иначе можно довести самого себя до стресса, а потом впасть в дикую депрессию. Но... Фесс остановился посреди коридора и подозрительно огляделся. Что-то в этой чертовой Глотке не так.

Фесс резко дернул дверь на себя и отпрыгнул в сторону.

Тишина. Хоть бы чихнул кто для приличия. Да нет там никого. Осторожно, чтобы вмиг отдернуть руки, Фесс выставил оружие. Встроенная в автомат видеочамера транслирует картинку на внутреннюю часть забрала: черно-белые углы, голые стены и забытый на запертом окне ящик. Никого.

— Давай, Торт, — Фесс устало прислонился к стене. — Следующий кабинет твой.

Забрало скрывает лицо напарника. Но вряд ли он переживает приступ буйной радости. Быстрее всего глаза у Торты, как у загнанной лошади. Скука и однообразие отнимают массу сил. Хоть бы и в самом деле какой-нибудь приبلудный абориген нашелся бы для разнообразия. Напарник устало кивнул и прошел дальше по коридору.

— Рядовой Инес. Доложите обстановку. Прием.

Сержант Ерлаев вызывает. Интересуется, значит.

— Докладывает рядовой Инес. Заканчиваем проверку западного коридора на шестом этаже. Пока никого не обнаружили. Как поняли? Прием, — по всей форме доложил Инес.

— Хорошо. Продолжайте зачистку. Конец связи.

— Конец связи, — тупым попугаем повторил Фесс.

Между тем Торт проверил очередной кабинет.

— Чисто, — вяло, закрывая дверь, произнес напарник.

— Хорошо. Иду дальше.

Фесс энергично потрянул головой. Нужно скинуть сонное оцепенение, собраться и

довести эту долбаную зачистку до конца! Желательно по всем правилам. Держа автомат перед собой, Фесс подошел к очередному кабинету.

Не-е-е, Фесс толкнул очередную дверь в очередной кабинет. Что-то витает в воздухе. Как запах давно не стиранных носков. Едва уловимо и между тем противно. Нервозность какая-то. Недосказанность. Чтото в Глотке не так. Но что?

Фесс повел стволом автомата. На внутренней стороне забрала отразилась очередная обитель бюрократа: стол, стул и лежанка из подушек на полу. Аборигены просто смотались и все. Действительно все. В таком огромном здании, в переплетении коридоров и входных дверей, ни одной растяжки. Хотя бы одну гранату, приличия ради, положили бы на пол без предохранительной чеки. Так ведь и этого нет. Начисто! Стыдно признать, пока на техническом этаже гремел бой, было как-то спокойней, что ли. А теперь?

Держа автомат перед собой, Фесс заглянул в кабинет. Точно никого. Пыль, тлен и запустение. Хотя бы скелет к стене приковали. Смеха ради.

Пол судорожно дернулся под ногами. Автомат выскользнул из рук. Фесс ухватился за дверной косяк. Мощный толчок снизу аж подбросил на полметра. Что за хрень? Фесс шлепнулся на колени.

Адский грохот ударил по ушам. По стенам разбежались глубокие трещины. На шлем посыпались мелкие камешки. Клубами взлетела пыль. Пол рывком ушел вниз. От финального треска Глотка содрогнулась снизу доверху.

Потолочные перекрытия ухнули вниз. Скрежет. Стон. Ни хрена не видно! Толчок в спину, сильный удар по лбу. Фесс упал на четвереньки. И... тишина. Звонящая тишина.

Так тихо бывает глухой ночью, когда даже приبلудные коты и заядлые тусовщики забираются спать. Либо... Фесс судорожно пощупал пол перед собой. Чрезмерный грохот порвал барабанные перепонки. Не приведи господи! И темнота...

— Фонари включить! Полный свет! — выкрикнул Фесс.

Собственный голос кажется чужим, звенящим, как в пустой бочке. Но броник понял голосовую команду. На лбу и плечах вспыхнули мощные фонари. Пространство перед глазами залил белый свет. Бронескафандр работает, это очень хорошо!

Фесс с опаской пошевелился. Трудно поверить в собственное спасение. Встать бы в полный рост для начала. Но шлем тупо во что-то упирается. Да и не развернуться, будто в узкий шкаф залез. Левая рука нащупала преграду прямо перед собой...

Великий Создатель! Здесь же должна быть дверь! Дверной проем! Проход в кабинет! Где он?!

Панические мысли давить в зародыше! Фесс тяжело задышал. Он до сих пор жив, может дышать, двигаться и видеть. Пыль перед глазами постепенно оседает. Фесс осторожно огляделся. Из белого марева проступил дверной косяк, заваленный мелкими камешками пола и... бетонные плиты прямо над головой!

Потолок рухнул! Межэтажные перекрытия завалили его. Если бы не дверной проем, то... его прибило бы к чертовой матери! Фесс закрыл глаза.

Без паники. Только без паники. Небольшая концентрация. Успокоить нервы. Понизить частоту пульса. Страх — не поможет. Страх — плохой советчик. Только без паники...

Фесс открыл глаза. Встать в полный рост не получается. Но и стоять на четвереньках тоже неудобно. Коленки затекли, а дальше будет только хуже.

Осторожно, боясь лишний раз коснуться плит над головой, Фесс сполз на пол и прислонился к дверному косяку. Выпрямить ноги — какое облегчение. Будто пробежал с

полной выкладкой пару десятков километров и, наконец-то, присел на травку отдохнуть. Страх постепенно отошел прочь.

Боевой скафандр рассчитан на большой срок автономности. Дня два-три, а то и четыре, в его распоряжении есть. Выбраться самостоятельно? Фесс повертел головой. Нереально. Чтобы сдвинуть хотя бы одну из этих плит нужен хороший домкрат на пару тонн. Вариант — продолбить дырку, необязательно большую, главное, чтобы вылезти. Но... Фесс пощупал карманы разгрузки, в его распоряжении только гранаты. Кратерный заряд, с помощью которого можно пробить окоп хоть в гранитной скале, остался в «Шельме». Даже автомат зажало. Расколота пластиковая ручка сиротливо торчит наружу.

— Рядовой Инес! Ответьте! Прием!

От неожиданности Фесс подскочил на месте и ткнулся плечом в нависшую плиту. Во блин! Начисто забыл о связи.

— Рядовой Инес! Вы живы? Прием! — голос капитана Келтума дрожит от напряжения.

— Так точно! Витус капитан, — ответил Фесс. — Жив! Прием.

— Доложите обстановку. Прием.

Тон капитана деловой и сосредоточенный, но в нем чувствуется огромное облегчение.

— Докладываю! — Фесс оглянулся. — Нахожусь под завалом в ограниченном пространстве. Ран и повреждений бронескафандра не имею. Прием.

— Отлично! — капитан даже обрадовался. — Жди помощь! Не пытайся выбраться самостоятельно. Как понял? Прием.

— Вас понял! Ждать помощи. Самостоятельно не выбираться. Прием.

— Конец связи, — капитан Келтум отключился.

— Конец связи, — эхом повторил Фесс.

Вот так — сиди и не рыпайся. А сколько ждать? Да и вообще, что произошло?

Не зря, значит, аборигены не стали минировать Глотку. И почему только никого не насторожило полное отсутствие растяжек и прочих сюрпризов? Технический этаж обследовали «Муравьи». От их систем обнаружения мин ни одна закладка не ускользнула бы. А уж если бы респы унюхали тонны взрывчатки, то зачистку Глотки немедленно свернули бы. Те же «Муравьи» остались бы стеречь проход в подземелье, чтобы аборигены не вздумали вылезть наружу.

— Проклятье! — от запоздалого прозрения Фесс стукнул сам себя по лбу.

Как все просто! До гениальности! Под административным зданием огромный рудник. Жилые уровни Глотки остались под контролем аборигенов. Они же, сволочи, заложили заряды под самим зданием и превратили Глотку в одну большую мышеловку. Космическая пехота сама вошла в ловушку. Ну правильно! Чтобы не вспугнуть добычу, аборигены не стали минировать ни технический этаж, ни прочие этажи сверху.

К глазам подкатили слезы. Фесс судорожно сглотнул. Так хочется расплакаться и заголосить от обиды, глупости и собственной самонадеянности. На фигне провели, как стреляного воробья на мякине.

И ведь... Те, кто оказался под завалом, могут рассчитывать только на товарищей по роте. Всего два взвода остались снаружи. Господи! Меньше сотни человек! Может, кого еще из базового лагеря пришлют. Подкрепление с орбиты? Это вряд ли. Да и нужны в первую очередь не люди, а техника, тяжелая строительная техника: домкраты, отбойные молотки, пилы там разные.

Фесс печально поник головой.

Пятая отдельная рота создана для наведения порядка, для войны, для разрушения. И никак не для созидания и строительства.

Но! Все необходимое есть у местных.

Проклятье! Аборигены ничего не дадут. Ничегошеньки! Даже старый лом и ржавую лопату. Хуже того — постараются сорвать спасательную операцию, нанести космическому десанту максимально возможный вред.

Вот она тактика аборигенов! Победить метрополию они не могут в принципе. Силенок не хватит. А вот заставить ее харкать кровью, терять солдат и тратить миллионы виртов — запросто!

И? И?.. И кто он теперь? Защитник человечества? Гарант свободы и независимости? Как бы не так! На этот гребанной планете, он, он — оккупант! Хуже — каратель! Наймит политиканов, высокопоставленных чиновников и воротил большого бизнеса. Всего два слова: «Сдохни, сволочь» прочистили мозги от идеологического мусора.

Господи! Да пусть эти чертовы аборигены подавятся своей независимостью! Если хотят жить независимо от куска хлеба и порядка — пусть живут. Это их личное дело. И вообще, что он здесь забыл? На этой... на этой свалке человеческих душ.

Мама, как же ты была права... Уж лучше бы он был ботаником с отвислым пузом, или хотя бы с треском провалился на вступительных испытаниях. Ну, поплакал бы пару месяцев, поревел бы в три ручья, а потом пошел бы учиться на ветеринара. Зато! Жил бы сейчас на родном Миреме в тишине и спокойствии, лечил бы домашних мурок и бобиков от запоров и ожирения. И никаких проблем! Никаких игр с судьбой! Стабильная зарплата, жена красавица и личный домик в жилом поясе. Господи...

Глотку ощутимо тряхнуло. Над головой бабахнул взрыв. Из щелей между плитами вылетели клубы пыли.

Что это? Взрывные работы? Тогда почему наверху?

Двойной взрыв тряхнул и без того разрушенное здание еще сильнее. Плита слева с треском сдвинулась с места.

Да что они там? С ума посходили? Еще парочка таких подрывов и спасать будет некого.

Словно издеваясь, над головой опять грохнул сдвоенный взрыв, причем в разных концах Глотки. Первый где-то в восточной части здания. А второй над и без того раздолбанной южной половиной.

— Господи! — от ужаса Фесс сжался в комок.

Это же минометный обстрел! Причем, судя по мощности взрывов, мины нехилые. По несколько десятков кило каждая. Не меньше.

— Превеликий Создатель! — тихо взмолился Фесс. — За что?

Глава 10. Тяжелое решение

— Батарея тяжелых минометов уничтожена, — доложил штабной офицер.

Контр-адмирал Виман и сам заметил, как на тактической карте синий треугольник АКИ перечеркнул красный силуэт маленького гранатомета. Кустик взрыва. АКИ ушел дальше на север, а рисунок миномета пропал. Просто и наглядно. Если б с Глоткой было так же просто и наглядно.

Поначалу все шло хорошо. Первый, второй и третий взводы успешно преодолели сопротивление противника и проникли в Глотку. Наблюдать за тем, как в трехмерной проекции тюрьмы синие столбики пехотинцев и овалы респов уверенно теснят красные точки противника — одно удовольствие. Как и следовало ожидать, аборигены ушли под землю. Космические десантники заняли верхние этажи, уверенно продвинулись по техническому этажу и вышли к проходу в жилые уровни.

Больше трехсот стандартных лет Глотка была тюрьмой на ораву уголовников в 50 тысяч голов. Един-единственный проход из административного здания в жилые уровни не блажь, а жизненная необходимость.

Широкий и длинный коридор насквозь простреливается крупнокалиберными пулеметами. Пять «Муравьев» уже закончили свои дни на его полу. Что делать дальше — еще нужно подумать. А пока пусть пехотинцы закрепятся на достигнутом рубеже и зачистят Глотку.

Но недолгое счастье провалилось в прямом смысле этого слова. Трехмерная проекция Глотки замигала красным. Штабной офицер соображал целых десять секунд, прежде чем нашел объяснение — аборигены подорвали административное здание целиком.

Виман приказал вывести на центральный стол изображение со спутника. Даже без детального увеличения видно, как Глотка ушла наполовину под землю. В довершение всех бед батарея тяжелых минометов накрыла здание и заваленных в нем пехотинцев.

Вот где аукнулось отсутствие тяжелой артиллерии. Пушки «Шельм» дотянулись до вражеской батареи. Но от 30-миллиметровых снарядов вреда не больше, чем от снежков. Минометы шпалят из подземных укрытий. Как показало изображение со спутника, снаряды «Шельм» падают рядом, взрываются, но... только откалывают от скал маленькие кусочки. К счастью, АКИ постоянно висят над кратером. Аэрокосмический истребитель заткнул тяжелую минометную батарею навсегда.

— Потери личного состава и бронетехники Пятой роты, — Виман внутренне сжался.

На маленьком тактическом экране появилась надпись: «Потери личного состава Пятой отдельной роты космического десанта: убито 29 человек или 16,20 %, ранено 47 человек или 21,78 %, потеряно РСПП 18 машин или 50 %, потерь среди БМП нет».

— Ну это уже слишком! — воскликнул витус Арил.

Представитель Министерства колоний, ничуть не стесняясь, подошел сзади и заглянул через плечо.

— Адмирал! Я требую, чтобы вы отдали приказ о применении ядерного оружия! Нужно разнести Финдос к чертовой матери!

Чинуша разошелся не на шутку. Вон как хилыми ручонками размахался. Того гляди взлетит.

— Адмирал! Вы что? Оглохли? Давайте шарахнем по Свалке парочкой ядерных ракет.

Представитель настолько надоел, что Виман перестал обращать на него внимание. Пыхтит, орет, сует свой нос куда не следует, но, главное, руками ничего не трогает. И то ладно.

Не замечая представителя, Виман задумчиво барабанит пальцами по краю центрального стола. Офицеры штаба благопристойно молчат. Что бы там ни вопил и ни требовал тупой чинуша, а ответственность за эту операцию целиком и полностью лежит на Вимане.

Число потерь среди десантников мигнуло и сразу выросло с 29 человек до 31. Значит, еще два пехотинца не дождались медицинской помощи. В общей сложности пятая рота потеряла почти половину личного состава.

— Адмирал! Какого черта вы медлите? Ну же! Поддайте этим ублюдкам жару! — чиновник упрямо стоит на своем.

— Заткнись.

Одно-единственное слово Виман произнес таким тоном, что витус Арил тут же захлопнул пасть, словно проглотил огромное яблоко. Если бы еще подавился и сдох, было бы вообще супер.

— Уважаемый. Достаточно того, что вы толкнули меня под руку отдать приказ сбросить на военную базу Глот термобарическую бомбу большой мощности.

— Так она, это, — залепетал чиновник, — не взорвалась.

— Вот именно!

Эх! С каким бы удовольствием придушил бы этого придурка. Лично.

— Теперь над нами и надо мной лично потешается вся Свалка. Какой великолепный пропагандистский материал мы, с вашей подачи, им подкинули. Теперь они с полным на то основанием считают весь Первый крейсерский флот идиотами!

Да-а-а... С термобарической бомбой прокол получился. Да еще какой. Представитель министерства так хотел бабахнуть по Свалке чем-нибудь ну очень мощным. Так надоел, так... Об особенности термобарического оружия и химическом составе атмосферы вспомнили в последнюю очередь. Да поздно было.

На Дайзен-2 совершенно нет кислорода. Горючее вещество так и не стало гремучей смесью. На потеху местным жителям, термобарическая бомба огромной мощности перекрасила Глотку в черный цвет.

Ладно. Что было, то было.

— Внимание! — громогласно объявил Виман. — Приказываю! Активные боевые действия на поверхности Дайзен-2 прекратить. Все наличные силы направить на спасение личного состава Пятой отдельной роты космического десанта из развалин административного здания тюрьмы Глот. По завершению операции спасения всем наземным силам в кратчайший срок покинуть поверхность Дайзен-2 и вернуться на борт десантного транспортного «Каштома». Мы возвращаемся домой.

— Адмирал!!! Это же поражение! — завизжал чиновник. — Вы признаете поражение?! Уголовники, тупые потомки уголовников взяли над вами верх! У вас же три боевых корабля! Да мы можем превратить Свалку в радиоактивную свалку! Да мы...

— Витус Арил, — Виман соизволил заметить эмоционального чиновника. — Мы проиграли сражение, но еще не всю войну. У меня слишком мало сил, чтобы усмирить целую колонию.

— Но... ядерное оружие... — протянул чиновник.

— Повторяю еще раз — мы проиграли это сражение. Мы не можем усмирить Свалку. А

насчет ядерного оружия специально для вас поясню: я не хочу и не будут брать на свою совесть два миллиона человеческих жизней. Я лучше уйду в отставку с позором, под трибунал, чем заработаю клеймо военного преступника пожизненно и посмертно. Ясно вам?!

— Но...

Тупость и настойчивость представителя Министерства колоний поражает. Они там все такие?

— Все! Витус Арил. Первый крейсерский флот возвращается на Мирем и точка! — Виман стукнул кулаком по подлокотнику кресла. — Приказываю вам немедленно покинуть штаб флота. Ваша миссия закончена.

Витус Арил, бросая сердитые взгляды, развернулся и смешно заковылял к выходу. Наверняка сейчас запрется в каюте и начнет строчить доносы. Ну и пусть, хоть на время займется делом и перестанет ныть. Ястреб выискался.

Виман устало прикрыл глаза. Общение с идиотами, да еще облеченными властью, отнимает массу сил. Но одно ясно точно — это его последнее боевое задание и последний космический поход. В лучшем случае, перечисляя заслуги и вручая цветы, его отправят в отставку. По крайней мере, пенсию он заработал и вполне может позволить себе приличный домик у кромки соснового леса.

— Связь с капитаном Келтумом, — Виман открыл глаза.

Через десять секунд штабной офицер объявил:

— Капитан Келтум на связи.

На тактическом дисплее появился командир космических пехотинцев.

— Витус, — вопросительно произнес капитан Келтум.

— Капитан, сколько вам потребуется времени для завершения операции по спасению попавших под завал пехотинцев? — устало спросил Виман.

— Не могу сказать точно, адмирал. Ветер крепчает. С юга надвигается шторм. Возможно, — капитан, разглядывая что-то перед собой, опустил глаза, — нам придется оставить погибших под развалинами. Мы постараемся вытащить живых, но... мертвых, скорее всего, придется оставить.

— Почему?

— Без тяжелой строительной техники, без последовательной разборки всего административного здания мы не сможем добраться до самых нижних уровней, где находится большинство погибших. Глотка была заминирована снизу, тектонический удар пришел снизу. Нижние уровни сложились в гармошку.

Проклятье! Еще проблема. Впрочем, в первую очередь нужно думать о живых.

— В общем так, капитан, — решил Виман. — Мой приказ о немедленной эвакуации остается в силе. Делайте все возможное. А когда закончите, мы вас заберем.

— Слушаюсь, — коротко ответил капитан и отключился.

Пора возвращаться в свою каюту. Война на сегодня закончена. Виман расстегнул ремни и тяжело выплыл из кресла. Небольшой, точно рассчитанный прыжок и — вот он у выхода из штаба.

Тяжелая батарея минометов заткнулась и, хвала Великому Создателю, больше ни разу не вякнула. Фесс просидел под завалом больше двух часов. Его вытащили, когда на Глотку налетел шторм.

Небо заволокло черными тучами. Видимость упала до нуля. Тугой ветер валит с ног. О продолжении спасательных работ не может быть и речи. Капитан Келтум приказал вернуться.

Колонна БМП с большим трудом добралась до базового лагеря. Всю дорогу сильный ветер раскачивал «Шельму» и скреб песком по броне. Поутру, едва рассвело, десантники вернулись к разрушенной Глотке.

Нижние этажи всмятку. Да и верхние не внушают доверия. Ночной шторм нанес в развалины тонны песка и снега. Впору вспомнить детство и копать в плотных сугробах подземные ходы. Делать нечего: космические пехотинцы достали саперные лопатки и принялись разгребать красноватые кучи песка и снега.

Ближе к полудню Дайзен так прогрел воздух, что началась самая настоящая оттепель. Снег потемнел, потяжелел, пропитался влагой и начал таять. В огромные ямы, где как раз шла самая отчаянная работа по спасению, устремились мутные ручейки. Поначалу Фесс оказался по колено в красной жиже, а через полчаса по самый пояс. Какие в таких условиях могут быть спасательные работы? Да и что может сделать кучка людей, которых учили не спасать чужие жизни, а наоборот — отнимать их. Спасательную операцию свернули окончательно.

С тяжелым сердцем Фесс залез в боевую машину и плюхнулся на свое место у правого борта. На полу остались жирные отпечатки ног. «Шельма» взревела мощным движком и покатила обратно в лагерь.

За живых товарищей десант боролся до конца. Вытащили всех, чья телеметрия показывала биение сердца. Но повезло далеко не всем. Мертвых пришлось оставить. Одна надежда: аборигены откопают погибших и все же похоронят их по-человечески. В конце концов они же не первобытные дикари.

Космический десант славится мобильностью. Базовый лагерь свернули в считанные часы. Шесть «Торнадо», ревя движками на всю округу, подхватили спускаемые модули и унесли их обратно на орбиту в бездонные трюмы десантного транспорта «Каштома». Последними, как обычно, в дальнюю дорогу собрались космические пехотинцы.

Развернуть базовый лагерь вблизи Щитовой горы — далеко не лучшее решение. Только благодаря скоротечности боевой операции у аборигенов не хватило времени затащить на гору парочку гранатометов и обстрелять базовый лагерь. Первый взвод ушел по взлетно-посадочной полосе на запад, где всего пару дней назад они высадились на этой чертовой планете.

— Отделение! — громко скомандовал сержант Турханов, новый командир первого отделения. — Произвести посадку в БМП!

Ну вот и все. Фесс бросил последний взгляд на космопорт, на Щитовую гору и на садящееся за горный хребет старое светило Дайзен. Там, впереди, «Торнадо» уже заходят на посадку. Поблизости воют аэрокосмические истребители прикрытия. Привычно нагибая голову, Фесс первым заскочил в «Шельму». Автомат вставить в зажим над левым плечом,

присесть и пристегнуться.

Бронированная дверь захлопнулась за последним пехотинцем, унылый красный пейзаж исчез с глаз долой. «Шельма» дернулась вперед. Спустя пару минут колеса стукнулись о пандус спускаемого модуля. Визг тормозов, сила инерции толкнула вправо. Финальный грохот закрывающегося модуля. «Торнадо», быстро набирая скорость, оторвался от поверхности Свалки.

Тряска потихоньку сошла на нет. Судя по ощущениям, челнок вышел в открытый космос. Радоваться бы надо. Фесс печально склонил голову. Он возвращается с самого первого в своей жизни боевого задания живым и невредимым.

Он воевал самым настоящим образом, как уже давно никто не воевал. Вокруг него свистели самые настоящие пули и рвались отнюдь не учебные гранаты. Он потерял лучшего друга. Второй напарник умер от ран, его так и не успели довести до госпиталя. Но... Что-то сломалось внутри.

Война и в самом деле грязное, кровавое и очень тяжелое дело. В ней нет романтики. Может, и в самом деле пойти на ветеринара? Фесс встрепнулся и поднял голову. А что? Ему всего двадцать один. Жизнь еще можно начать с чистого листа. Заново. И к черту эту армию, Свалку и генералов с адмиралами! Пусть воюют, если им так хочется.

«Торнадо», стреляя тормозными импульсами, аккуратно влетел в широкий шлюз десантного транспортника.

Глава 12. Торжество

Прошедшей ночью бушевал песчаный шторм. Зима злится, огрызается морозными ночами, неожиданными снегопадами и сильными ветрами, но дни ее сочтены. Утром, едва ветер стих, первый взвод Народной армии отправили в дозор на юго-восточный склон Щитовой горы. Командование собирается расположить за горой батарею тяжелых гранатометов и накрыть базовый лагерь противника. Но гранатометы игрушки дорогие, тяжелые и неповоротливые, не приведи Создатель потерять. Поэтому первый взвод получил приказ укрепиться за Щитовой горой и не дать противнику обойти батарею с востока.

Ближе к полудню наметенные за ночь сугробы начали таять. Склон Щитовой горы прорезали мутные ручейки. Так-то ничего страшного: борг герметичен, ноги не промочить. Вот только ходить нужно очень осторожно. Не дай бог поскользнуться на красной жиже, шлепнуться лицом в грязь и заляпать оружие.

Третье отделение засело на восточной оконечности Щитовой горы. Если продвинуться дальше на восток, то можно запросто разглядеть конец взлетно-посадочной полосы. Пять солдат несут караульную службу, следят за прилегающей территорией. Остальные пять засели в небольшой промоине с гладкими стенами и предаются блаженному отдыху.

Военная служба быстро научила спать где угодно, когда угодно и в каком угодно положении. Главное, чтобы на расслабон было благословение командира, точка опоры для головы и не меньше тридцати минут времени. Каменный склон не очень похож на кровать, маскировочную накидку сложно назвать одеялом, но Чаг шикарно устроился и, закрыв глаза, «чутко бдит службу».

Рядом, насвистывая веселый мотивчик, расположился Шнык. Точнее, ефрейтор Чинин. На службе он строгий командир отделения, зато в кабаке, во время увольнения, по-прежнему закадычный друг.

Тишина, хорошая погода и точка опоры под головой — вот и все, что нужно для счастья. Тень от камня наползла на лицо, зато великолепный Дайзен больше не слепит глаза. Скоро вечер. В борге тепло, а в желудке плещется «похлебка». Пусть питательная жидкость на вкус еще то дерьмо, но голод отгоняет на пушечный выстрел. Кто не может расслабиться в минуту тишины, тот быстро сгорит на войне. Эту простую истину Чаг усвоил давно.

Тишина. Спокойствие. Благодать.

— Мужики! — воскликнул Шнык.

Далеко не уставное обращение толчком вышибло из расслабленного состояния. Сонливости как не бывало. Чаг резко сел. Маскировочная накидка едва не слетела с плеч. Шнык, прижимая ладонь к шлему, напряженно слушает командирский радиоканал.

— Мужики!!! — еще громче воскликнул Шнык. — Они точно уходят!

Отдыхающая смена разом зашевелилась и загомонила. Как будто не замечая подчиненных, Шнык произнес:

— Три БМП противника, покинув базовый лагерь, направляются на восток по ВВП. К ним навстречу вышли три космических челнока. С воздуха их прикрывают пять АКИ.

Еще как прикрывают. Чаг задрал голову. С небес сыплется мощный гул. Точно АКИ. Такшип ревет так, как будто настает судный день и небо падает на землю.

— Побежали смотреть! — Чаг первым вскочил на ноги.

— Стой! Куда?! А, хрен с тобой! — попытался возразить Шнык, но дикое любопытство

и его подняло на ноги. А куда командир, туда и все отделение.

Перепрыгивая с камня на камень, не боясь упасть лицом в грязь, Чаг быстро убежал далеко вперед за линию передовых постов. С гряды Щитовой горы открывается великолепный вид на восточный конец взлетно-посадочной полосы.

— Как пить дать уходят! — Чаг ткнул пальцем в убегающую по взлетно-посадочной полосе тройку БМП.

С Щитовой горы до «Шельм» чуть меньше километра. Достанет даже автомат. Но лучше не указывать аэрокосмическим истребителям собственного местонахождения. Сзади, тяжело дыша, подбежали отставшие товарищи. На узкой площадке на гребне Щитовой горы скопилось все отделение. Всем без исключения хочется посмотреть на убегающего с планеты противника.

— Мать вашу! — грозно зарычал Шнык. — Что за стадо баранов! Рассредоточились! Живо!

Солдаты послушно разбежались по гребню. Чаг торопливо отошел метров на десять и снова взглянул на взлетно-посадочную полосу.

Выучка пилотов поражает. «Торнадо», как на торжественном параде, выстроились косой линией и разом коснулись взлетно-посадочной полосы. БМП с ходу заскочили в спускаемые модули. Захлопнув люки, «Торнадо» дружно рванули вверх. Пыль от реактивных выхлопов взрывной волной разлетелась во все стороны.

— Да!!! — заорал во все горло Чаг. — Победа!!!

— Победа!!! — подхватили товарищи по отделению.

Чаг сдернул автомат с предохранителя и выпустил вослед улетающим «Торнадо» весь магазин. Дурной пример заразителен. Над грядой загрохотал самый настоящий салют. Щелчком вставив полный магазин, Чаг снова нажал на спусковой крючок и заорал еще громче:

— Мы вас сделали!!! Сделали!!! Во-о-он!!!

— Да!!! Да!!! Сделали!!!

— Во-о-он!!!

Дайзен-2 выиграл первое сражение за независимость.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net